

6991

№ 1953

ЮАННЬ СІ҃ГУРСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЪ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Сочиненіе

Юстина Желеховского,

высл. Профессора Богочестія ц. к. гимн. въ Перемышли.

Съ изображеніемъ бл. п. Іоанна Сі҃гурскаго
и съ прибавленіями.

ЛБВОВЪ, 1894.

Типомъ и накладомъ Ставропигійскаго Института.
Управитель типографіи П. Ѳ. Пухирь.

2304

L. 292

1000

№ 6991

1194 2/11

Іоаннѣ Епѣ

№ 4953

ІОАННЪ СІЬГУРСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЪ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Сочиненіе

Юстина Желеховского,

высл. Профессора Богочестія ц. к. гимназіи въ Перемышли.

Съ изображеніемъ бл. п. Іоанна Сіѣгурскаго
и съ прибавленіями.

ЛВОВЪ, 1894.

Типомъ и накладомъ Ставропигійскаго Института.
Управитель типографіи И. Ѳ. Пухирь.

ГОДЪ СЧЕТЪ

ВЪ КАЗНѢ И ДѢЛЪ

ВЪ ГОДЪ СЧЕТЪ

1891

ВЪ ГОДЪ СЧЕТЪ

ВЪ ГОДЪ СЧЕТЪ

ВЪ ГОДЪ СЧЕТЪ

1891

1891

ВЪ ГОДЪ СЧЕТЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣвши счастье, познати ближе такъ славнаго, отъ всѣхъ любимого и высокопочитающаго Мужа и высокаго Достойника, якимъ былъ епископъ Іоаннъ Снѣгурскій, — быти, исполняя должность его послѣдняго кацеляна, начнымъ свидѣтелемъ дѣятельности его и познати его благородный характеръ, — душевною пронимаюсь радостью, що мнѣ досталась честь показати свѣту добродѣтели сего незабвеннаго Владыки, а моего благодѣтеля.

Списуючи лишь то въ моихъ „Воспоминаніяхъ“, чего я былъ самовидцемъ, или слышалъ отъ старшихъ людей, приближенныхъ къ сему принопамятному Владыцѣ, о его жизни и дѣятельности, — видѣлось мнѣ, по окончаніи сего моего сочиненія, будтобы я его не въ дѣйствительномъ, но въ идеальномъ видѣ представилъ.

Однакже, побужденный моими друзьями, чтобы къ моимъ „Воспоминаніямъ“ прибавити еще и его біографію, употребилъ я къ тому дѣлу уже готовый матеріалъ въ сочиненіи пок. о. Іосифа Лозинскаго подъ заглавіемъ: „Житіе Іоанна Снѣгурскаго (Львовъ, 1851).“ И въ той книжечкѣ найшолъ я съ удивленіемъ въ свидѣтельствѣ крыл. о. Іоанна Ольшавскаго, пароха при церкви св. Варвары въ Вѣдні, предлагающаго своего сотрудника о. Іоанна Снѣгурскаго на своего наслѣдника той же парохіи, его такъ само схарактеризованнымъ, якъ онъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ представляется. И къ великой радости моей я убѣдился, що я его не съидеализовалъ, но представилъ такимъ, якимъ онъ въ дѣй-

ствительности былъ, — ибо онъ остался до кончины жизни своей такимъ, якимъ онъ былъ въ юномъ своемъ вѣцѣ, по свидѣтельству крыл. о. Ольшавского.

Такая же послѣдовательность въ характерѣ можетъ являться только въ жизни мужей, перенятыхъ со-вѣстно своимъ званіемъ и имѣющихъ лишь единственную цѣль жизни своей всегда предъ очима, — а та есть: Хвала Бога и добро ему повѣренныхъ людей. И такимъ былъ дѣйствительно нашъ Владыка Іоаннъ Снѣгурскій. „Таковъ бо намъ подобаше Архіерей (Посл. къ Евр. VII. 26),“ — и о такомъ „не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати (Дѣян. Ап. IV. 20),“ — дабы свѣтильникъ сей не оставался подъ спудомъ, но на свѣщницѣ всего міра, и свѣтилъ всѣмъ его наслѣдникамъ и на славу Матери-Руси!

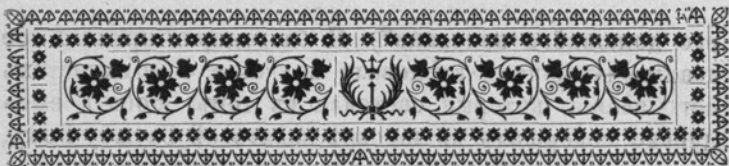
Авторъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Введеніе къ „Воспоминаніямъ“ о епископѣ Снѣгурскомъ, — Призваніе автора на дворъ епископа Снѣгурскаго въ должность домашняго капеляна, — Празднество тезоименія епископа въ Валявѣ въ день св. Іоанна Богослова, — Выѣздъ епископа до Трускавца на минеральныя воды, — Село Страшевичи, — Пробываніе въ Трускавцѣ, — Отѣздъ изъ Трускавца въ Перемышль на храмовый праздникъ Рождества св. Іоанна Крестителя. Стор. 3—26. (Обширное описаніе сего торжества слѣдуетъ въ статьи V).
- II. Жизнеописаніе епископа Іоанна Снѣгурскаго отъ его рожденія до 1847 года, — Его дѣятельность для блага Церкви и народа русскаго. Стор. 27—44.
- III. Личность епископа Іоанна Снѣгурскаго, — Его ежедневныя занятія, — Его обращеніе съ крылошанами и прочимъ клиромъ, — Со знакомыми, помѣщиками — съ латинскимъ духовенствомъ, — Съ молодежію, — Со своимъ домашнимъ капеляномъ и съ службою, — Палатовый вокальный хоръ, — Отношенія епископа Іоанна къ проявленію русскаго духа, — Его встрѣча съ русскимъ литераторомъ Яковомъ Головацкимъ, — Употребленіе русскаго языка въ обращеніи съ клиромъ и службою палатovou. Стор. 45—58.
- IV. Отношеніе епископа Снѣгурскаго къ своимъ сродникамъ, а предовѣмъ къ своей матери. Стор. 59—61.
- V. Продолженіе „Воспоминаній“ о епископѣ Снѣгурскомъ по возвращеніи его изъ Трускавца въ Перемышль на праздникъ храмовый св. Іоанна Крестителя (Ст. I.), — Описаніе велелѣпія праздничнаго торжества, — Стеченіе народа сельскаго и маломѣщанскаго, — Торжественное шествіе архіерея Іоанна въ церковь, — Богослуженіе и Проповѣдь, — Поворотъ епископа въ палату, — Благословеніе народа, — Угощеніе духовенства. Стор. 61—72.
- VI. Причина паденія обряда церковнаго въ храмѣ престольномъ передъ вступленіемъ на престоль епископа Снѣгурскаго, — Его старанія о возстановленіи правильнаго совершенія всѣхъ ежедневныхъ службъ церковныхъ, — Проповѣди недѣльныя и катехизація. Стор. 72—76.
- VII. Предусмотрительность, благоразуміе и безпарціальность епископа Снѣгурскаго при замѣщеніи важнѣйшихъ должностей душпастврскихъ и учительскихъ, а именно: приходовъ въ Валявѣ, Самборѣ, Ярославѣ и каедры богочестія на философскомъ лицѣ въ Пе-

- ремышль (Фомою Полянскимъ), — Учрежденіе и вѣнованіе крылошанскаго достоинства канцлера капитулы и вообще умноженіе числа клира душпаствурскаго при церкви кафедральной. Стор. 77—90.
- VIII. Старательность епископа Іоанна Снѣгурскаго о поднесеніе матеріальнаго добробыта русскаго духовенства, а предовѣзмъ русскаго Собора крылошанъ въ Перемышль и его завѣщаніе, въ той цѣли составленное, — Реформа церковно-словенскаго обряда, тихая и благо-разумная въ цѣлой епархіи, по примѣру церкви св. Варвары въ Вѣднѣ, — Заведеніе вокально-музыкачнаго нотнаго пѣнія при богослуженіяхъ въ престольной церкви въ Перемышль и науки церковно-словенскаго языка для кандидатовъ духовнаго званія. Стор. 91—113.
- IX. Дальшая дѣятельность епископа Іоанна Снѣгурскаго, а именно: Назначеніе испытателями при конкурсовыхъ приходскихъ испытахъ о. Фомы Полянскаго и о. Антонія Додбрянскаго и введеніе въ принципъ русскаго языка въ испыты конкурсовы въ перемышльскаго епархіи. Стор. 113—116.
- X. Поведеніе епископа Іоанна Снѣгурскаго относительно редакціи Альманаха, изданнаго г. 1846 подъ заглавіемъ „Вѣнок Русинамъ на обжинки,“ — Взглядъ владыки на новую правопись, — Отказъ принятія дедикаціи II. части Альманаха, а въ слѣдствіе того возвращеніе редакціи II. части того Альманаха къ завѣтному русско-словенскому прависписанію. Стор. 117—119.
- XI. Послѣдніи дни и хвили жизни епископа Снѣгурскаго, а именно: освященіе новосозданной церкви въ Хировѣ, — Предуготовленія къ прїѣзду владыки въ Хировѣ, — Прїѣздъ, — Торжество освященія и Служба Божая, — Проповѣдь на рускомъ языкѣ въ ново-освященной церкви, — Ц. к. власти, — Поведеніе русскаго и латинскаго клира при томъ торжествѣ, — Пращаніе и отъѣздъ архіерея въ Перемышль, — Скоропостижная болѣзнь епископа, — Ея перебѣгъ, — Послѣдніи хвили его жизни и смерть праведника, — Общій жалъ, — перенесеніе тѣла изъ палаты въ церковь кафедральную, — Заупокойныи молебствія и литургія, — Пращальное слово, — Послѣднее цѣлованіе, — Перенесеніе тѣла изъ церкви на кладбище Благовѣщенское, гдѣ до нынѣшняго дня упокоивается. Стор. 119—140.
- Прибавленія. Стор. 141—180.

Воспоминанія о Епископѣ Іоаннѣ Снѣгурскомъ.

(Изъ записокъ его послѣднѣго капеляна.)

I.

Хотя уже сорокъ шесть лѣтъ тому, якъ закрыта могила пок. епископа Іоанна Снѣгурского, то однакже тѣ, которыи любили его, не могутъ собѣ дати отчета о той, въ высшей степени доброй памяти, которую покойный оставилъ по собѣ у всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ близшіи отношенія. Тожь и я, пишущій строки сіи, будучи въ 1847 году его послѣднимъ домовымъ капеляномъ (придворнимъ священникомъ), часто воспоминаю о томъ предобромъ владыцѣ, — о его снисходительности, любезности ко всѣмъ, приближавшимся къ нему, о его старательности о добро Церкви и славу обряда, — вообще о его любви ко всему, що свое, русское.

Будучи завѣдателемъ прихода Молошковици въ 1847 году, былъ я завозванъ деканомъ Судововищенскимъ, о. Тимошеемъ Черкавскимъ, подъ д. 10 апрѣля, въ слѣдствіе приказанія консисторіи Перемышльской, щобы явитись немедленно предъ преосвященнымъ епископомъ лично. Исполняя сіе повелѣніе, поѣхалъ я сейчасъ въ Перемышль и представился епископу, который мене, якъ обыкновенно, любезно принялъ и объявилъ, що воля его есть, дабы я принялъ должность

его домашняго капеляна*). Я благодарно принялъ тое званіе, — по чемъ слѣдовало поученіе о должностяхъ сего званія, которые состояли въ томъ, чтобы я ежедневно совершалъ въ часовнѣ палатовой Службу Божу, выработывалъ нѣкоторые ординаріатскіи рефераты, порядковалъ епископскую бібліотеку и былъ церемоніаремъ при святительскихъ богослуженіяхъ. А чтобы я не лишился заслуги въ душпаствырствѣ, былъ я поставленъ и пенитенціаріемъ кафедральнымъ бесплатнымъ съ должностию, въ дни воскресныи и праздничныи исповѣдати въ кафедральной церкви приходящихъ кающихся.

Едва я устроился въ моемъ новомъ жилищѣ въ палатѣ владычой, а уже наступило празднество тезоименія епископа Іоанна, 8-го мая, въ день св. Іоанна Богослова. Въ навечеріе сего, для цѣлой епархіи торжественнаго дня, принималъ епископъ поздравленія съ днемъ своего Ангела отъ собора крылошанъ, лат. епископа Фр. Вѣржлейского съ его канониками, отъ професоровъ философическаго заведенія, которого онъ состоялъ директоромъ, яко же и отъ начальниковъ всѣхъ ц. к. властей, — по чемъ онъ отправился вечеромъ въ Валяву, гдѣ на другій день утромъ присутствовалъ въ приходской церкви во время св. Литургіи, которую торжественно отслужилъ за здравіе и дол-

*) Епископъ Іоаннъ зналъ мене еще изъ дѣтскихъ лѣтъ, ибо отецъ мой Василій былъ его соученикомъ и другомъ изъ школьныхъ лѣтъ, а послѣ близкимъ сосѣдомъ на приходѣ въ Вышатичахъ, полъ мили отъ Валявы, гдѣ я часто во время вакацій имѣлъ случайность бывать, а особенно въ огородѣ владычомъ на солодомъ агрестѣ. Въ ономъ-то огородѣ былъ я разъ встрѣченъ епископомъ, который мене перепуганнаго, усмѣхаясь снисходительно, вопрошалъ: „Чій ты? а добре учишься?“ А когда отвѣты были удовлетворительны, тогда я получилъ позволеніе, пользоваться агрестомъ. „Но не за много ѣжь, чтобы ты не заболѣлъ,“ было отцевское предостереженіе владыки.

годенствіе епископа тогдaшній парохъ и деканъ, о. Антоній Добрянскій*).

Такъ якъ Валява есть самое примѣчательное мѣстопребываніе русскихъ владыкъ Перемышльскихъ, считаю не излишнимъ въ нѣсколькихъ строкахъ тутъ о ней упомянути.

Валява—село, належащее отъ непамятныхъ временъ епископіи Перемышльской, — достопамятное въ исторіи епископства изъ борьбъ епископовъ православныхъ и уніятскихъ, — отдаленное двѣ мили отъ Перемышля, лежитъ на равнинѣ, простирающейся отъ подножія Карпатъ къ Радымну и Ярославлю надъ рѣкою Сяномъ. Изъ Перемышля ѣдется тамъ черезъ село Жиравицу, а послѣ полями Болестрашицкими и Вышатицкими, на которыхъ границѣ стоитъ малая часовня, отъ которой дорога, по правой сторонѣ высажена тополями, ведетъ прямо въ село.

Тотчасъ при вѣздѣ натыкаешся на ставъ, въ который впадаетъ польный потокъ, перетинающій вздолжъ село, а отъ става, гдѣ стоитъ млынъ, проходитъ черезъ владычій огородъ возлѣ стаенъ дворскихъ и яринного огорода, по-передѣ ворота палаты, — а послѣ черезъ часть села до устья въ Сянь.

Особенно занимательно есть положеніе двора, или такъ зовимой »палаты» владычой. Сей дворъ, построенный епископомъ Сиѣгурскимъ изъ твердого матеріала, вмѣсто старого деревянного, съ шестью довольно обширными комнатами, съ верандою при входѣ, обращенномъ къ селу, стоитъ на пригорку надъ са-

*) Що епископъ Іоаннъ Сиѣгурскій навѣкъ отъ давнихъ временъ день своего тезоименія праздновати въ Валявѣ, свидѣльствуетъ кантата, въ привѣтствіе ему поднесенная о. Іосифомъ Левицкимъ »дня 8 мѣсяца Мая года 1829 въ Валявѣ,“ а подъ заглавіемъ »Оказаніе высокаго почтенія Его Преосв. Господину Іоанну Сиѣгурскому, Епископу Перемышльскому“ и пр., напечатанная тогда же въ Ставропигійской типографіи во Львовѣ.

мымъ стромымъ, эскарпами, виноградомъ насаженнымъ, украшеніями снабженнымъ и зеленымъ крижовникомъ вѣнчаннымъ берегомъ, у котораго подножья розстелается весьма пріятный, берестянымъ лѣскомъ и широкимъ Сяномъ окаймленный овочевый садокъ.

На вершинѣ сего высокаго берега величаво представляется палата. Оттуда-то пречудесный видъ на цѣлую далекую и пространную равнину, съ окрестными селами и вьющимся Сяномъ.

Изъ правой стороны палаты подносится въ вышину берегъ, а на немъ улочка, высажена въ длину виноградомъ, ведущая въ остроконечный уголь надъ глубокимъ и стромымъ перекопомъ берега, ведущимъ отъ Сяна въ село. Тамъ подъ величавымъ, вѣтвистымъ берегомъ стояла скамейка, гдѣ епископъ Іоаннъ лѣтомъ, сидя, любилъ наслаждаться живописнымъ видомъ на далекую равнину и на часть села, гдѣ церковь мурованная и обиталище священника.

Изъ другой же стороны возлѣ палаты стоитъ старинная, на два грубыя конары роздѣлившаяся, широковѣтвистая липа (такую самую власноручно посадилъ епископъ Іоаннъ и съ правой стороны палаты), — а немножо дальше обиталище для комисаря владычого, такъ званныя официны, съ малымъ яриннымъ огородомъ, который отдѣляется глубокимъ перекопомъ отъ великаго сада овочевого.

Тотъ перекопъ, перетинающій берегъ отъ Сяна къ селу и валъ передъ вѣздомъ до палаты, приводятъ на заключеніе, що когда-то въ давныя времена палата была укрѣплена.

Изъ причины прелестнаго положенія палаты, близости Перемышля и купелей Сяновыхъ, любилъ епископъ Іоаннъ частѣйше изъ всѣхъ своихъ сель лѣтомъ пребывать въ Валявѣ.

Въ другій день по именинахъ епископа Іоанна помянутаго 1847 г., были до Валявы на обѣдъ запрошены: архипресвитеръ о. Іоаннъ Селецкій, о. Анто-

ній Добрянскій и двоухъ професоровъ заведенія философского, д-ръ Александръ Завадскій, професоръ физики, и о. Франць Хлебечекъ, піаристъ, професоръ математики и геометріи. Тѣхъ двоухъ любилъ епископъ часто приглашати къ обѣду по поводу ихъ всегда веселого расположенія; — оба знали своими бесѣдами хорошо забавляти епископа.

Д-ръ Завадскій*), зная любовь епископа къ русскому языку, сдѣлалъ ему неожиданную радость тѣмъ, що прибылъ со своимъ сыномъ, хорошимъ восьми-лѣтнимъ мальчикомъ, который привѣтствовалъ владыку прехорошо выученными стихами русскими, чѣмъ необыкновенно возрадовался епископъ. Стихи тіи были слѣдующіи:

Ваше Превосходительство!

Въ день Святаго Богослева
Зъ сердца моего прійми слова.

Якъ природа вся красенъкимъ
Весны маемъ процвѣтаеть,
Птиць голосомъ солоденькимъ
Должну Богу честь отдаеть:

Такъ, Пастыре! днесъ витаю
Въ веснѣ житья молодого
Тя радостно, — и сплѣтаю
Вѣнецъ малый сердца моего.

Жій въ найдолши для насъ лѣта,
Будь здоровый, якъ вода,
Славный на край всего свѣта,
А веселый, якъ весна!

(подписано:) Александръ Завадскій.

Вечеромъ передъ отъѣздомъ гостей поданъ былъ чай подъ славною, великою, старою, историческою липою возлѣ палаты. При веселыхъ, истинно дружескихъ

*) Д-ръ Александръ Завадскій былъ родомъ изъ Силезіи, — а жена его была русская, дочь священника, изъ фамиліи Чайковскихъ.

розговорахъ, окончилось сіе весьма пріятное празднество. Сердечно роспрашался праводушный, всѣми искренне любленный владыка-хозяинъ со своими гостями, — а были то послѣдніи его именины...

Не минуло нѣсколько дней послѣ сего праздника, а я опять долженъ былъ сопровождать владыку въ Трускавецкіи купели. Обыкновеніемъ было владыки, когда удавался въ дальшій путь, выѣздити въ лѣтній порѣ въ 4 или найдалше 5 часовъ утромъ, тожь и теперъ выѣхали мы въ день 28 мая (9 черв.) 1847 г., въ половину пятого часа утромъ. Выѣхавши за городъ, читалъ я епископу въ голосъ молитвы утренній изъ іерейскаго молитвослова, а послѣ я долженъ былъ владыку забавляти разговоромъ о различныхъ предметахъ.

Въ Добромиліи былъ завтракъ и короткій отдыхъ, а въ Хировѣ обѣдъ, по чемъ, нигдѣ не задерживаясь, мы прибыли около 3 часовъ по полудни до Страшевичъ, гдѣ былъ опредѣленъ ночлеги.

Село Страшевичи лежитъ у подножія горъ Самборскихъ, надъ Днѣстромъ, въ отдаленіи одной мили отъ Старого-Мѣста (Старого Самбора) и такъ само отъ города Самбора. Изъ Хирова ѣдется тамъ цѣсарскимъ трактомъ черезъ городокъ Старусоль и село шляхотское Бачину, въ Торгановичахъ же поворачается на право, а переправившись черезъ Днѣстеръ, еще здѣсь довольно мѣлкій, пріѣзжается въ Страшевичи, село епископіи Самборской, наданное еще въ 1292 году владыцѣ княземъ русскимъ Львомъ, сыномъ короля Давіила.

На равнинѣ посреде села стояла такъ зовимая палата епископская*). Былъ то старинный деревянный домъ, состоявшій изъ пяти великихъ комнатъ необыкновенной высоты, съ прихожею и верандою.

*) Сія палата была потомъ за временъ епископа Григорія Яхимовича, понеже грозила паденіемъ, розобрана.

Тѣ комнаты были обиты полотняннымъ, когда-то крашенымъ, но теперь облеклымъ обоимъ. Дряхлыи, по части спорохивѣлыи стѣны сего двора были изовнѣ еще епископомъ Антоніемъ Ангеловичемъ скрѣплены и обведены тонкою кирпичною стѣною. Въ щелинѣ между деревяною и кирпичною стѣною заплодилось во время опустѣнія дома множество различного рода животныхъ, мирно вкупѣ живущихъ, которыи въ ночи, всякими голосами выхваляя своего Сотворителя, давали знаки своего существованія и изъявляли радость изъ своего выгодного убѣжища... Въ сали, т. е. въ средней большой комнатѣ, въ нишѣ, высунутой въ наружу, прямо входныхъ дверей, построена была малая часовня съ престоломъ къ отслуженію св. Литургіи, затворена тапетованными дверьми.

Вокругъ двора былъ великій садъ, съ хорошими аллеями. При входѣ въ подворье стоялъ невеликій домъ (официны), за которымъ виднѣлась небольшая долина, валомъ обведена. Тутъ былъ за время епископа Антонія Ангеловича, якъ мнѣ однажды, прогуливаясь со мною, розсказывалъ пок. епископъ Іоаннъ, ставъ съ рыбами, Епископъ Антоній любовался въ рыбахъ, а особенно въ щупакахъ; тожь великую дѣлалъ ему пріятность, кто ему въ даръ принесъ якого щупака. Для того случалось, що священники, имѣющіи свои приходы при ставахъ и рѣкахъ, привозили иногда своему владыцѣ рыбы до его ставу, зная, що ему то пріятно. Не уйшла та слабая сторона епископа зоркой внимательности тамошняго еврея, для того предлагалъ онъ посѣщающимъ владыку священникамъ щупаки на продажу. Щобы собѣ облегчити трудъ, имилъ онъ тайно одного изъ большихъ щупаковъ въ ставѣ владычомъ и продавалъ по нѣскольکو разы того же священникамъ, посѣщающимъ владыку. Епископъ велѣлъ всегда щупака пускати въ ставъ, а еврей долгое время дѣлалъ собѣ изъ того

Geschäft. Знаючи о томъ, назвали сего щупака
»вѣчнымъ.«

Епископъ Ангеловичъ любилъ изъ трехъ своихъ сель наибольше Страшевичи, гдѣ онъ долгое время пребывалъ, хозяйство на великую скалю завелъ и самъ нимъ управлялъ*). Тамъ, гдѣ теперь на пригорку пасовище, сѣялъ онъ и собиралъ прехорошую пшеницу. Въ томъ селѣ была учреждена первая въ Галиціи паперня (бумажный заводъ), гдѣ производилась бибула, паперъ для типографіи, якоже и хотъ не весьма хорошій, но къ употребленію въ канцеларіи на тогдашнее время довольно добрый паперъ.

*) Тотъ же епископъ пребывалъ иногда и въ Валявѣ, чего доказательствомъ суть анекдоты о томъ, удержавшіся въ сосѣднемъ селѣ Вышатичахъ, — якъ на пр. тая о посѣщеніи его въ Валявѣ Перемышльскимъ лат. епископомъ Антоніемъ Голашевскимъ. Епископъ Голашевскій любилъ часто посѣщати епископа Ангеловича, когда онъ пребывалъ въ Валявѣ, и то верхомъ, въ сопровожденіи одного или двухъ канониковъ, также на коняхъ ѣдущихъ, — якъ тогда былъ обычай. Ёдучи однажди на такое посѣщеніе черезъ село Вышатичи и сближаясь къ Валявѣ, встрѣтили они одного Вышатичанина, возвращающагося изъ Валявы. Епископъ Голашевскій спросилъ его: Чи есть владыка дома? — Селянинъ, склонившись низко, отвѣтилъ: Есть, ясный пане. Епископъ, будучи въ веселомъ расположеніи, прибавилъ шутя: А владычица есть? На то отвѣтилъ мужикъ безъ намысла подобною же шуткою: «Нѣтъ ей дома, бо поѣхала на крестины до польского бискупа до Перемышля.» Смѣясь, розказывалъ онъ самъ о томъ епископу Ангеловичу. — Обычай, ѣздити верхомъ, запам'яталъ и я, пишущій сіи строки; будучи еще мальчикомъ въ школахъ, видѣлъ я каноника лат. Витославского, 90-лѣтнего старика, ежедневно ѣдущаго верхомъ на сивомъ кони на прогулку, — и то былъ послѣдній сей старинный обычай. — Наведу еще розказъ о еврей, торгующомъ вощинами. Нѣкій еврей, торгующій тѣмъ найнищимъ сортомъ промышленности своего народа, накупивши полный мѣшокъ вощины и вертая домой со своею добычею, пришолъ надъ рѣку Сянь и ждалъ, не надѣдетъ ли кто, щобы могъ достатись съ нимъ на противный берегъ въ село

Село Страшевичи граничить изъ одной стороны съ селомъ Торгановичи, по-подъ которое идетъ такъ зовимая цѣсарская дорога изъ Хирова до Самбора. Узкая часть земли, належащій епископству, тягнется ажъ до той дороги по-межи поля Торгановецкіи. Епископъ Свѣтурскій началъ на той части земли со-зидати корчму. Опасаясь конкуренціи, помѣщикъ изъ Торгановичъ п. Созанскій подалъ протестъ въ судъ, основываясь на томъ, що та полоса лежитъ между полями Торгановецкими. Въ слѣдствіе того протеста запретилъ судъ дальшую постройку сей корчмы, а

Вышатици. Въ томъ увидѣлъ онъ двоихъ мужчинъ изъ интеллигенціи, возящихся на лодцѣ по рѣцѣ. Такъ сталъ онъ ихъ просити, чтобы они его перевезли на другую сторону рѣки. И стало по желанію его. Они приплыли къ берегу и еврей сѣлъ въ лодку. Старшій изъ нихъ въкомъ, скромно одѣтый, грѣбъ и управлялъ весломъ, младшій же, хорошо одѣтый, стоялъ въ челнѣ. Еврей, умѣстившись при старшомъ, розсказывалъ, гдѣ и у кого много пчель и вошины и проч. Когда уже сближались къ берегу, тогда еврей присунулся ближе къ старшому, грѣбущему весломъ (а то былъ митрополитъ Ангеловичъ) и спросилъ по-тиху: *Słyszysz aspan, co to za rap?* показуя на его хорошо одѣтого лакея. Загѣмъ наступилъ отвѣтъ, прибили до берега, а ганделесъ возрадованный, що сухо достался на берегъ, поблагодаривши перевезшихъ его, отойшолъ. Въ Вышатицахъ зайшолъ онъ къ тамошнѣму приходнику, имѣющему насѣку, въ дѣлѣ своей покупки вошинъ. Тутъ сталъ розсказывати говорливый ганделесъ о своихъ покупкахъ и якъ онъ переправился черезъ Сянь, и радъ былъ знати, кто былъ тотъ хорошо одѣтый „панъ.“ Приходникъ, зная о обыкновеніи митрополита, прогуливатись по водѣ съ своимъ лакеемъ, догадался сейчасъ, що то былъ митрополитъ, любящій дѣйствовати весломъ, и сказалъ еврею: *Якъ же ты бѣдный ганделесъ посмѣлъ митрополиту говорити „Aspan?“* — Приведенъ въ испугъ сталъ горевати: *Aj waj! a so grojser Monarch, ind ech hab ihm gesugt Aspan, — ech armer Parch!* — Въ Валявѣ оставилъ память по собѣ митрополитъ Ангеловичъ тѣмъ, що засѣялъ нагій давній берегъ Сяна, где стоитъ палата, берестомъ, изъ чего сдѣлался хорошій лѣсокъ.

изъ того распочался долготнїй процессъ, который окончился въ пользу епископіи, понеже доказано на основанїи стариннаго документа, що та полоса земли есть даровщиною, данною владыцѣ Самборскому еще отъ польской королевы Боны, которая имѣла на пригорку въ Торгановичахъ свой замокъ, гдѣ еще доси фундаменты тогожь находятся. Изъ того замка ѣздила она купатись до Днѣстра съ численнымъ конвоемъ дамъ, тожь и та дорога была довольно широка. Опущенная тотъ замокъ на всегда, она подарила тую дорогу владыцѣ Самборскому.

Въ маломъ отдаленїи отъ двора видѣется церковь съ двома куполами, построена епископомъ Максиміаномъ Рыллою въ 1795 году изъ твердаго матерьяла, а воззѣ ней ей подруга и сотрудница, — школа*), не далеко же отъ нихъ и домъ приходскїй. Приходникомъ въ то время былъ тутъ о. Георгїй Кущикевичъ, деканъ Старосамборскїй, далекій сродникъ епископа Свѣгурского, сродникъ плотїю, а не духомъ, ибо, хотя тогда майже всюду говорили въ до-

*) Епископъ Іоаннъ Свѣгурскїй во всѣхъ трехъ селахъ, належавшихъ епископіи Перемышльской, удерживалъ на свой счетъ школы, изъ которыхъ въ Валявѣ и Страшевичахъ были тривїальныя, а въ Вѣлюначахъ парохїальная. Тотчасъ по вступленїи его на престолъ епископскїй въ 1818 году, было первымъ его дѣломъ учрежденїе института дьяковъ и учителей сельскихъ въ Перемышлѣ, родъ семинаріи, въ цѣли образованїя способныхъ учителей народныхъ, который-то институтъ утверждень декретомъ цѣсаря Франца I. изъ дня 24 серпня 1818 г. А то есть доказательствомъ, якъ епископы и духовенство русское уже въ тогдашнее время заботились о просвѣщенїи народа сельскаго, имъ повѣреннаго, и они выпередили о поль вѣка нынѣшнихъ польскихъ просвѣтителей народа. Тотъ институтъ содерживался съ начала коштомъ епископа Іоанна и складками духовенства енархіального, а послѣ вѣноваль его епископъ Іоаннъ купленнымъ за 4000 дукатовъ селомъ Новоселки и частїю доходовъ изъ дома, названнаго „Старый Циркуль.“

махъ священническихъ по польски, но духъ былъ еще русскій, — у него же и того не было. Дочки его гордили русскими женихами, а сынъ, окончившій богословіе, только по той причинѣ не женился, чтобы „tak był pięknym, jak ksiądz łaciński;“ братъ же родной о. Кущикевича, мандаторъ епископа Снѣгурского, совершенно отмѣнилъ обрядъ свой на латинскій и всѣ дѣти далъ покрестити на обрядъ лат.;— двоихъ сыновъ его было ксендзами лат., хотя самъ былъ въ службѣ у русскаго епископа и еще до того сродникомъ его... Вотъ образъ жалкаго состоянія Руси тогдашнѣго времени...

Вспоминая о достопамятностяхъ Страшевичъ, отступилъ я немножко отъ розказа о предпринятомъ путешествіи до Трускавца, — тожъ вертаюсь къ предмету.

Переночевавши въ помянутой старой палатѣ, выѣхали мы въ слѣдующій день по раннемъ обѣдѣ въ 10 часовъ утромъ черезъ Самборъ и прибыли о 7 часѣ въ Дрогобычъ; уже день клонился къ вечеру, тожъ не было въ намѣреніи епископа задерживатись въ томъ городѣ. Переѣзжая однакже возлѣ церкви монастырской св. Троицы, увидѣлъ владыка приходника Трускавецкаго, о. Игнатія Облочинскаго, стоящаго съ черницами въ дверяхъ монастыря. Епископъ велѣлъ остановитись каретѣ. Черницы и о. Облочинскій сейчасъ приблизились къ повозцѣ, члобы привѣтствовать ожиданнаго высокаго гостя. Увѣдомлень о. Игнатіемъ епископъ, що обиталище для него въ Трускавцѣ отвѣтно устроено и все приготоовлено для его принятія, завозвалъ о. Игнатія, щобы сѣлъ въ карету и сопровождалъ его въ Трускавецъ.

Уже смерклось добре, когда епископъ пріѣхалъ съ нами въ село. Колокольчики церкви Трускавецкой привѣтствовали Архіерея своимъ пріятнымъ »до складу» звономъ. Дѣти сельскіи, учувши звукъ колоколовъ, сбѣглись и сопровождали медленно поступающую

карету, а толпа селянъ, вертающихъ изъ поля, якоже и нѣкоторые изъ гостей купельныхъ, стояли возлѣ церкви, ожидая прїѣзда высокаго гостя. Мѣсто пребыванія, опредѣленное для епископа, былъ то дворецъ хорошій, на пригорку положенный, собственность тогдашняго камеральнаго лѣсничаго. Дворецъ сей съ маленькимъ огородцемъ, обведенный крашенымъ частоколомъ, отстоялъ отъ церкви только черезъ дорогу.

Понеже епископъ Іоаннъ любилъ ежедневно присутствовати при св. Литургіи, совершаемой капелляномъ, тожъ было то весьма выгодно.

Церковь та старая, деревянная, изъ внѣ уже не привлекательная, а внутрь еще тѣмъ меньше, — безъ иконостаса, — престолъ головной въ формѣ латинскаго, но не гарный. На самомъ престолѣ не было подсвѣщниковъ, но двѣ узкія доски съ деревянными колками, въ которыя заправлялись жолтыя свѣчи. Одежды священныя, — фелоны и пр., были еще въ сровнаніи съ цѣлостію церкви довольно добры. Къ окопѣлымъ стѣнамъ церкви прижималось, якъ обыкновенно, нѣсколько малыхъ престоликовъ, негрѣшащихъ чистотою, съ такими же якъ и головной престолъ примитивными подсвѣщниками. Тогда, во времени глубокаго паденія нашего обряда, такая неурядица въ церквахъ нашихъ не поражала никого, — *ländlich, sittlich*, — ибо рѣдко где заботилися о украшеніи и чистоту церкви. То обстоятельство однакоже, що не было тамъ даже деревянныхъ, по тогдашнему обыновенію, подсвѣчниковъ, — являло слишкомъ много нерадѣнія изъ стороны приходника...

Епископъ Іоаннъ, всегда ласкавый и милый, даже и въ выговорахъ, или, якъ выразился крыл. Витошинскій въ пращальномъ словѣ при похоронѣ его: »ц о в е л ѣ в а л ѣ я к ѣ - б ы п р о с и л ѣ ,» — епископъ Іоаннъ — кажу — вспомнулъ однажды приходнику въ присутствіи арендатора заведенія купельнаго г. Краля, що въ селѣ, гдѣ много гостей изъ различныхъ сто-

ронъ на воды прибываетъ, должны бы въ церкви хотя-бы деревяныи подсвѣщники были... На тѣ слова г. Краль прирекъ купити подсвѣщники и сейчасъ написалъ на свой счетъ изъ Львова шесть цинovýchъ подсвѣщниковъ и подарилъ ихъ церкви. Также изъ-явилъ епископъ желаніе построенія новой церкви, но тогдашній начальникъ фервальтеріи (управленія) добръ камеральныхъ, Полякъ, непреклонный обряду русскому, сбывъ епископа хорошими словами и обѣтницами, но не сдѣлалъ въ томъ отношеніи ничего*).

Приходникъ тамошній, честный человекъ и любленный отъ своихъ прихожанъ, но, якъ въ тогдашнее время большая часть духовенства русскаго, изъ причинъ великаго пониженія обряда нашего, упавши духомъ, — безъ высшей идеи, — глядали удовольствія, — одни въ хозяйствѣ, другіи въ игрѣ картъ: такъ и нашъ о. Игнатій любовался въ звѣринной ловлѣ, — былъ бо онъ славный любитель охоты и искусный стрѣлецъ кабановъ, — не имѣя собѣ ровнаго между всѣми лѣсничими тамошней камеры.

»Владыка въ Трускавцѣ!» рознесся скоро слухъ въ окрестности Трускавца и Дрогобыча.

Довѣдавшись о томъ, сосѣдніи священники явились уже въ первыхъ дняхъ его пребыванія на водахъ, щобы привѣтствовать сего, всѣми возлюбленнаго и высокопочитаемаго гостя, въ ихъ сторонахъ, — а радость ихъ была велика и искренна. Первыми изъ тѣхъ были: о. Григорій Ивановскій изъ Модрича, о. Іоаннъ Маршалкевичъ изъ Тустановичъ, о. Василій Комарницкій изъ Лишни, о. Василій Гапоновичъ изъ Вороблевичъ, о. Левъ Кордасевичъ изъ Нагуевичъ,

*) Теперь стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ новая, изъ твердаго матеріала, круглымъ куполомъ украшенная, въ 1884 году заботою о. Петра Кошалкевича, тамошняго приходника, созданная, внутри хорошо устроенная церковь, величаво господствующи изъ вышины надъ низше положенными зданіями купельнаго заведенія.

монахи Чина св. Василя В., о. Іустъ Ганкевичъ, съ законоучителемъ тамошнихъ школъ нормальныхъ, о. Наркисомъ Панковичемъ, также о. Іосафатъ Качановскій, бывший игуменъ въ Дрогобычѣ, а тогда игуменъ монастыря въ Краснопушчѣ, остающій въ купеляхъ въ Трускавцѣ, и пр. Сей послѣдній былъ частымъ гостемъ у владыки Іоанна, который его любилъ изъ-за его говорливости, чѣмъ весело располагалъ владыку.*)

Во все время пребыванія здѣсь епископа пріѣзжали сюда майже ежедневно и другіи священники, по части для сложенія своего почтевія, по части по своимъ личнымъ дѣламъ. Между послѣдними былъ и сотрудникъ изъ Орового, о. Антоній В., о которомъ здѣсь воспоминаю изъ-за особенной важности примѣчанія епископа о немъ. Той же, уже старшій въ лѣтахъ жизни (40 лѣтъ) и службы душпастырской (16 лѣтъ) священникъ, былъ еще всегда сотрудникомъ. При обѣдѣ въ разговорѣ о священникахъ, посѣщающихъ владыку, примѣтилъ я, что онъ такой старый, а еще всегда состоитъ сотрудникомъ. На то рекъ епископъ:

*) О. Іосафатъ Качановскій — былъ то мужъ, который яко игуменъ монастыря въ Дрогобычѣ оставилъ по собѣ не мало поговорокъ о своей личности. Любилъ онъ часто процесоватись то съ магистратомъ Дрогобычскимъ, то съ фервальтерію, и былъ такъ оборотнымъ въ томъ отношеніи, що тяжбу, хотя не въ дорозѣ права, то таки въ провизоріи выигрывалъ, — чѣмъ приобрьлъ собѣ извѣстность въ окрестности и славу знатока правъ. Онъ имѣлъ особенное свойство привлекати людей къ собѣ; достойниковъ и знаменитыхъ мужей любилъ онъ хорошо угощати, съ прихожанами былъ популярный, вліятельнѣйшихъ изъ мѣщанъ приглашалъ къ собѣ на гостину и заставлялъ ихъ содерживати довольно стройный пѣвческій хоръ въ церкви. За его стараніемъ и теперь приходили тѣ пѣвцы въ Трускавецъ каждой Недѣли, щобы во время аріерейской Службы пѣти. За своего игуменства построилъ онъ хорошую церковь св. Петра и Павла на передмѣстьи Загородьѣ съ монастыремъ и тамъ оставилъ память по собѣ.

»Якъ же ему дати лучшее мѣсце, коли онъ, чѣмъ долше есть священникомъ, тѣмъ меньше має заслугъ?»

Должность моя въ Трускавцѣ состояла въ томъ, чтобы всегда утромъ въ церкви отслужити св. Литургію въ присутствіи епископа, а послѣ сопроводити его къ источникамъ минеральныхъ водъ. Тамъ, по каждомъ употребленіи воды, прогуливался ежедневно епископъ по хорошо къ той цѣли устроеннымъ тропинкамъ и заулкамъ лѣснымъ, при чемъ велъ со мною пріятный и быстроумный разговоръ, — а говорилось тамъ обыкновенно по русски, не смотря на то, що той языкъ въ оное время еще и между Русинами не былъ въ употребленіи... Всѣ бо, а даже и священники, говорили съ собою и въ родинныхъ кругахъ большою частію по польски, — только до слугъ и мужиковъ употребляли языкъ русскій. Въ палатѣ же епископа Іоанна уже въ то время былъ домашнимъ разговорнымъ языкомъ для всѣхъ языкъ русскій, а даже кучеръ Францъ, мазуръ *z rod ciemnej gwiazdy*, хотя ему невозможно было наломати свой языкъ мазурскій на русскій, то однакже всѣ повелѣнія получалъ отъ владыки по русски*). Въ то время уже началъ пробужатись духъ народный русскій между интеллигенціею русскою и, переняты нѣжнѣйшимъ чувствомъ народнымъ, употребляли той же языкъ въ разговорахъ со своими одномышленниками. Къ такимъ первымъ пробуженнымъ належалъ и епископъ Снѣгурскій, для того онъ съ домашними своими говорилъ всегда по русски.

Случилось разъ на нашей прогулкѣ въ Трускавцѣ, що одинъ еврей, сидя на скамейцѣ въ павилонѣ при керницѣ, названной *Maria Trink-Quelle*, прислушивался нашимъ разговорамъ, а не зная, що то

*) Неразъ, будучи въ веселомъ расположеніи, шутя, говорилъ владыка: „Францъ, чому ты не говоришь по русски?“ На то отвѣчалъ простодушный мазуръ: „*O ja bym rad Jośnie Ponie po rusku godać, i rozumiem wsycko, ale godać — to nie godzien.*“

епископъ, обращаясь къ владыцѣ, спросилъ его: *A zkad Jegomość?* — Я, выручая владыку, спросилъ еврея, зачѣмъ ему то знати. На то отвѣтилъ еврей: *Bo u nas tak tylko chłopi gadają.* Епископъ усмѣхнулся, а выпивши воду свою, отойшолъ, дѣлая свои примѣчанія надъ наивностію еврея.

Послѣ такой утренней прогулки уходилъ епископъ въ свои комнаты, а тогда я уже былъ свободный и заходилъ къ священнику о. Игнатію, съ которымъ мы обыкновенно въ пасѣцѣ, по бокамъ покрытой стрѣхою, курия люльки (ибо тогда сигаръ было еще мало, а папироски совсѣмъ незнаны), забавлялись дружескими разговорами, — обиталище же его было въ то время отдано въ наемъ купельнымъ гостямъ.

Въ каждый недѣльный день было двоихъ или трехъ изъ видныхъ личностей призванныхъ на обѣдъ къ епископу. Въ одну же изъ Недѣль было больше, якъ обыкновенно, гостей, приглашенныхъ къ обѣду, — а было то въ день 1-го іюня, въ день моего Ангела, св. Іустина, Мученика и Философа. Но мнѣ и черезъ умъ не перейшло, чтобы кто о томъ вѣдалъ и мене поздоровилъ съ днемъ Ангела, — однакоже епископъ Іоаннъ, неисчерпаемый въ любезностяхъ, приготовилъ мнѣ сюрпризъ, — ибо во время обѣда, когда я не надѣялся, епископъ поднесъ чашу съ виномъ и сказалъ: »На здоровье соленизанта днешняго, о. Юстина!« — и выпилъ вино, а за его примѣромъ присутствующіи гости, обратившись ко мнѣ, пили на мое здоровье. Въ той хвили видѣлось мнѣ, будто моихъ имянинъ ради позвано больше гостей, — тожь я, тронутый сею неожиданною и незаслуженною милостію любвеобильного, истинного отца-владыки, не могъ найти словъ, чтобы достойно возблагодарити такъ высокаго савовника за столь нѣжную любезность. И сей великій Мужъ, епископъ, отъ всѣхъ высокопочитаный, дѣйствительный тайный совѣтникъ Его Величества, пользующійся титуломъ Превосходительства, — сей

Мужъ, кажу, въ почувствіи и полномъ сознаніи своего достоинства, не считалъ пониженіемъ своей чести, снисходительно изъявити уваженіе молодому священнику, неимѣющему еще ніякого значенія въ свѣтѣ. И якъ же не любити и не превозносити такого предоброго владыку-отца?

Его снисходительность, его доброта, его сердечность были цѣлой епархіи извѣстны, для того-то священники, прїѣзжавшіи иль дальшихъ сторонъ въ Перемышль къ своимъ дѣтямъ, или по якимъ-нибудь другимъ частнымъ дѣламъ, не залишали его посѣтити, щобы, якъ говорили, увидѣти владыку-отца, сложити ему свое почтеніе, пожаловатись передъ нимъ, якъ сынъ передъ отцемъ, о якомъ домашнемъ горю, или порадоватись якимъ счастьемъ... Съ якою то радостію, съ якимъ рвеніемъ къ своему званію они возвращались тогда во свояси, когда имъ удалось застати владыку дома и излити передъ нимъ будь всю скорбь изболѣлой души, будь чувства своего счастья.*)

Такое патріархальное отношеніе епископа къ своимъ священникамъ дѣйствовало чрезвычайно полезно на нравственность цѣлого клира, ибо каждый, чувствующій свое личное достоинство, признанное епископомъ, стыдался що такое творити, чѣмъ бы то его достоинство могло быти оскорблено. Тѣмъ-то отношеніемъ возвышалась и честь духовенства рус-

*) Черезъ тѣ частыя посѣщенія священниковъ и разговоры о ихъ домашнихъ дѣлахъ, зналъ епископъ Іоаннъ всѣ обстоятельства домашніи своихъ священниковъ и ихъ житіе-бытіе, ихъ терпѣнія и радости, — тагъ що, когда однажды, за время пиущого сіе, онъ прїѣхалъ въ Вѣденъ въ дѣлахъ епархіальныхъ къ Е. В. Цѣсарю Фердинанду и посѣтилъ при той случайности своихъ богослововъ конвикта вѣденскаго, то майже каждому изъ сыновъ священническихъ сказалъ якую-то новинку изъ дома, — одному, що его мати была больна, но теперь приходитъ уже до здоровья, — другому, що его сестра выдалась замужъ и пр.

ского, понеже каждый, видя на челѣ епархіи стоящаго, всѣми высокопочитанного и Его Величествомъ отличенного Мужа, гордился быти священникомъ той епархіи и могъ съ чувствомъ полноты своего священническаго достоинства сказать съ восхищеніемъ: »Такова имаы Первосвященника.»*)

Пребываніе епископа въ Трускавцѣ клонилось уже къ концу, ибо приближался праздникъ Рождества св. Іоанна Крестителя, храма церкви престольной Перемышльской, тожъ постановлено было: 19 іюня (1-го

*) Обычай такихъ посѣщеній епископа священниками остался у сельскихъ священниковъ и по смерти епископа Снѣгурского. Наслѣднику же его, епископу Григорію Яхимовичу, вжившемуся въ практику св. Юра, гдѣ не было такого патріархальнаго отношенія аріерея съ духовенствомъ, но холодный бюрократизмъ, гдѣ высшая іерархія на клиръ низшій смотрѣла съ-высока и едва позволяла близше приступить къ собѣ, — казался тотъ обычай страннымъ и будто маловаженіемъ достоинства епископскаго. По той причинѣ сказалъ онъ мнѣ, яко своему капеляну, съ нѣкимъ негодованіемъ: „Що то васъ епископъ Снѣгурскій такъ роспустиль, що приходять до мене священники сельскіи безъ всякого интереса, такъ „mir nichts, dir nichts,“ якъ-бы до своего ровного?“ — Поясненіе однакже мое, що не изъ малоуваженія приходять священники, но съ сыновнимъ довѣріемъ къ своему владыцѣ, яко къ отцу и пр., сдѣлало, якъ было видно по его лицу, благопріятное впечатлѣніе на сего Мужа, высокого ума и благородного сердца; — онъ принялъ то мое поясненіе съ удовольствіемъ и, идучи за примѣромъ своего великаго предшественника, даже въ нѣкомъ отношеніи еще перевышилъ его, принимая любезно священниковъ, розговаривая съ ними не разъ такъ занимательно, що случалось нѣкоторымъ забывать о своихъ консисторскихъ интересахъ. Тѣмъ пріобрѣлъ собѣ епископъ Григорій у клира такую самую любовь, якъ и Снѣгурскій, а память тѣхъ двохъ великихъ іерарховъ не выгаснетъ до смерти ихъ современниковъ, — и позднѣйшимъ вѣкамъ пригадовави будутъ два мраморныя памятники, поставленны въ церкви престольной въ Перемышли благодарнымъ клиромъ, що „таковихъ имѣлъ Перемышль великихъ Первосвященниковъ.“

дат. липня) выѣхати оттуду. На канунѣ отъѣзда при-
были сюда окрестныи священники, щобы попрощати
опускающаго ихъ стороны дражайшаго гостя. На
другій день утромъ со восходомъ солнца наступилъ
выѣздъ, при которомъ, кромѣ мѣстнаго приходника
Игнатія и нѣсколькихъ селянъ, не было больше никого.
Переѣзжая черезъ Дрогобычъ возлѣ церкви монастыр-
ской св. Троицы, увидѣлъ я церковь отворену и нѣ-
сколько чернцевъ, при дверяхъ стоящихъ, а думая,
що епископъ то замѣтилъ, я ничего о томъ не вос-
помнулъ и мы поѣхали дальше. При разговорѣ уже
за городомъ я вспомнулъ о церкви отворенной и о
чернцахъ. Епископъ, огорченъ, сталъ мене упрекать:
»Теперь мнѣ о томъ говорите? Чому не сдѣлали вы
того, когда мы переѣзжали возлѣ церкви? — Я былъ
бы тамъ вступилъ.» Послѣ оныя далъ менѣ поученіе:
Должность капеляна есть, епископа на все дѣлати у-
важнымъ, хотя бы прійшло сказать по примѣру нѣ-
мецкихъ капеляновъ: *Hochwürden schnäuzen*. Я то
поученіе взялъ собѣ до сердца и не разъ дѣлалъ изъ
того употребленіе, за що и удостоивался похвалъ.

Около сегого часа прибыли мы въ село Лишню,
милю отъ Дрогобыча. Тутъ велѣлъ епископъ остано-
виться повозцѣ на дорозѣ возлѣ обигалища приход-
скаго, стоящаго при самой дорозѣ. Тутъ удался е-
пископъ со мною въ домъ приходскій, щобы посѣтити
тамошнѣго старика священника, о. Василя Комарниц-
каго (моего сродника), знакомого епископу еще изъ
юношескихъ лѣтъ. Поговоривши нѣсколько хвиль о
здоровьи, о хозяйствѣ, о сегогодиномъ урожаѣ и еще
кое-що съ о. Василемъ и его супругою, попрощалъ
епископъ осчастливленныхъ тѣмъ неожиданнымъ посѣще-
ніемъ хозяевъ и отъѣхалъ въ дальшій путь. Отдохнув-
ши немножко въ Озиминѣ, мы прибыли въ Самборъ пе-
редъ полуднемъ и станули передъ домомъ приходскимъ.
Въ то время былъ завѣдательмъ прихода о. Іосифъ
Бѣржинскій. Вступивши на нѣсколько хвиль въ домъ

приходскій, отъѣхалъ владыка съ визитомъ до ц. к. старосты циркулярнаго г. Гицгерна, до презеса ц. к. суда криминальнаго г. Леськевича (изъ рода русско-го), и до оберстлейтнанта г. Пеликана, — по чемъ отъѣхали мы въ Страшевичи на обѣдъ.

По однодневномъ отдохновеніи оставили мы Страшевичи и выѣхали утромъ въ день 21 іюня (3 липня), щобы еще передъ вечеромъ станути въ Перемышли; слуги и кухари, высланныи на передъ, отъѣхали раньше. Въ Добромили былъ опредѣленъ отдыхъ и обѣдъ. Минувши счастливо Старусоль и Хировъ, уже сближались мы къ Добромилю. Тутъ встрѣтили мы на простомъ возѣ такъ званымъ »форшпаномъ» ѣдущаго моего брата о. Антонія, капеляна войскового, стаціонованнаго въ Самборѣ и вертающаго изъ Перемышля; — сейчасъ позналъ его владыка и и велѣлъ остановитись каретѣ. — О. Антоній скочилъ скоро изъ воза и приблизился къ каретѣ, щобы отдать почтеніе своему архіерею. По нѣсколько вопросовъ, откуда и куда ѣдетъ, сказалъ епископъ: »Еще передъ вечеромъ заѣдете до Самбора, день долгій, вертайтесь до Добромиля на обѣдъ съ нами, — бо и такъ на дорозѣ до Самбора не ма нигдѣ трактирни.» Поблагодаривши предоброга владыку за ту особливую милость, вернулся онъ до Добромиля. Еще хвиля ѣзды, — а уже и Добромиль. Предъ вѣздомъ въ самъ городокъ видѣлась мурованная гостинница, незле изъ внѣ представляющаяся, — а возлѣ той же огородецъ со скамейками и столами, що все оказывало на увеселительный садъ для интеллигенціи Добромильской. Карета вѣхала въ широкіи сѣни довольно на ту мѣстность опрятнаго заѣзда, — гдѣ былъ и трактиръ.

Едва выйшолъ изъ кареты епископъ и былъ привѣтствованъ хозяиномъ заѣзда, а уже, поспѣвшиши владѣлецъ форшпана, ходачковый шляхтичъ изъ Бачины, сосѣдняго села отъ Страшевичъ, припалъ съ

глубокимъ поклономъ къ колѣнамъ владыки и, привѣтствуя его, представилъ себе, що олъ шляхтичъ изъ Бачины, сосѣдь »Яснаго Пана,» и сталъ сейчасъ горевати и жаловатись на сего ихъ ограбителя Созанскаго (помѣщика изъ Торгановичъ, извѣстнаго уже изъ тяжбы съ епископомъ), якъ онъ шляхту Бачинскую тяжко оскорбилъ и дрался съ самымъ »Яснымъ Паномъ» о корчму и пр.*)

Выслухавши снисходительно тую жалобу шляхтича епископъ утѣшалъ его по отечески, заохочивая до терпеливости на темать: терпѣнь — спасенъ. Когда успокоенный словами потѣхи и осчастливленный милостию владыки шляхтичъ отойшолъ, впровадилъ хозяинъ заѣзда епископа въ комнату убогую, но довольно чистую, гдѣ былъ столъ, ложе и нѣсколько кресель. Здѣсь забавлялся епископъ разговоромъ съ о. Антоніемъ, спрашивая его о службѣ, о утваряхъ

*) О причинѣ того гнѣва шляхты Бачинской на Созанскаго розсказывано въ окрестности Страшевичъ слѣдующее: Созанскій, потерпѣвши неудачу въ тяжбѣ съ епископомъ о корчму, глядалъ рекомпензаціи на шляхтѣ ходачковой Бачинской. Ему особенно впадала въ очи полоская земля при дорогѣ, заросшая кустарникомъ, подъ горою, такъ называемою Бачинскою. Не могучи прійти въ посѣданіе той же правымъ способомъ, или хотячи овладѣти нею, якъ кажется, хитро-мудро безъ кошта, онъ выдумалъ сказку, будто снился ему пок. отецъ его и умолялъ его на все, що ему найдорожшее, чтобы для спасенія души его построилъ при дорогѣ подъ тою-то горою часовню во славу Бога. Увѣрила въ ту, хитро выдуманную басню простодушная шляхта и отступила ему тую полосу будто „dla chwały Boga.“ Овладѣвши такою штукою сею полоскою, построилъ онъ тамъ часовню и огородилъ ю широко, — а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ еще ширше, доки не приобрѣлъ столько земли, чтобы тамъ построить домъ. Шляхта присмотривалась сему равнодушно до сихъ поръ, пока одного хорошаго утра, вмѣсто спрятанной часовни, не станула корчма! Тогда воспротивилась шляхта, — но ей воспротивленіе ничего не помогло, ибо онъ выигралъ провизорію, — дорога же права далека, — а безъ письменнаго акта по-

новой каплицы полковой, о инструкціи, данной капелянамъ полковымъ отъ ординаріата, касающейся дѣйствій богослужебныхъ и душпастырскихъ, о сколько тѣ же могли быти въ дѣйствіе переведены, объ отношеніяхъ капеляновъ русскихъ къ латинскимъ и о прочихъ обстоятельствахъ. Огвѣты на тѣ всѣ вопросы и другіи извѣстія тѣмъ больше занимали епископа по той причинѣ, що институція капеляновъ полковыхъ русскихъ была нововведеніямъ, едва отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ существующимъ и заботою епископа Іоанна въ жизнь приведеннымъ; онъ бо то исходатайствовалъ тую институцію у Его Величества Цѣсаря Фердинанда I. А то сбилось тогда, когда епископъ, три лѣта тому назадъ (въ 1844 г.), пріѣхалъ въ Вѣдечъ, щобы сложити свое благодареніе Его Величеству за наданное ему достоинство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; тожь при той случайности бу-

бѣда трудна; и такъ все пропало, — а инратная гостиница Созанского стоитъ и благоденствуетъ подь Бачинскою горою. Однакже тяжко оскорбленная шляхта не простила Созанскому того пораженія, а то тѣмъ меньше, що онъ шляхтичей еще и „пошилъ въ дурни.“ — но постановила отомститись; а отомстилась по своему: Когда онъ одного раза переѣзжалъ возлѣ Бачины, напали на него на самомъ наибольше стремнистомъ пригорку шляхтянки Бачинскіи и хотѣли его скинути внизъ, въ Диѣстеръ. Но на счастье его, надѣхали Мазуры-соляри и спасли его отъ недобровольной прогулки стремголовъ внизъ и холодной купели въ водахъ Диѣстра, которую своему Олоферну приготовили красивыи Іудины Бачинскіи; на память своего спасенія поставилъ Созанскій крестъ на томъ фатальномъ мѣстѣ. По какой причинѣ не мужчины, а женщины приняли на себе задачу — покончити съ Созанскимъ, молчать о томъ устная хроника наддиѣстрианская, — кажется однакже, що вѣроятно для того, понеже шляхта думала, що женщины выйдуть безнаказанно. Но иначе сталось: Олофернъ спасень, а хоробрый Іудины попали въ Иванову хату. Переѣзжающему же теперь путнику пригадетъ статная гостиница Созанского на правило: *jura vigilantibus*, — а крестъ на приговорку: *cherchez les femmes*.

дучи на авдіенціі у Монарха, предлагаль свои прошенія въ дѣлахъ, добра епархіи касающихся, — одно было о учрежденіе семинаріи епархіальной въ Перемышлі, а второе о учрежденіе капеляновъ полковыхъ русскихъ. Когда первое прошеніе удостоилось милостивого монаршого принятія и всевысочайшой сигнатуры, то епископъ, вѣроятно опасующійся, чтобы съ вторымъ не потерпѣти фьяска, сдерживался оное предложить. Но при выниманіи первого прошенія, выскользнувшись случайно второе, торчало изъ-подъ верхней одежды епископа. Предобрый Монархъ примѣтилъ то, а видя нѣкое сдержаніе и несмѣлость епископа, рекъ милостиво: „Ich sehe, dass Sie noch eine Bitte haben.“ Тогда, ободренъ тою любезностію великодушнаго Монарха, предложилъ епископъ прошеніе о учрежденіе капеляновъ полковыхъ русскихъ, которое вѣнчалось по милости монаршой добрымъ успѣхомъ.

Тою-то институціею чрезмѣрно радовался владыка, для того и еи успѣхомъ такъ интересовался, — а увѣдавши отъ оберстлейтнанта Пеликана о тактовномъ поступованіи капеляна, тецерь же отъ самаго капеляна о другихъ отношеніяхъ, былъ весьма доволенъ. По короткомъ обѣдѣ, попрощавшись, отѣхалъ о. Антоній въ дальшій путь, одушевленный снисходительностію и гостепріемствомъ дражайшого владыки. За полъ часа выѣхали и мы и прибыли передъ вечеромъ въ Перемышль. Колоколы каѳедральный возвѣстили пріѣздъ архіерея, — и сейчасъ явились крылошане и клиръ каѳедральный, чтобы привѣтствовать возлюбленнаго владыку по долшомъ отсутствіи.

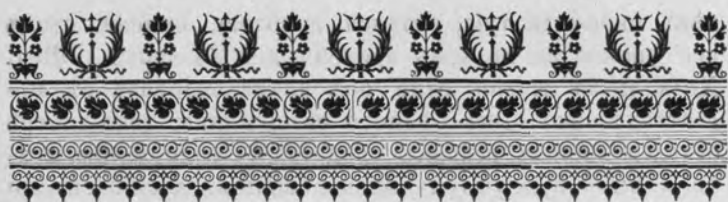
Праздникъ Рождества св. Іоанна Крестителя отбылся, якъ обыкновенно, съ великою торжественностію; безчисленное множество народа сопровождало архіерея изъ палаты владычой до церкви, а по оконченномъ аріерейскомъ богослуженіи, опять до палаты, гдѣ при входѣ, — получивши благосло-

веніе архіерейское, — толпа стала расходиться во всѣ стороны.

Оставляя себѣ въ будущемъ еще кое-что прибавити о празднествѣ Рождества св. Іоанна Крестителя за время епископа Іоанна Сибгурского, о кончинѣ сего знакоmitого святителя и пр., считаю умѣстнымъ къ тому всему, що доси сказано о томъ великомъ Мужѣ, еще примѣтити и то, що, если пословица нѣмецкая гласитъ: *Der grosse Herr schwindet vor seinem Kammerdiener*, т. е. великій мужъ малѣетъ передъ своими домашними, то о епископѣ Сибгурскомъ должна тая пословица совсѣмъ противно гласити. Ибо сей великій Мужъ не малѣлъ, а возросталъ въ великости передъ своими домашними... *Der grosse Herr ist nicht geschwunden, — er ist noch grösser geworden**)).

*) Повысшій уступъ I-ый сихъ „Воспоминаній“ былъ уже печатанъ въ Матичномъ „Литературномъ Сборникѣ“ за г. 1887, — слѣдующіи же за нимъ уступы, — якъ и „Жизнеописаніе Іоанна Сибгурского,“ помѣщенное въ предлежащемъ изданіи, напечатаны тутъ въ первый разъ.

II.

Жизнеописание Іоанна Снѣгурскаго.

Іоаннъ Снѣгурскій родился дня 6 (18) мая 1784 г. въ селѣ Берестянахъ, изъ отца Іоанна Снѣгурскаго, приходника тамошняго, и изъ матери Евфросины изъ Вербицкихъ. Былъ крещенъ дня 8 (20) мая 1784 г. въ церкви Берестянской, тогда еще приходской, а теперь дочерней, належащей къ приходу въ Раковой, деканата Старосольскаго, повѣта Самборскаго. Село то лежитъ недалеко города Самбора, въ близи стациі колѣи желѣзной Выкоты.

Отъ дѣтства воспитанный въ домѣ родительскомъ въ богобоязненности и простотѣ сердца, онъ перенялся тѣми добродѣтелями, которыми отличались семьи давнихъ нашихъ священниковъ, такъ зовимыхъ «псалтирниковъ», хотя нищихъ духомъ, но за то богатыхъ вѣрою и побожностію... Отданный старательными о добро дитины своей родителями въ 8 году жизни до школъ нормальныхъ въ Самборѣ, прилѣжалъ онъ уже въ дѣтствѣ съ великою охотою наукамъ, чего доказательствомъ были отличныи успѣхи во всѣхъ предметахъ, чѣмъ заслужилъ собѣ быти вознагражденнымъ медалюникомъ съ весьма похвальнымъ свидѣтельствомъ при окончаніи школъ нормальныхъ въ 1793 году. Въ томъ городѣ посѣщаль онъ и гимназію, однакже, за-

кѣмъ окончилъ тую, остался сиротою, понеже отецъ его упокоился въ томъ времени, дня 23 марта 1799 г. Хотя и за жизни отца онъ не изобиловалъ въ достаткахъ, яко сынъ бѣднаго священника, такъ теперъ остался лишенъ всякихъ средствъ къ содержанію жизни и былъ принужденъ преподаваніемъ лекцій скудно прожигати. При томъ однакоже занятіи не пренебрегалъ онъ своими студіями, но съ такою прилѣжностію и точностію отдавался имъ, що по окончаніи школъ гимназіальныхъ въ 1800 г. могъ повеличатись изряднымъ свидѣтельствомъ, яко первый отличный между всѣми своими соучениками и яко многонадежный юноша непорочныхъ нравовъ, — достойный всѣмъ за примѣръ быти поставленнымъ.*)

Съ такимъ превосходнымъ свидѣтельствомъ удался онъ изъ Самбора во Львовъ, чтобы записатись на единственный въ то время въ Галичинѣ факультетъ философскій, где, получивши стипендію изъ фонда релігійного, могъ свободнѣйше отдаватись своимъ студіямъ; — чтобы однакоже дати помощь своей матери, бѣдной вдовѣ, допомагалъ онъ собѣ еще лекціями, преподаваемыми своимъ коллегамъ изъ математики.

По окончаніи трехъ-лѣтнего курса студій философскихъ съ отличнымъ успѣхомъ, вступилъ онъ на факультетъ богословскій во Львовѣ, а окончивши первый годъ съ такимъ самымъ успѣхомъ, предложилъ прошеніе Перемышльской еп. консисторіи о принятіе его до новоучрежденной въ 1803 году семинаріи въ ц. к. городскомъ конвиктѣ Вѣденскомъ, чтобы могъ

*) Слова свидѣтельства изъ нормальныхъ школъ: „Dass Johann Snigurski die Lehrgegenstände mit Erreichung der ersten Klasse mit Vorzug erlernt und in seinem Betragen besonders gute Sitten geäußert habe...“ Изъ гимназіи: „Discessurus a nobis ingenuus ac optimae spei juvenis Snigurski Joannes... testamur, eum ex merito primo praemio dignissime esse donatum. Ad mores quod adtinet, ab iis semper honestissimis optime comendatur.“

въ тамошнемъ всеучилищѣ продолжати свои студіи. Въ томъ прошенію примѣтилъ онъ, що, если бы необходимо было, то онъ готовъ и повторити первый годъ въ тамошнемъ всеучилищѣ и даже возвратити стипендію 75 зр. м. к., полученную на первомъ году богословія во Львовѣ. Рѣшеніе епц. консисторіи наступило по его желанію. Принятый въ число слушателей богословія и вписанный дня 19 ноября 1804 года въ альбумъ университета Вѣденьскаго, посѣщаль онъ прилѣжно лекціи и наслаждался преизящными преподаваніями славныхъ въ то время ученыхъ професоровъ и докторовъ богословія: Іана (Iahn), Діакона Өомы Доллинера, Рейбергера, Рейхенбергера и Эдварда Мильде. Директоромъ же ц. к. конвикта былъ тогда ученый Піяристъ Лянгъ. — Первые воспитанники сей новоучрежденной семинаріи были изъ епархіи Перемышльскои: Игнатій Давидовичъ, Стефанъ Матляховскій и Іоаннъ Сяфгурскій; изъ Львовскои: Мартинъ Барвинскій, Іосафатъ Глинскій и Яковъ Левицкій; изъ Холмскои же Павелъ Шиманскій и Варѳоломей Шмигельскій.

Іоаннъ Сяфгурскій, отъ вступленія своего въ то заведеніе, отличался всегда хорошимъ поведеніемъ, благонравіемъ, точнымъ исполненіемъ своихъ должностей и усѣхомъ въ студіяхъ, такъ що заслужилъ собѣ на довѣріе своихъ настоятелей, которыи поставили его уже во второмъ году его пребыванія тамъ подиректоромъ надъ мірскими воспитанниками тогожъ ц. к. конвикта, тамъ зовимыми «цивилистами,» посѣщающими гимназію и студіи философскіи, — которую то должность онъ совѣстно и къ удовольствію дирекціи исполнялъ черезъ три лѣта до окончанія студій богословскихъ, якъ то изъ весьма похвальнаго свидѣтельства директора и правительственнаго совѣтника о. Лянга явствуеть.

По окончаніи третёго года богословія, былъ Іоаннъ Сяфгурскій 1807 г. вразъ съ Мариномъ Бар-

винскимъ и Павломъ Шиманскимъ, прибывшимъ въ то время въ Вѣденъ епископомъ Перемышльскимъ, Анто- ніемъ Ангеловичемъ, въ присутствіи Вѣденскаго архіепископа гр. Гогенварта, въ церкви св. Варвары рукоположенъ въ поддіаконскій и діаконскій чинъ, а послѣ въ 1808 г., яко питомецъ и слушатель четвер- того года богословія, и въ чинъ пресвитерскій. На прошеніе же пароха тамошнѣго о. Іоанна Ольшавскаго, не имѣвшаго въ то время сотрудника, предложенное Вѣденской архіепископской консисторіи, чтобы тая вышеупомянутымъ тремъ рукоположеннымъ воспитан- никамъ удѣлила полномочіе къ совершенію Тайны По- каенія, — согласилась консисторія и удѣлила о. Іо- анну Сибѣгурскому и его двумъ товарищамъ желаемую власть, но затребовала на передъ, чтобы воспитанники тии въ продолженіи двухъ седмицъ при помощи про- фесора о. Іосифа Рейхенберга познакомились съ прак- тичною частію той же Тайны.

На предложеніе митрополита Антонія Анге- ловича былъ о. Іоаннъ Сибѣгурскій, окончивши только едва четвертый годъ богословія, въ день 1-го но- ября 1808 г. поставленъ сотрудникомъ при парохіи св. Варвары, съ жалованьемъ 400 гульд. м. к., а понеже ему прислуживало еще и право, для сложенія испытовъ ригорозныхъ, оставатись въ семинаріи и пользоваться благодѣніемъ уплаты таксъ за риго- розныи испыты и докторатъ, то выс. ц. к. правитель- ство предоставило ему то послѣднее благодѣніе, которымъ пользуясь, прилѣжалъ онъ при томъ испол- неніи должностей душпастьрскихъ наукамъ и, под- давшись испытамъ ригорознымъ, достигъ дня 25-го октября 1811 года достоинства Доктора богословія и сталъ членомъ славнаго университета Вѣденскаго.

Якъ многосторонно и неутомимо трудился онъ уже въ юномъ своемъ вѣку, — когда при изученіи предметовъ богословскихъ для пріобрѣтенія доктората дѣлалъ онъ и духовныи услуги воинамъ больнымъ и

раненымъ во всѣхъ семи больницахъ, находившихся тамъ же въ самомъ городѣ, яко-же и на передмѣстьяхъ, безъ требованія вознагражденія за свои душпастырскіи труды, явствуетъ изъ свидѣтельства, данного ему отъ фельдсуперіора о. Алойсія Шахтера.

Дня 1-го мая 1812 г. поддался онъ испытанію конкурсовому въ Вѣднѣ письменному и устному, съ произнесеніемъ пробной проповѣди и катехизаціи дѣтей, въ присутствіи испытателя архіепископскаго и трехъ професоровъ университета Вѣденскаго, — съ отличнымъ успѣхомъ.

Въ томъ самомъ году парохъ св. Варвары, о. Іоаннъ Ольшавскій, произведенъ въ достоинство крылошанина мукачевскаго, предложилъ своего сотрудника о. Іоанна Сиѣгурскаго на своего наслѣдника, т. е. на пароха св. Варвары въ Вѣднѣ. Достопамятная характеристика о. Іоанна Сиѣгурскаго въ томъ представленіи о. Ольшавскаго такъ замѣчательна, що считается необходимымъ ю дословно тутъ понизше навести*), — ибо удивительно, тѣ самы добродѣтели, якими отличался въ юности своей, и тотъ самъ благородный характеръ видимъ есть въ теченіи цѣлой жизни сего великаго Мужа, оставшійся неизмѣннымъ до самой его кончины.

Дня 10-го мая 1813 г. оставилъ о. Ольшавскій Вѣдень, а на основаніи выше-помянутаго его представленія, поставленъ былъ о. Іоаннъ Сиѣгурскій, въ силу декрета консисторскаго изъ дня 17 мая 1813 г., завѣдателемъ парохіи св. Варвары, вслѣдъ же за тѣмъ былъ онъ дия 29 мая 1813 отъ Его Величества Цѣсаря Франца I-го запрезентованъ (praesentatus) на

*) Вотъ слова представленія: Extractus Repraesentationis ad Ven. Capitulum Archiepiscopale Viennense relate ad successorem Parochum nominandum. — Ne meam conscientiam onerarem, neve quidquam susciperem, quod positivae scientiae aut intimae convictioni meae adversaretur humil-

ту парохію и отъ архієпископа Вѣдєньскаго Сигисмунда-Антонія дня 1-го іюля приведенъ къ при-
сязѣ и парохомъ признанъ, а наконецъ отъ митрополита
Антонія Ангеловича парохомъ поставленъ (institutus et investitus) и властію пароха надѣленъ.

Его дѣятельность душпастьрская припала въ
весьма трудное и несчастное время, — ибо во время

lime praesumo meum hucadusque Cooperatorem Reverendum Ioannem Snigurski virtutibus modestia, humanitate, vero Religionis zelo et prudentia a natura etiam supra aetatem praeprimis qualificatum, sed insuper morum quoque integra probitate multis aliis aetate etiam maturioribus viris si non superiorem certo aequalem, verbo qualitatibus viro Ecclesiastico dignis adamussim instructum ideoque non solum parochianis, sed et extraneis gratum et acceptum pro successore et munere parochiali ad S. Barbaram enixius ac intensius proponere et recommendare, prout etiam Reverendissimi ac Venerabilis Celsissimi Principis Archi-episcopalis Consistorii gratias, favores et patrocinium pro hoc digno et genuine Viro Ecclesiastico impensius exorare ac supplicare conscientiose sustineo, tanto quidem a fortiori quod idem Ioannes Snigurski jam inde ab anno 1808 in qualitate Cooperatoris spirituali Officio, indefesso zelo, alacriter et prompte defungeretur, et in nosocomiis Civili et Militari tam quoad ritus graeci quam et latini Polonicae dialectus fideles aegrotos et moribundos cum omni assiduitate et diligentia Sacramentis provideret, sed etiam tum mihi in Adjutorium, praesertim in proximo bello copiosissimis infirmis solatium spirituale, instructionem et Sacramentorum Administrationem cum omni aedificatione adimpleret, adeoque ea ac tanta hic jam merita posuisset, quae quodammodo aequitatis jure supra alios praecedentiam eidem conciliarent, denique ultimo ejusdem ad hoc parochiale munus promotionem illud etiam suaderet, quod longiori tempore spissituali muneris exercitio hic defungendo, localitatis notitiam obtinuerit et usum, praxim ac consuetudinem seu in nosocomiis seu in Ecclesia divinarum officiorum plene imbiberit.

Ioannes Olsavszky,

Cathedr. Ecclesiae Munkacsensis Canonicus.
Viennae 22-a Decembris 1812.

лютившійся войны французской, когда Вѣдень былъ окруженъ арміею непріятельскою, а больницы были переполнены тяжко-ранеными воинами народности русской и польской, къ которымъ всѣмъ, въ недостатку латино-польского священника, сѣвшиль онъ охотно въ дни и ночи съ помощію и утѣшеніемъ духовнымъ. Исполненіемъ однакоже точнымъ и совѣстнымъ тѣхъ душпастырскихъ должностей не ограничалось его трудолюбіе, понеже видимъ его въ оставшее отъ тѣхъ трудовъ время занятого обученіемъ питомцевъ богословскихъ русскихъ семинаріи въ пѣвнѣ церковномъ, тициѣ и обрядахъ, изъ собственного побужденія, безъ всякаго высшаго повелѣнія, якъ о томъ изъ свидѣтельства директора конвикта о. Лянга изъ дня 27 мая 1815 года узнати можно.

Щобы быти приготовленнымъ къ всякимъ возможнымъ дѣйствіямъ своего будущаго званія и всесторонняго образованія, не залишилъ онъ, при всѣхъ занятіяхъ, еще обучатись и въ дѣловодствѣ консисторскомъ; для того трудился онъ отъ времени, якъ сталъ лишь сотрудникомъ, а послѣ парохомъ въ Вѣдни, въ канцеляріи тамошней консисторіи архіепископской прилѣжно и съ добрымъ успѣхомъ, якъ то выражается архіепископъ Вѣденьскій въ письмѣ къ нему изъ дня 12-го іюня 1815 г.

О. Іоаннъ Снѣгурскій былъ также соучастникомъ движенія возбуждившагося чувства русского, явившагося въ обществѣ пресвитеровъ греко-кат. галицкихъ, возникшемъ въ 1816 г. въ Перемышлѣ подъ покровительствомъ тогдашняго епископа Михаила Левицкого. Головная цѣль сего общества состояла въ поощреніи къ успѣванію истинной вѣры и побожности въ цѣлой епархіи письменными сочиненіями на языкѣ природномъ (*in lingua vernacula*),*) т. е. рус-

*) Якій долженъ быти тотъ языкъ, опредѣляетъ §. 3. статута слѣдующее: „*Ex scopo societatis (§. 1.) intelligi-*

скомъ, которыи-то сочиненія, щобы такъ душпаствырямъ въ проповѣданіи науки духовной были помощными, якоже и самыхъ прихожанъ, читати умѣющихъ, къ лучшему познанію правды вѣры Христовой и божественного закона приводить могли.

Тожь въ члены сего многоважного общества былъ и о. Іоаннъ Сяѣгурскій, письмомъ епископа Михаила подъ д. 5-го окт. 1816 г., завозванъ и дѣйствовалъ въ пользу тогожь совокупно и съ другими членами, которыми были: о. Петръ Назаревичъ, крылошанинъ, деканъ и парохъ Перемышльскій, испытователь епархіальный; о. Даниль Качановскій, парохъ въ Дорожевѣ и испытователь епархіальный; о. Василій Созанскій, парохъ и деканъ Любачевскій; о. Іоаннъ Турмчановичъ, мѣсто-деканъ Нижанковскій и парохъ въ Корманичахъ; о. Іоаннъ Трилѣвскій, деканъ

tur, quod libri hi ita conscripti esse debeant, ut etiam rudis plebecula usum eorum facere valeat; itaque societas opera sua sermone vulgari per pagos et vicos usitato, atque stilo simplicissimo elaborabit; caeterum tamen duros loquellae plebeae errores vitabit, et explanationes suas ita elaborabit, ut a simplicissimo quoque facile quidem intelligantur, ad elegantiores tamen sermonem omnino vergant, ut hoc modo et sermo plebejus indirecte licet perfici, et plebs elegantiori loquellae assueta facilius dein illa intelligere valeat, quae pro publico divino officio in Ecclesiis legi atque decantari solent, quaeve in Psalmis et Hymnis altiori stilo compositis consistunt.“—Сіе Общество утверждено Его цѣс. кор. Величествомъ посредствомъ декрета надворной канцеляріи подъ днемъ 6-го іюля 1816 г. Ч. 12727. Подъ бременемъ однакже неблагопріятныхъ тогдашнихъ обстоятельствъ изсохло то многополезное общество, такъ само, якъ и факультеты, философскій и богословскій, учрежденныи 1787 года, существовали только до 1808 г. и упали не только черезъ презрѣніе и наругу, но и черезъ пониженіе священниковъ, окончившихъ факультеты русскіи, такъ якъ тѣ назначены имѣли меньшіи конгруи отъ посѣщавшихъ студія латинскіи.

Белзскій и парохъ въ Себечовѣ, и о. Игнатій Давидовичъ, деканъ Порохницкій и парохъ въ Радымнѣ, подъ предсѣдательствомъ о. Іоанна Могилицкаго, школь епархіальныхъ надзирателя, референта консисторского, испытателя епархіального, тогдашняго пароха въ Дроздовичахъ и декана Нижанковского.

Слѣдующіи два лѣта, т. е. 1817 и 1818 г., были лѣтами сплывающихъ полными струями отличій на Снѣгурского, прки онъ не достигнулъ найвысшого степени въ іерархіи Галицкой Руси. И такъ: 1817 г. избранъ былъ деканомъ факультета богословского въ университетѣ Вѣденскомъ, — въ томъ самомъ году, дня 19-го ноября, возведенъ въ достоинство почетнаго крылошанина епархіи Перемышльской, — а 1818 г. дня 30 марта послѣдовала номинація его на епископа Перемышльского Его Величествомъ цѣсаремъ Францомъ I.

По сложенной присязѣ вѣрности въ руки губернатора дня 30-го іюля, былъ онъ дня 30-го августа 1818 г. митрополитомъ Михаиломъ Левицкимъ, при содѣйствіи епископа лат. обр. Перемышльского Антонія Голашевского, рукоположенъ въ своей престольной церкви св. Іоанна Крестителя въ Перемышли въ санъ епископскій и того же дня интронизованъ въ 34 году жизни своей, а на 11 году священства.

Хотя молодой вѣкомъ, но перевысшающій, якъ выражается о немъ крылошанинъ Ольшавскій, старшихъ добродѣтелями скромности, вѣжливости, истинной вѣрѣ ревности и благорозумія: чувствовалъ онъ великое значеніе и важность своего высокаго званія. Перенятый добрыми для вѣры, Церкви, обряда и народа русскаго намѣреніями, вступивши на престолъ владычій, полный юной энергіи, обратилъ онъ свое первое вниманіе на просвѣщеніе народа и очищеніе обряда. Къ приведенію въ дѣйствіе тѣхъ своихъ задушевныхъ общепользныхъ намѣреній, необходимы были ему помощники, и счастливый, що засталъ въ числѣ своихъ

соборныхъ крылошанъ двоихъ мужей, отличающихся высокими дарованіями, сильныхъ духомъ и долготѣннымъ опытомъ, а якими были: Іоаннъ Могильницкій, кустось, мужъ ученый, ознакомленный съ литературою славянскою, перенятый всецѣло заботою о просвѣщеніи народа, и Теодоръ Федынкевичъ, архипресвитеръ, 65-лѣтній старикъ, мужъ благоразумный и богатый долготѣною опытностію въ правленіи епархіи. Ихъ совѣтами пользуясь, розвинулъ епископъ Іоаннъ дѣятельность свою во благо епархіи и первѣйше всего старательностію о религіино-нравственное просвѣщеніе народа, ему повѣренного, заведеніемъ школъ парохіальныхъ*). Для приготовленія къ тому многоважному дѣлу способныхъ учителей, основанъ былъ въ Перемышлѣ «Институтъ дяко-учителей» (утвержденный Его Величествомъ цѣсаремъ Францомъ I. подъ днемъ 24 августа 1818 г.), въ которомъ, кромѣ мѣстныхъ двоихъ сотрудниковъ, завозваны были епископомъ и сосѣдніи священники сельскіи къ преподаванію предметовъ, для образованія воспитанниковъ необходимыхъ. Предметы же были: наука катехизма, изясненіе Евангелій и Апостоловъ недѣльныхъ и праздничныхъ, грамматика церковно-славянскаго языка, Библійная исторія, истолкованіе Чина Утрени и Вечерни, географія, цѣніе церковное и Ирмологіона, Типикъ и обчисленіе движимыхъ праздниковъ посредствомъ «Руки Дамаскина.» Была то первая, такъ теперь зовимая «семинарія учительская» въ Галичинѣ**).

*) Щобы дати примѣръ епархіальному клиру, основалъ онъ подъ днемъ 30-го дек. 1818 въ своихъ помѣстьяхъ, въ Валявѣ и Страшевичахъ, школы и назначилъ жалованье дяко-учителямъ ежегодно по 60 зр. м. к., на тогдѣшнее дешевое время довольное, — постѣ также и въ Вѣлюничахъ.

***) Первая та учительская семинарія была практичнѣйшою институціею, нежели теперъ существующіи, ибо примѣнена къ потребамъ и желаніямъ народа сельскаго,

Современно занялся епископъ Іоаннъ и дѣлами церковными, а именно исправленіемъ въ розстройство находящагося обряда. И началъ отъ головы, отъ своей церкви престольной, — а творилъ то съ осторожностію и предусмотрительностію, — постепенно, щобы, вмѣсто создавати, не разоряти, — а то тѣмъ больше, понеже тогдашнее духовенство въ дѣлѣ обряда было мало познакомленое... И тѣмъ способомъ удалось ему по нѣкомъ времени, въ 1825 г., ввести порядокъ въ богослуженіи, который съ того времени соблюдается точно въ церкви кафедральной.

Въ 1826 г. ввѣренъ былъ ему директоратъ философскаго факультета въ Перемышлѣ. Былъ то чинъ почетный (гоноровый). Должности сего чина были: надзирати професоровъ, присутствовати при испытахъ и класификаціи студентовъ, подписывати свидѣтельства и поставляти суплентовъ. Сей чинъ исполнялъ епископъ Іоаннъ со снисходительностію и вѣжливостію къ професорамъ, а съ мудрою кротостію и добротою къ ученикамъ. Хотя его достоинство о много перевысшало становище професоровъ, то однакоже являлся онъ къ нимъ больше другомъ, нежели ихъ настоятелемъ; онъ почиталъ ихъ и завывалъ ихъ часто къ себѣ на обѣды. Для студентовъ же философіи былъ онъ истиннымъ отцемъ и въ каждой хвили доступнымъ. Къ нему удавались они съ дѣтскимъ довѣріемъ во всѣхъ потребахъ, онъ воспома-

полагающаго головную цѣль образованія дѣтей своихъ въ томъ, дабы тіи научились въ школѣ молитвъ, пѣнія церковнаго, добре читати, писати и числити, щобы знали Апостоль и Пареміи въ церкви перечитати. Вышшедшій изъ такой семинаріи дьяко-учитель, воспитывающій дѣтей въ душѣ и во желанію народа, былъ отъ тогожь любленъ, а будучи яко дьякъ, належачій до причта церковнаго, полу-духовною особою, имѣлъ въ громадѣ большое почитаніе, нежели теперѣшній, совсѣмъ до церкви не належачій, или даже иногда ея чуждающійся мірскій человекъ.

галь ихъ совѣтомъ и дѣломъ, пѣнялъ ихъ своею сердечностію, любилъ молодежь и былъ у ней любимымъ; — и неразъ воспользовались «философы» тою его любовію и снисходительностію, да и упростили освобожденія отъ уроковъ школьныхъ въ знаменитшіи русскіи праздники, — ибо въ тогдашнемъ времени дни праздничныи русскіи не были отъ уроковъ свободны, только латинскіи.*) — Яко знаменитый

*) Хотя слушатели философіи питали къ епископу-директору въ сердцахъ своихъ великое уваженіе, то случилось разъ и негодованіе изъ-за немилото имъ роспоряженія, — однакже не осмѣлились они то негодованіе къ нему оказати съ такою дерзостію, яко къ виновнику и экзекутору сего роспоряженія, — но больше съ пощадою и будто извинительно, якъ то увидимъ изъ слѣдующаго событія: Въ тогдашнемъ времени былъ обычай при наборахъ рекрутскихъ, що рѣдко кто изъ обязанныхъ до службы военной ставился къ асентирунку добровольно, — только бывалъ насиліемъ приводимый. Интеллигентнымъ давали воззванія, тагъ зовимыи „мандаты.“ Тагъ дѣялось и съ слушателями философіи, которые по большой части находились въ дѣтахъ, для службы военной законныхъ. Самы только имбющій шляхетство были отъ той службы свободны. Тожъ получившіи такіи мандаты, старались всякими способами избѣгнути передъ насиліемъ и — скрывались, въ случаѣ же нападенія, бывали своими коллегами защищаемы. И не одному удалось тѣмъ способомъ освободитись на всегда отъ службы военной. Щобы сему запобѣгти, постарался тогдашній крейсгаутманъ или староста Карлъ Чечъ де Линденвальдъ, нелюбившій философвъ изъ-за частыхъ крамоль, у высокаго правительства, щобы такіи обязанныи до службы военной и получившіи мандаты философы, не были допущены къ испытаньямъ. Такии однакже мандаты не имѣли у професоровъ ніякого значенія, если не были подписаны директоромъ факультета философскаго, — тожъ постарался Чечъ и о то, щобы епископъ Сибѣгурскій, яко директоръ, ихъ подписывалъ, — а тогда уже не могли они поддаватись испытаньямъ — и убѣгали обыкновенно на Буковину въ Черновцы. Такии подписанныи мандаты вручались философамъ посредствомъ сеніора професоровъ, котрымъ былъ професоръ философіи Францъ Крейчи, и

благодѣтель нуждающихся и щедрый податель милостыни, былъ онъ въ 1839 году возникшемъ въ Перемышлѣ обществѣ, или такъ зовимой комисіи къ воспоможенію мѣстныхъ убогихъ, первымъ избранъ предсѣдателемъ, которое-то благодѣтельное общество онъ ежегодно щедрыми пособіями подкрѣплялъ.

Но больше всѣхъ требующихъ лежала ему на сердцѣ доля вдовицъ и сиротъ по священникахъ своей епархіи. Бывши самъ въ своемъ дѣтствѣ сиротою и видѣвши мать свою въ нужденномъ состояніи, чувствовалъ онъ потребу учрежденія фонда благотворительнаго въ своей епархіи для бѣдныхъ вдовицъ и сиротъ священническихъ, — для того подавъ онъ первую мысль къ тому и былъ первымъ основателемъ комисіи института для вспоможенія вдовъ и сиротъ по священникахъ епархіи Перемышльской и постарался о утвержденіе сего института выс. правительствомъ, послѣдовавшее подъ днемъ 10 февр. 1840 года. Сей благотворительный институтъ вспомагалъ онъ ежегодно щедрыми датками и памяталъ о немъ и въ своемъ завѣщаніи. — «Милый людямъ — милый и Богу,» гласитъ народная пословица, — тожь и Снѣгурскій, любленный отъ всѣхъ, милый былъ и императору Фердинанду Благому, чего доказательствомъ есть возведеніе его 1843 г. въ достоинство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Его Величества Цѣсаря, съ титуломъ «превосходительства,» которое-то отличіе было обыкновенно давано только митрополитамъ, рѣдко же епископамъ. Но заслуги и лояльность епископа Снѣгурскаго ровняли его митрополитамъ, — ибо доси ни одинъ русскій епи-

строгимъ экзекуторомъ въ томъ дѣлѣ. По той причинѣ заявили философы свое негодованіе въ стишкахъ :

Szelma Czezc,

Łajdak Krecz,

I Snigurski się przy nich psuje,

Bo mandaty podpisuje.

скопъ Перемышльскій не удостоился такого преимущества. Тѣмъ достоинствомъ епископа возвеличена была также епархія Перемышльская, а священники въ честь собѣ считали служить подъ епископомъ—Превосходительствомъ. Слава епископа удѣлилась и его священникамъ, тожь сею славою красуясь, священники могли съ гордостію передъ цѣлымъ свѣтомъ повеличатись: «Таковаго имаы Первосвященника!»

Въ 1845 г., письмомъ изъ 15 дек., воззванъ былъ въ члены товарищества господарского, состоящаго изъ польской аристократіи, но, яко опытный дипломатъ, проникнулъ онъ тайны намеренія на видъ невинного и незадорного сего общества и отказался отъ той чести, извиняясь преклонностію лѣтъ и недостаткомъ свободнаго времени при занятіяхъ епархіяльных. И не обманулся онъ въ томъ своемъ предположеніи, чего доказательствомъ оный злополучный 1846 годъ.—Сей однакоже отказъ, якоже и отказъ соучастія въ складкахъ на мнимыя благодѣтельные цѣли, возбудилъ въ партіи шовинистовъ польскихъ къ епископу Снѣгурскому неблагоклонность.

Не можно молчаніемъ поминуть еще одной важной институціи, приобрѣтенной епископомъ Снѣгурскимъ не только для блага епархіи, но даже для всей Галицкой Руси, — а тѣмъ есть: учрежденіе типографіи русской въ Перемышль, въ 1829 г. Подобаеть вѣдати, що въ то время рѣдко где въ Галичинѣ находились типографіи, а которыя существовали, то печатали латинскіи, польскіи и нѣмецкіи книги, русская же была лишь одна, Ставропигійская, во Львовѣ. Однакоже, къ сожалѣнію, находилась въ то время та единственная русская книгопечатня въ великомъ розстройствѣ; черенки русской кириллицы были старыи, сбитыи, стертыи, а о новыи не было кому хлопотатись, ибо тогдашніи старѣйшины

сего Института заботились только о всевозможны користи для себе изъ имѣнія той древней русской ин-ституціи. Для того, по нѣсколькихъ лѣтахъ своего управленія Ставропигійскимъ Институтомъ, такіи старѣйшины куповали собѣ дома и села, а яко помѣщики переходили въ латинство, — если не они, то ихъ дѣти, — для того то черезъ ихъ нерадѣніе и книгопечатня оставалась въ весьма жалкомъ состояніи*). Изъ причины сего нерадѣнія настоятельства Ставропигійского, далъ сильно чувствоватись недостатокъ книгъ, особенно же для народныхъ школъ, ибо книги церковныи спроважались изъ Почаева. При такихъ сумныхъ обстоятельствахъ были нѣкоторые изъ ревнѣйшихъ священниковъ, позабывшіи школы въ своихъ приходлахъ, не имѣя къ начальному обученію дѣтей печатныхъ книгъ, принуждены, якъ то бывало еще за время передъ изобрѣтеніемъ типографіи, списывати собственноручно на бумажныхъ таблич-

*) Институтъ Ставропигійскій сталъ двигатись отъ полувѣкового паденія 1861 г., подъ старѣйшиною совѣт. Іоахимомъ Хоминскимъ, мужемъ благородного характера и твердого русского духа, начавшимъ то благое дѣло отъ дома Божого, отъ реставраціи церкви изъ внѣ и внутрь. По немъ величавую розвинулъ дѣятельность старѣйшина, ашелян. совѣтникъ г. Василій Ковальскій, подъ которого совѣтнымъ управленіемъ имѣніе Ставропигіи умножилось, а изъ руинъ возрастали хорошіи каменницы. — Теперь продолжаетъ то богоугодное дѣло старѣйшина г. д-ръ Исидоръ Шараневичъ, обогатившій Ставропигію закупленіемъ прилежащаго дома, приведшій въ порядокъ уже существующіи дома, устроившій хорошій музей древностей церковныхъ русскихъ, снабдившій печатню машинами и пр., такъ що теперь Галицкая Русь можетъ гордиться тѣмъ Институтомъ. Такии-то чудеса творить духъ русскій и сердце русское, соединенное съ благороднымъ характеромъ. Слава тѣмъ высокопочтеннымъ мужамъ, искреннимъ патріотамъ русскимъ.

кахъ букварь и такъ учить молодежь сельскую*). Тоже необходимость еще одной русской типографіи была явна и общежелательна. Чувствовалъ то и о просвѣщеніе народа заботливый епископъ Сибѣгурскій, для того воспользовался сейчасъ надавшеюся 1828 г. случайностію къ приобрѣтенію книгопечатни, въ которомъ- то году вдова по упокоившемся властителѣ типографіи Яиѣ Голембіовскомъ, не будучи въ силѣ управлять такимъ заведеніемъ, постановила продати свою типографію съ дипломомъ. Епископъ Іоаннъ, знаючи важность книгопечатни для Церкви и просвѣщенія народа, не залишилъ сей удобной случайности и купилъ отъ ней типографію и дипломъ, на подставѣ котораго постарался отъ выс. Правительства о концесію учрежденія типографіи въ Перемышлѣ, а получивши тую же вслѣдствіе губерніальнаго декрета изъ дня 10-го февр. 1829 г. Ч. 5961, устроилъ въ ней все потребное и открылъ тую же для всеобщаго употребленія, подъ управленіемъ дѣятельнаго и энергичнаго о. Іосифа Левицкаго, сотрудника парохіи кафедральной, который постарался о черевки кирилицы русской. И въ недолгомъ времени показали спасительныя плоды сего заведенія, ибо издавались буквари для школъ народныхъ и молитвенники, вслѣдствіе чего и школы по селамъ стали умножаться. Въ 1833 году появился великій катехизмъ епархіальный, — изданіе весьма старательное. Въ 1840 г. печатался подъ управленіемъ о. Діонисія Шарыловича, сотрудника пар. кафедр. (по отшествіи о. Іос. Левицкаго на приходъ), великій Служебникъ или Литургиконъ, прехорошимъ и четкимъ типомъ, на счетъ епископа Іоанна, который самъ надзиралъ надъ точною корректурою того же и платилъ трудящомуся при перед-

*) На такихъ-то писанныхъ табличкахъ учился и я, пишущій сіе, буквъ русскихъ въ 1828 г., въ приходской школѣ въ Вышатичахъ.

послѣдней корректъ за найденную ошибку по сороковцеви, а при послѣдней по дукатъ. Изданіе то оказалось образцевымъ, которымъ могла бы повеличатись каждая изъ лучшихъ типографій; такъ само старательно изданъ въ 1844 г. Евхологіонъ, или Требникъ.

Приобрѣтеніе сіе типографіи имѣло двойную цѣль: Первая была роспространеніе просвѣщенія въ народъ русскомъ и печатаніе книгъ церковныхъ, а вторая—фундація одного мѣста крылошанина въ должности канцлера капитульного изъ доходовъ той книгопечатни, которую и помѣстилъ въ зданіи капитульномъ въ намѣреніи, подарити ю собору крылошанъ, що и въ 1840 г. исполнилъ. „Вся моя — твоя,“ Церкви русская и народе русскій!...

Посвящая все время своей жизни благу епархіи, не залишилъ епископъ Сяѣгурскій ни одной случайности, щобы, яко добрый отецъ, не приобрѣсти для своихъ дѣтей якого благодѣянія. Его искренняя любовь для дорогой сердцу его Церкви русской и Руси не имѣла границъ. Доказательствомъ того есть его послѣдняя поѣздка въ Вѣдень, въ цѣли принесенія благодаренія Его Величеству цѣсарю Фердинанду Благому за удѣленіе ему достоинства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Его цѣс. Величества. Однакже достоинство то, якъ оно и знаменитое, было бы ему не мило, если бы онъ, по подобію добраго отца, не привезъ изъ Вѣдья для любимыхъ дѣтей своихъ якого гостинца. Подумалъ собѣ сей благородный мужъ: достоинство тое милости монаршой для мене, — но що же для моихъ дѣтей, для моей Церкви, для дорогой сердцу моему Руси? Для того онъ памяталъ при данной ему аудіенціи на ему милыхъ, и сложивши благодареніе, поднесъ предоброму монарху прошеніе о учрежденіи семинаріи въ Перемышлѣ и о установленіи капеляновъ полковыхъ для обохъ епархій галицко-русскихъ.

Вслѣдствіе сего ходатайства, которое вѣнчалось, по милости монарха, желательнымъ успѣхомъ, была заведена въ 1845 году семинарія, а въ 1847 году приспѣло рѣшеніе императорское въ дѣлѣ установленія полковыхъ капеляновъ для обоихъ епархій, Перемышльської и Львовской.

Хорошее то пріобрѣтеніе для епархіи, — но тяжкій жаль сердце тиснетъ при воспоминаніи, що то было и послѣднее за жизни сего неоцѣненного епископа; былъ то и послѣдній подарокъ предоброго отца возлюбленнымъ чадамъ своимъ. Все для церкви моей и для Руси, а для мене — горсть земли! гласитъ цѣлая жизнь сего нашего, намъ милого, приснопамятного епископа Іоанна Сѣвгурского.

«Въ память вѣчную будетъ праведникъ, слуха зла не убоится...»

III.

Розказавши о діяльності епископа Юанна Снѣгурского для блага церкви и народа, о сколько то миѣ могло быти извѣстнымъ, считаю, що не будетъ излишнимъ, вспомнути еще нѣсколькими словами о личности, домашней жизни и отношеніи къ сродникамъ и друзьямъ сего, для Галицкой Руси знаменитого мужа.

Касательно личности епископа Снѣгурского, то былъ онъ середняго роста, тѣла полного, очей синихъ любовію и кротостію сіяющихъ, а сѣдыи волосы, въ задѣ зачесаныи, покрывали его голову. Въ молодшомъ вѣцѣ былъ онъ, якъ изъ его первого портрета видно, весьма хорошій мужчина, — въ приклонности же лѣтъ немножко отмѣнился, но характеръ его лица, кроткій и добротою къ собѣ привлекающій, остался ему до кончины жизни его. Въ хвилѣ неудовольствія дѣлалось его лице серіознымъ, но не грознымъ. Въ такомъ случаѣ при выговорахъ или при гнѣвѣ заикотвался немножко и повтарялъ то само нѣскольkokратно, обнимая въ нетерпѣннн пальцами нагрудннн пуговки своей рясы, но по короткой хвили сейчасъ одобрился и говорилъ или наставлялъ кротко.

Такъ якъ самъ исполнялъ точно свои должности, такъ требовалъ строгаго исполненія должностей и отъ подчиненныхъ собѣ, — и не только требовалъ,

но и самъ надглядывалъ на точное исполненіе тѣхъ же. Трудясь неутомимо дѣлами епархіи въ своемъ кабинетѣ, любилъ онъ при томъ о всемъ, а даже о мелочахъ знати, що дѣлается въ его престольной церкви и въ консисторской канцеляріи. Въ Недѣлю и нарочитыя праздники присутствовалъ онъ всегда на Утрени, читая по Евангеліи Службу Божу, — и оставался часто во время омилиі. А послѣ приходилъ на Литургію всенародную и пребывалъ, сидячи на своемъ ероне въ мантиі, вслушиваясь внимательно проповѣди, и критиковалъ тую же сейчасъ же по окончаніи Литургіи въ сосудохранилищѣ, похваляя или исправляя проповѣдника.

Въ обхожденіи со своими крылошанами былъ онъ всегда вѣжливый и дружескій. Повелѣвалъ, якъ-бы просилъ, якъ характеристично выразился о немъ крылошанинъ Витошинскій въ прашальной своей бесѣдѣ, но зналъ и удержати ихъ въ полномъ уваженіи къ своей личности и достоинству, былъ къ нимъ откровенный и радъ слушалъ ихъ мнѣній, а даже вопрошалъ ихъ о ихъ мнѣніи въ дѣлахъ епархіальныхъ, — вконецъ же рѣшалъ, якъ считалъ наилучшимъ, не разъ противъ своего первоначального мнѣнія. Въ первыхъ лѣтахъ его епископства большое изъ всѣхъ имѣлъ у него вліяніе крылошанинъ Іоаннъ Могильницкій, въ послѣднихъ же лѣтахъ крылошанинъ Ома Полянскій.

Къ низшему духовенству являлся отъ всегда снисходительнымъ и приступнымъ, принимая каждого съ отцевскою любовью. Ревныхъ въ исполненіи ихъ должностей похвалялъ, заблуждающихъ же исправлялъ безъ обиняковъ, откровенно представляя имъ предъ очи ихъ неточности въ поведеніи. Любилъ о своихъ священникахъ все знати, а даже ихъ домашнюю жизнь, — сочувствовалъ ихъ счастью и несчастью, а если случайно узналъ о якихъ ошибкахъ, то не дѣлалъ изъ того ніякого офіціального употребленія,

только исправлялъ въ четыре очи по отечески, чѣмъ возбуждалъ онъ къ себѣ довѣріе, — а любилъ иногда и пошутити...

Онъ то умѣлъ такъ хорошо соединити строгость съ кротостію... Кротость въ обхожденіи съ подчиненными, строгость въ требованіи точнаго исполненія должностей ихъ — суть то найкрасшіи добродѣтели и всезнаменитшіи преимущества всякаго настоятеля. «Строгий Игумень, и черницы честны.» Изъ всѣхъ епископовъ, по немъ слѣдовавшихъ, не былъ ни одинъ въ томъ отношеніи такимъ, якъ Снѣгурскій.

Онъ соблюдалъ въ памяти и сердцахъ тѣхъ-то многоважныхъ символическихъ словъ псалмопѣвца, которые, по припису св. Церкви, каждый епископъ долженъ произносить при облеченіи набедренникомъ, громко поучающіи властелиновъ: «Препоясавши мечъ по бедръ твоимъ, сильно, красотою своею и добротою своею, и наляци, и усцѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды, и наставитъ тя дивно десница твоя.» (Псал. 44.)

Вотъ зеркало, въ которомъ отражается личность епископа Іоанна, приукрашена розумнаго властелина добродѣтелями: строгостію (мечъ), красотою, добротою, истиною, кротостію и справедливостію.

Въ домашней жизни Снѣгурскій, во время отъ должностей свободное, любилъ товарищество, особенно мужей ученыхъ и веселого расположенія. Будучи изъ природы немногорѣчивымъ, прислушивался онъ съ великою пріятностію разговорамъ другихъ, дѣлая при томъ свои быстроумныя примѣчанія, — а тѣмъ подавалъ новыи предметы къ разговорамъ. Передъ всѣмъ имѣлъ онъ великое удовольствіе въ обществѣ ювяльныхъ, въ добрый гуморъ и въ веселое расположеніе духа его вправляющихъ, — якъ то были въ послѣднихъ лѣтахъ: професоръ физики д-ръ Александръ Завадскій и професоръ математики Піяристъ о. Францъ Хлебечекъ, мужи свѣтлыи, полныи остроумія и весе-

лого расположенія духа. Изъ причины тѣхъ хорошихъ свойствъ, приглашалъ ихъ епископъ часто на обѣды, при которыхъ, занимательными разговорами своихъ гостей развеселень, сердечно смѣялся.

По каждомъ консисторскомъ засѣданіи бывали обыкновенно для крылошанъ и членовъ епископской консисторіи обѣды, при которыхъ велись дружескіи разговоры. Кромѣ того приглашалъ епископъ часто посѣщающихъ его приходскихъ священниковъ на обѣды, не только изъ гостепріемства, но и для близшаго познанія характеровъ своего духовенства. Достопамятнѣйшіи изъ всѣхъ были обѣды въ Великій Четвергъ и въ храмовый праздникъ св. Іоанна Крестителя, где были всѣ, самы свои, где засѣдалъ всѣми любимый владыка, яко добрый отецъ въ кружѣ своихъ, его любящихъ дѣтей. Якая то была повага, якая искренность, якая нестѣсненная свобода въ томъ истинно семейномъ собраніи, — то воистину привлекательное было зрѣлище!

Самъ же епископъ Іоаннъ жилъ весьма умѣренно; снѣданье состояло изъ клеика ячменного съ житнымъ хлѣбомъ, обѣдъ изъ стравъ обыкновенныхъ, вкусныхъ, здоровыхъ, но не весьма искусственныхъ, — при ежедневномъ обѣдѣ не было вина, только если были гости. Самъ же часто послѣ обѣда надъ вечеромъ пилъ стклянку вина легкого австрійского, по чемъ и шолъ въ лѣтъ на прогулку, всегда въ направленіи черезъ Подгорье къ Знесеню, при чемъ сильно потился. За нимъ поступалъ его камердинеръ, носячи палицу и парасоль — запровіантованый мѣлкою монетою для роздачи дѣтямъ, цѣлующимъ при встрѣчѣ руки владыки, при чемъ часто вопрошалъ дѣтей, знаютъ ли они перекреститись и молитвы, — и если испытъ выпалъ къ удовольствію, то получали по мѣрѣ знанія

молитвы монету дво- или одно-дупкову, — за то приобрѣлъ епископъ у дѣтей великую любовь.*)

Любовь сердечная къ молодежи была то второю природою сего великого мужа, тожь не только къ дѣтямъ являлись въ томъ отношеніи его снисходительность, но и къ старшимъ ученикамъ, ибо случалось не разъ, що во время своей прогулки онъ встрѣ-

*) Къ такимъ отъ чадолюбца-владыки одареннымъ на- лежали по большей части мальчики-ученики. При такой роздачѣ даровъ дѣтямъ извѣдывался часто епископъ отъ нихъ о фамиліи ихъ, — кто отецъ? А понеже имѣлъ бы- струю и вѣрную память, то не разъ случилось, что вос- пользовавшийся въ дѣтствѣ сею милостію владыки, по окончаніи студій гимназіальныхъ представлялся ему яко кандидатъ сана священническаго въ цѣли полученія ду- ховной стипендіи; — тогда услышавши епископъ его имя и фамилію, пригадалъ ему давнее знакомство. Случались и другого рода знакомства, а именно пѣвцевъ-хористовъ, которые щедро бывали вознаграждаемы. Но оригинальнѣй- шимъ еще способомъ прійшоль съ епископомъ Сябгур- ескимъ къ знакомству одинъ розказывавшій мнѣ о томъ профессоръ гимназіи, Л. К. Онъ, будучи еще ученикомъ ги- мназіи въ 5 и 6 классѣ, пересиживалъ часто за различными дѣтскіи ошибки въ карцерѣ гимназіальномъ, котораго окна выходили на палату владычюю. Отсиживая свое наказаніе, сидѣлъ онъ обыкновенно при окнѣ, откуда видѣнь былъ въ палатѣ. И случилось, що той же, по оконченіи гимназіи, яко слушатель философіи, представлялся по должности кандидата на духовную стипендію епископу и крылоша- намъ, при тагъ зовимой „элекціи.“ Когда только вступилъ въ салю, позналъ его епископъ, засмѣялся и шутя, сказалъ ему: „Та мы уже знаемъ,“ а обращаясь къ крылошанамъ, примѣтилъ съ розвеселеннымъ лицомъ: „То мой старый знакомый.“ На то странное и нечаянное привѣтствіе сталъ Л. К. изумленъ, — но въ сей часъ пригадала ему совѣсть поводъ сего фатальнаго знакомства; тогда напугался сильно, думая, що уже пропаль, а то тѣмъ больше, когда удивленнымъ присутствующимъ крылошанамъ, смѣясь роз- сказалъ епископъ исторію сего знакомства. Однакоже, не смо- тра на то, былъ онъ отъ предоброго владыки ласкаво отпу- щень и духовною стипендіею надѣленъ.

чалъ учениковъ гимназiи или филосоfи, сидящихъ на травнику и учащихся своихъ предметовъ; тогда останавлиался при нихъ и вопрошалъ ихъ, якого предмета учатся и пр., — похвалялъ ихъ прилѣжность и заохочалъ къ дальшимъ трудамъ въ наукахъ. Казались бы може кому-нибудь такіи мелочи маловажными, а однакже они остались въ сердцахъ тогдашнихъ юношей, теперѣ же стариковъ, въ милой памяти на всю ихъ жизнь, — и неразъ еще воспоминается ними съ честію имя епископа Сибгурского при розсказываніи своимъ дѣтямъ о минувшей бывальщинѣ съ примѣчаніемъ: «Такіи то бывали у насъ архіереи!»

Прогулки такіи отбывались только лѣтомъ и въ теплой осени; въ зимѣ же выѣзжалъ епископъ саньми въ фіолетовомъ футрѣ изъ желтыхъ кунъ и съ собою шапкою на головѣ.

Вечеромъ трудился всегда дѣлами епархіальными и о 10 ч. удавался въ спочинокъ. Утромъ вставалъ о 5 ч. и, помолившись, трудился дальше. О 7 часѣ присутствовалъ ежедневно въ будни при св. Литургіи, читаной въ палатовой часовнѣ его капеляномъ. Въ дни недѣльные и праздничны посѣщалъ церковь, якъ уже выше вспомнено.

Около полудня наступали приѣмы — священниковъ своей епархіи въ кабинетѣ, а другихъ посѣтителей въ большой салѣ гостинной, устройство которой, якъ и прочихъ комнатъ, было совсѣмъ одинаковое, безъ всякой пышности, — мебели скромныи, но порядочныи, хотя не новомодныи.

Вообще не любилъ епископъ Іоаннъ всякого хвастовства, но любилъ во всемъ простоту, якъ въ устройствѣ комнатъ, такъ и въ приборѣ столовомъ,*)

*) Когда я разъ при обѣдѣ, указуя на стеклянки и стаканчики древного фасона, гладкіи, на столѣ стоящіи, вспомнулъ, що у лат. епископа Вържлейского я видѣлъ такіи хорошіи, рѣзанныи, новомодныи стаканчики, на то сказалъ мнѣ епископъ съ самодовольствіемъ: „Для того-жъ то хвалить всѣ у него стаканчики, а у мене — вино.“

а даже въ своихъ одеждахъ, которыя, хотя были отвѣтны велелѣнію его высокаго становища, но скромныя и далеки отъ всякаго щегольства. Дома одѣтъ былъ всегда въ фіолетовую рясу, дабы быти готовымъ въ каждой хвилѣ къ принятію посѣщающихъ его въ различныхъ дѣлахъ. Выѣзжая въ дальшій путь, бралъ на себе исподнюю рясу, на которую надѣвалъ для выгоды долгій гранатовый сюртукъ, а верхнюю рясу полагалъ на передномъ сѣдалищѣ кареты, чтобы въ случаѣ потребности могъ въ ню скоро переодѣться, — ибо бывало, що, переѣзжая черезъ какое село коло церкви, увидѣлъ печально стоящаго священника съ собранными людьми, тожъ необходимо было вступить въ церковь и поблагословити собранный народъ. Хотя дома не любилъ пышности, однакъже, если заходила потреба выступити великолѣпно, то не былъ въ томъ отношеніи послѣднимъ, ибо были у него статныя кареты, шесть хорошихъ сивыхъ коней и служба въ ливреѣ.

Лѣтомъ выѣздилъ ежегодно на обзоръ канонической въ различныхъ деканаты обширной своей епархіи. Въ послѣднихъ же лѣтахъ, по совѣту врачей, выѣзжалъ въ купели минеральныя Трускавецкія. Если случалось когда хорошее весеннее время, то любилъ тогда въ маѣ до половины іюня пребывать въ Валявѣ на свѣжомъ воздухѣ и на купеляхъ въ Сянѣ, где также въ такомъ случаѣ праздновалъ день своего тезоименія.

Понеже то село отдалено отъ Перемишля только двѣ мили, тожъ майже ежедневно пріѣздили сюда священники къ епископу въ своихъ дѣлахъ. Также загощали сюда часто и крылошане, а даже иногда отбывались здѣсь консисторскія засѣданія. Въ Стрешевичахъ пребывалъ онъ рѣдко долгое время, и по большой части только переѣзжая до и съ Трускавца вступалъ тутъ на отдыхъ на нѣсколько дней. Село Вѣлюничи посѣщалъ только разъ въ году ради про-

смотрѣ тамошняго хозяйства, находящагося подъ управленіемъ эконома.

Достоинство епископа, яко князя церкви, а при томъ помѣщика большихъ имѣній, требовало сношеній его съ помѣщиками и польскою аристокраціею. Тожъ и епископъ Свѣгурскій не залишилъ ежегодно почтиту знакомыхъ ему официальнымъ визитомъ, въ сопровождѣ своего капеляна. Съ нѣкоторыми сосѣдами жилъ въ дружескихъ отношеніяхъ, якъ: съ графомъ Андреемъ Цетнеромъ изъ Бакончичъ и Винкентіемъ Дверницкимъ изъ Дунковичокъ, который оставался вѣрнымъ своему русскому обряду до кончины жизни своей.

Съ латинскими епископами перемышльскими, слѣдовавшими одинъ по другому, якъ съ Голашевскимъ, Поточкимъ, Захарьясевичемъ и Вѣржхлейскимъ, жилъ согласно и дружелюбно, съ однимъ только епископомъ Корчинскимъ имѣлъ конфликты по причинѣ, що той же втягнулъ однажды до своего шематизма при жидяхъ и Русиновъ, обитающихъ въ окрестѣ приходоу латинскихъ, якоже изъ-за одной статьи, духовенству русскому враждебной, помѣщенной во время нониси, нимъ издаваемой подъ заглавіемъ: „Przyjacieli chrześcijańskiej prawdy.“

Въ сердечномъ дружескомъ отношеніи стоялъ епископъ Свѣгурскій съ латинскимъ каноникомъ Іоанномъ Шафранскимъ, парохомъ въ Мостискахъ, искреннимъ его почитателемъ, которого часто посѣщаль и который оставилъ рукописный памятникъ различныхъ событій изъ жизни епископа Свѣгурского, изъ котораго пок. о. Іосифъ Лозинскій черпалъ много важныхъ извѣстій при составленіи біографіи пок. епископа Іоанна.

Та однакже общежительная вѣжливость и дружество съ польскими обывателями не препятствовала ещ. Свѣгурскому, быти душею и сердцемъ твердымъ Русиномъ, любити искренне свою Церковь и народность и жити цѣлымъ существомъ своимъ для Руси.

Уже то обстоятельство, что еще в то время, когда между русскою интеллигенціею русскій языкъ не былъ еще во обще употребленъ, въ его палатѣ языкъ русскій былъ домашній, а съ клиромъ officialный, свидѣтельствуесть неоспоримо о его широкорусской душѣ и о русскомъ сердцѣ.

Кто только изъ мірской интеллигенціи русской явно признавался къ своему обряду, былъ ему милымъ другомъ. Такихъ приглашалъ онъ къ себѣ на обѣды и не только изъ высшихъ чиновъ, какъ: комисарей циркулярныхъ Іоахима Хоминского и Яниковского, профессора гимназіи Амвросія Яновского, офицера жандармеріи Барусевича, но также и изъ низшихъ, какъ: канцелиста циркулярнаго Остиславского, асессора магистратскаго Старосольского и др., — и такимъ способомъ старался ихъ привлечь и удерживати при обрядѣ въ то сумное время, когда будь то бы общимъ правиломъ было интеллигенціи русской переходити на обрядъ латинскій, а оставатись въ немъ — лишь изъятіемъ.

Всякое проявленіе русского духа въ литературѣ и другихъ дѣйствіяхъ наполняло епископа Іоанна сердечною радостію, — тожь доброохотно онъ вспоминалъ и гонорарами поощрялъ литераторовъ русскихъ къ дальшимъ трудамъ въ томъ направленіи,*) а какъ

*) Мило воспоминаеть о томъ искреннемъ радушіи епископа Сѣбурскаго пок. Яковъ Головацкій въ запискахъ своихъ подъ з. „Пережитое и перестраданное,“ где читаемъ: „Когда я былъ въ 1840 году во Львовѣ, каноникъ Витшинскій пригласилъ мене въ Перемишль для устройства библиотеки и архивныхъ бумагъ, хранящихся при русской консисторіи. Епископъ Іоаннъ Сѣбурскій принялъ мене съ такимъ благодушіемъ, що просто обворожилъ мене. Первый разъ въ жизни я услышалъ, що епископская прислуга не говоритъ иначе, какъ по русски, и самъ епископъ со всѣми русскими говорилъ по русски. Епископъ далъ мнѣ особую квартиру въ пресвитеріи и столъ съ новопосвященными пресвитерами, но онъ любилъ часто при-

радушно восхищался онъ первыми русскими проповѣдями, произнесенными въ кафедральной церкви новопоставленными пресвитерами, бывшими питомцами семинаріи ц. к. конвикта вѣденскаго. Та его искренняя любовь къ всему русскому была обще-извѣстна, тожь вѣ некоторыя его почитатели, желая сдѣлать ему печальную пріятность, привѣтствовали его, въ день его тезоименія, въ честь его сочиненными русскими стихами, чѣмъ онъ сердечно радовался.

Еще остается вспомнуги объ отношеніи епископа Снѣгурскаго къ своему домашнему капеляну, къ слугамъ, подданнымъ и сродникамъ.

Отношеніе епископа Снѣгурскаго къ своему домашнему капеляну было особеннаго, необыкновеннаго характера. Капелянъ его считанъ былъ яко належащій къ семьѣ епископа, яко членъ родины его. Епископъ обходился съ нимъ, якъ отецъ съ сыномъ, наставлялъ, поучалъ, предостерегалъ, а даже и порицалъ его при случайныхъ погрѣшностяхъ по отечески. Онъ любилъ своего капеляна, якъ отецъ сына, — но требовалъ также отъ него сыновней любви и преданности искренней, якоже и совершеннаго довѣрія и откровенности во всемъ. Онъ желалъ отъ капеляна

глашати мене къ себѣ обѣдати и розговоривалъ весьма любезно. Я осмотрѣлъ библіотеку каноника Лавровскаго и епископа и привелъ акты въ порядокъ. На прашаньи я показалъ Снѣгурскому свой сборникъ пѣсень. То былъ I. томъ и половина II. настоящаго (изъ 1878 г.) изданія „Народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси.“ Снѣгурскій поощрялъ мене въ моемъ трудѣ и обѣщалъ напечатати въ своей типографіи. Я замѣтилъ ему на то, що въ ней нѣтъ гражданскихъ череновъ, а только кирилица; онъ улыбнулся и сказалъ, що то все ровно, лишь бы я получилъ розрѣшеніе цензуры. За тѣмъ онъ вынулъ изъ столика 50 гульденовъ и сказалъ: вотъ вамъ на расходы при готовленія къ печати рукописи. То былъ мой первый гонораръ за литературныя труды.“ (Литер. Сборникъ изъ 1886 г., стр. 198.)

узнати о томъ, чего самъ не могъ видѣти и слышати, о касающомся Церкви и клира, щобы преждевременно предупредить и отвратити все, що могло блугу Церкви повредить или честь клира понизити, — якоже и о мнѣнїи клира и народа, о якоѣ его предпринимаемомъ распоряженїи или о лицахъ, имѣющихъ поставленными быти на якую важную должность и пр.; о томъ всемъ обязанъ былъ капелянъ епископу безъ обиняковъ дати точный и совѣстный докладъ. Также полагалъ въ обязанность капеляну обращати вниманїе его на все, чѣмъ бы могло достоинство и уваженїе епископа хоть наименьшимъ быти оскорблено. Свѣтъ бо требуетъ отъ епископа совершенства во всемъ, а даже — непогрѣшимости. Епископъ Снѣгурскїй, хотя строго сохранялъ свое достоинство, однакоже въ смиренїи своемъ опасался чѣмъ-нибудь, хотя якую мелочїю погрѣшити.*)

Честь епископа должна совѣстному капеляну быти дорогоценнѣйшая, нежели его собственная честь, — тожь когда случатся такіи дѣла, въ которыхъ высокое достоинство епископа не позволяетъ ему лично участвовать, тогда обязанъ капелянъ его заступити,

*) Случилось и мнѣ однажды сдѣлати употребленїе изъ той должности, а именно: Будучи въ Трускавцѣ, просилъ мене о игуменъ Качановскїй, щобы я поблагословилъ въ Дрогобычѣ новопостроенный нимъ домъ. Но понеже различны, можетъ быти и неправдивы, но всегда нехорошіи слухи носились, для кого домъ сей былъ построенъ, то я отвѣтилъ ему, що я не могу безъ соизволенїя епископа ничего дѣлати, — тожь щобы онъ удался къ нему. И въ сей часъ по свиданїи съ нимъ пойшоль я къ епископу и извѣстилъ его, що о. игуменъ будетъ просити о позволенїе, щобы я ему могъ поблагословити новопостроенный домъ въ Дрогобычѣ. А когда я узналъ, що епископъ сему не мыслитъ воспротивитись, сказалъ я: Однакоже я бы просилъ ваше превосходительство мнѣ не позволить, а то по той а той причинѣ. За то удостоился я милого, благодарного воззрѣнїя и похвалы епископа.

хоть-бы при томъ случилось ему потерпѣти якія непріятности. Изъ любви и уваженія къ своему архіерею, долженъ капелянтъ и отвергнути самого себе, — а такого отверженія требоваль и епископъ Снѣгурскій отъ своего капеляна.*) Изъ того слѣдуетъ, що задача капеляна при епископѣ Снѣгурскомъ была весьма важною, а при томъ для молодого, дѣятельного священника, понимающаго намѣренія сего великого мужа и знающаго отгадывати мысли его, не только весьма привлекательною, но и для блага Церкви и народности русской многополезною. Такой капелянтъ былъ ему милымъ и угоднымъ, такого дарилъ онъ своимъ полнымъ довѣріемъ и своею благосклонностію.**)

Для слугъ своихъ былъ епископъ Іоаннъ добрымъ и кроткимъ хозяиномъ-отцемъ, — терпеливый и кроткій въ обхожденіи съ ними, далекій отъ всякихъ панскихъ гримасовъ и докучливостей. Прогрѣшившихся онъ увѣщаль серьезно не многими словами, — а то было уже довольно, — но скоро прощаль. При

*) Такіи непріятности по должности испыталъ и о. Іосифъ Левицкій въ слѣдующемъ случаѣ: когда при покупцѣ книгопечатни отъ Голембiовской дѣлались со стороны уряда циркулярнаго въ пользу нѣкого другого покупателя епископу великіи затрудненія, тогда выступилъ горячій о. Левицкій, бывший въ то время капеляномъ, въ защитѣ дѣла епископскаго немножко за остро въ своихъ выраженіяхъ въ письмѣ и оскорбилъ тѣмъ урядъ циркулярный. Вслѣдствіе жалобы тогожъ уряда былъ онъ консисторіею засужденъ на реколекцію, а хотя сей засудъ, сдѣланный только въ удовлетвореніе уряду циркулярному, не былъ исполненъ, то однакъже оставшія въ актахъ, былъ за временъ епископа Яхимовича отъ недоброжелателей о. Левицкаго изъ пыли актовъ извлеченъ и на его некорысть при его компетенціи на каноника употребленъ.

**) Изъ того, здѣсь напечатаннаго отношенія епископа Снѣгурскаго къ своему капеляну каждый убѣдиться можетъ, що мнѣніе нѣкоторыхъ его современниковъ, будто-бы капеляны вліяли, или даже управляли епископомъ, есть совсемъ ошибочное.

встрѣчѣ или услугахъ проговорилъ къ нимъ всегда кое-что, а иногда, будучи въ хорошомъ расположеніи, и пошутилъ. Слуги любили его якъ отца, были ему вѣрны и приклонны, держались, а даже нѣкоторы постарѣлись въ его службѣ. Шо та любовь была искренняя и нелицемѣрна, доказомъ того служить заупокойны богослуженія по смерти епископа на ихъ желаніе и за ихъ лепты совершаемыя за упокой души ихъ благодѣтеля.*)

Яко помѣщикъ и владѣлецъ трехъ сель, Валявы, Страшевичъ и Вѣлюничъ, имѣлъ и епископъ Снѣгурскій въ тѣхъ же своихъ такъ зовимыхъ «подданныхъ,» которымъ подъ его кроткимъ владѣніемъ жилось весьма счастливо, — ибо не видѣли они въ немъ «пана,» только доброго отца. Тоже любили его и были ему преданны. Онъ былъ для нихъ всегда приступнымъ. Пребываючи для отдыха въ своихъ помѣстьяхъ, разговаривалъ съ ними всегда при встрѣчѣ о хозяйствѣ, о дѣтяхъ, сочувствовалъ ихъ долѣ и недолѣ, потѣшалъ и ободрялъ ихъ, — а если были съ ними и дѣти, то благословилъ и обдарялъ ихъ. Запрещалъ своимъ официалистамъ притѣснять ихъ панщиною за много, воспоминалъ ихъ въ потребахъ, зналъ многихъ по имени, особенно въ Валявѣ. Вся прислуга палатова происходила, съ малыми изъятіями, изъ Валявы и Страшевичъ; — были изъ нихъ сторожи, лакеи, камердинеры, а даже кухари, которые-то послѣдніи, выучившись сего искусства, получали хорошіи мѣста, яко кухмистры, при дворахъ, или сдѣлались трактирщиками. Понеже во всѣхъ трехъ своихъ

*) Нѣсколько дней послѣ похорона епископа прійшошь кучерь Франць, мазуръ родомъ, къ сотруднику кафедральному, о. Якову Диковскому, принесъ гульдена на Службу Божю и сказалъ со слезами: *Prose Jegomosci odprawić Msę św. za mego dobrego nieboscyka Pana...* Вотъ привлекательная картинка гуманности хозяина и благодарности слуги...

селахъ содерживалъ епископъ школы, тожь многіи изъ слугъ, выучившись въ тѣхъ же читати и писати, имѣвши при томъ слухъ музыкальный и хорошій голосъ, учились по желанію епископа пѣнія вокального и церковного и творили домашній палатовый хоръ. Опредѣленіе того хора было: не только участвовать въ потребѣ въ хорѣ каѳедральномъ, но особенно во время визитъ епархіальныхъ пѣти при литургіи архіерейской, — при Службѣ бо Божой пароха пѣли мѣстные дяки съ народомъ, — при томъ же вечерами въ свободныхъ отъ занятій хвилихъ забавляти селянъ пѣніемъ мірскихъ пѣсней, якъ на прим.: «Станьмо, братья въ коло,» или «Дай же, Боже, добрый часъ» или пѣснею сатирическою: «Былъ собѣ нашъ Грицко, родомъ зъ Коломыи, учился барзъ мудро на философіи; пятнадцать лѣтъ въ письмѣ гмиралъ, — а все по латынѣ гдыралъ, — а на шестнадцатый и псалтырки перечитати не зналъ» и пр.

Такими веселыми пѣснями не только развлекался народъ, но и дѣти сельскіи заохочивались къ пѣнію. А извѣстно, що пѣніе укрощаетъ нравы и причиняется къ убагородненію чувствъ и сердець, — тожь такій хоръ не только въ томъ отношеніи былъ весьма полезный, но и оставлялъ милое воспоминаніе визитъ епископскихъ у народа.

Изъ тѣхъ слугъ-пѣвцевъ сдѣлались нѣкоторые способными дяками, якъ: Петръ Мужинскій и Матвѣй Пинковскій, — оба Валявяне.

Такъ зналъ епископъ Іоаннъ соединити свою пользу съ общою. Всюда и во всемъ видна была та сама цѣль, то само стремленіе къ достигненію той же — а та была: Хвала Бога, возвышеніе обряда и возбужденіе чувства русской народности.

IV.

До сего времени видѣли мы Свѣгурского яко епископа; но погляньмо теперь въ нѣжный уголокъ его семейной жизни и присмотримся ему яко сыну и брату, а представляется намъ передъ очи прехорошіи его семейныи добродѣтели.

Семейство Свѣгурского, по смерти отца его, состояло изъ матери его Евфросины и сестры Маріи, замужной за Стефаномъ Черевкомъ, солтысомъ въ Бабинѣ подъ Самборомъ, якоже и съ трехъ ихъ дочерей, Анастасіи, Евдокии и Маріи. Было у него еще двоихъ старшихъ братьей, которые оба еще за жизни отца упокоилися, а одинъ изъ нихъ, будучи уже на богословіи, померъ на сухоты.

Хотя епископъ Іоаннъ, яко вѣрный подражатель Христу, изрекшему о слушающихъ науку его: «Се мати моя, се братія моя,» считалъ всѣхъ вѣрныхъ своей епархіи и Русь дорогими сердцу своему,—то однакже была ему, по примѣру Спасителя, дорога и любима мати его, которой заявлялъ всегда дѣтскую любовь и памяталъ о ней, яко благодарный сынъ, будучи еще на студіяхъ, потомъ же тѣмъ больше, когда пріобрѣлъ независимое становище. Отъ 1809 г. яко сотрудникъ, а послѣ парохъ при церкви св. Варвары въ Вѣдни, онъ пересылалъ ей, пребывающей у своего зятя Черевки, запомогти на руки своего школьного друга, о. Игнатія Давидовича, пароха въ Радымнѣ. По номинаціи же своей на епископа онъ умѣстилъ ю въ Валявѣ. Послѣ она переселилась въ Страшевичи, где, препоручена старательности тамошняго пароха, о. Георгія Кущикевича, сродника епископа, имѣя къ услугамъ кухарку и служащего, проживала мирно и во всякихъ выгодахъ нѣсколько лѣтъ и упокоилася дня 3-го сентября 1821 г.

У сестры Маріи Черевковой были, якъ уже сказано, три дочери: Анастасія, Евдокія и Марія, — и о нихъ не забылъ любве-обильный дядя, ибо, будучи еще въ Вѣднѣ, отдалъ ихъ на воспитаніе и науку въ домъ друга своего о. Игнатія Давидовича и его жены, женщины весьма образованной и хозяйственной, где и пребывали они до его номинаціи въ епископы. Послѣ онъ умѣстилъ ихъ въ своей палатѣ въ Валявѣ, удерживалъ для нихъ гувернантку, которая учила и воспитывала ихъ подѣ надзирательствомъ тамошняго пароха о. Іоанна Маршалкевича, наставлявшаго ихъ въ науцѣ богочестія. Потомъ всѣ три были выданы за мужъ: Анастасія (въ 1820 г.) за Іосифа Плошовского, комисаря добръ епископскихъ; Евдокія (1822 г.) за о. Василя Товарницкого, пароха въ Сельцѣ, а послѣ въ Старойсоли, декана Самборского, а Марія (1828 г.) за о. Іосифа Полянского, пароха въ Рогознѣ, послѣ же въ Бабинѣ.

Кромѣ тѣхъ сродниковъ, были еще сироты по пок. о. Михаилѣ Вербицкомѣ (рукоп. 1804 г.), пароху въ Улючѣ, деканѣ Бирчанскомѣ, тетчаномѣ братѣ Снѣгурского, а именно: Михаилъ и Владиславъ. Оба содерживались въ палатѣ епископской, посѣщали школы и учились, имѣя таланты музыкальныи и хорошии голоса, вокального цѣнія у директора хора каѳедральнаго, Алойсіа Нанке. Старшій Михаилъ, котораго композиціями музыкальными еще теперь восхищаются слушатели на концертахъ и представленіяхъ театральныхъ, окончивши богословіе, рукоположенный 1850 г. въ чинъ священнической, поставленъ былъ парохомъ въ Млынахъ, где 1870 г. упокоился. Молодшій же Владиславъ, славный въ свое время сопранистъ, окончивши гимназію, вступилъ въ службу войсковую и упокоился еще въ молодомъ вѣцѣ.

Въ такомъ сродствѣ по сестрѣ матери Снѣгурской находился и о. Трифонъ Качковскій, бывшій парохъ въ Чуквѣ.

Дальшій сродникъ епископа, бывшій экономъ Иванъ Снѣгурскій, жилъ въ Валявѣ на ласкавомъ хлѣбѣ (уп. 1833 г.), котораго сынъ также воспитывался въ палатѣ епископской, но будучи на философіи 1832 г., далъ себе увлечи польскимъ патриотизмомъ, пошолъ сражаться за Польшу и — больше не возвратился.

Розглянувши всю, здѣсь вкратцѣ начертанную жизнь и дѣятельность сего великого, необыкновеннаго мужа, скажемъ въ двухъ словахъ, що онъ былъ вся всѣмъ, по примѣру Спасителя, изрекшаго: «Иже хоцетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ, — ибо Сынъ челоуѣческой не прійде, да послужать Ему, но да послужитъ и дасть душу свою во избавленіе за многи.» (Мр. 10. 44.)

V.

Праздникъ храмовый: Рождество св. Іоанна Крестителя, есть то славнѣйшій день не только для самаго города Перемышля, но и для цѣлой окрестности. Лѣтнѣе время, близость жнивъ, первыи овощи, суницы, черешни, вишни и пр., — все то располагаетъ людей веселостію, но безъ сровнанія больше всѣхъ молодежь школьную, ибо сей праздникъ предвозвѣщаетъ ученикамъ конецъ школьнаго года, есть предтечею съ нетерпеливостію ожидаемыхъ неоцннмыхъ ферій и предвкусомъ всѣхъ надѣянныхъ радостей, якіи ожидаютъ ихъ въ родительскомъ домѣ. А такъ якъ обава предъ несчастьемъ есть наибольшимъ несчастьемъ, такъ и надежда на счастье есть большою счастливостію отъ самаго счастья. Тожъ належитъ сей праздникъ, по Пасцѣ и Сошествіи св. Духа, до найпріятнѣйшихъ въ году.

Уже въ навечеріе сего праздника тянется безмѣрное множество народа, богомольцевъ, торговцевъ, крамарей и дѣдовъ, въ направленію къ Перемышлю, одни пѣшки, другіи на возахъ, съ женщинами и дѣтьми. Особенно радуются тѣмъ праздникомъ сельскіи дѣти и ожидаютъ его съ нетерпеливостію цѣлый годъ. Ибо разъ только въ году возможно имъ видѣти городъ — разъ только въ году они счастливы, що могутъ выбраться изъ дома въ путешествіе, такъ прелестное дѣтямъ, и увидѣти ширшій свѣтъ... А которые остаются дома, то радуются ожиданіемъ «гостинца,» выходятъ вечеромъ на встрѣчу возвращающимся родителямъ и вопрошаютъ: «Чи привезли вы намъ Иванця?» Подъ тѣмъ выраженіемъ понимаются всякіи вещи — ядомыи и неядомыи. Тожъ получаютъ дѣти въ тотъ день отвѣтныи ихъ возрасту и заможности родителей гостинцы: то колачики, то медовники (пряники), то глиняныи куколки со свиставкою, то когутики циновыи, возики съ кониками деревянными, а дѣвчата сурки (ленты) крашенныи, коралики сткляныи, медалики, крестики и пр. — И якъ же не называти сей праздникъ радостнымъ?...

Въ тотъ день привозятъ сюда изъ различныхъ сторонъ всякую всячину: горнчари сосуды глиняныи, столяри скрыни, столы, столки, — боднари Старосольскіи бочки, коновки, дѣжки, токари ящики, фуярки, Яворовскіи корытники нецки, корыта, ложки, Старомѣстскіи кушнѣри кожухи, кошикари кошики, Рыботицкіи и Порохницкіи шевцы чоботы, Нижанковскіи пекарки струци, колачики, Львовскіи пряничники медовники, крамары переплетенныи молитвенники, образки, медалики, крестики, коралики и пр., суконщики изъ Пятковой домородныи сукна на гуньки и свиты, еврей же всякую всячину: шапки, капелюхи, готовыи одежи мужескіи и женскіи, садовники черешни и вишни, — всего есть полно, чего только душа забagnetъ! Только грошей! — Все то продается на головной

площади, по улицамъ, а на торговицѣ скотской — тамъ-то ржаніе, рыкъ, квикъ всякаго рода домашнихъ животныхъ, смѣшанный съ крикомъ и кликомъ продающихъ и покупающихъ...

Отъ полудня уже начинаютъ медленно богомольцы собираться около церкви. Первые изъ всѣхъ приспѣвываютъ нищій дѣды и глядаютъ собѣй найкорыстнѣйшихъ мѣсть, по угламъ и скрутамъ, где бы найскорше можно вниманіе народа на себе свернути. Нѣкоторые изъ нихъ ежегодно являлись на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, завладѣвши ними и, вѣроятно, по закону дѣдовскому пріобрѣвши уже провизорію. Такимъ привилегіованнымъ былъ одинъ слѣпецъ изъ Добромила, который, завладѣвши найвысше лежащимъ скрутомъ (изгибомъ), многіи лѣта занималъ его, а голосъ его уже былъ знаемый богомольцамъ, взывая безустанно: «Подайте менѣ слѣпому калѣцъ — за татуненька небощика, за мамуненьку небощку, за дѣтоньки помершіи, — подайте менѣ ялмужну святую, — подайте люденкове мильи, — подайте!» Другіи же слѣпцы воспѣвали св. Алексѣя или св. Николая, а слѣпицы св. Варвару, которыхъ обыкновенно окружала толпа съ любопытствомъ и съ великимъ интересомъ слушающаго народа. Были такоже и лирники, а при томъ множество различнаго рода калѣкъ, которыи, сидя по обомъ сторонамъ дороги, ведущей до церкви, показывали свои раны переходящимъ, ради возбужденія милосердія. Народъ русскій, хотя самъ нищій, но чувствительный, подавалъ имъ по возможности милостинны лепты.

На церковной площади розложились надъ стѣнами церкви пекарки изъ сосѣднихъ мѣстечокъ, съ бѣлыми колачиками и струцями, а возлѣ нихъ крамары съ мелочами для дѣтей, на супротивной же сторонѣ импровизованныи кофейни, где за столами при самоварахъ сидящии женщины продають чай и каву въ стаканчикахъ по 2 или 3 крейцары. Есть то пріоб-

рѣтеніе новѣйшихъ временъ, а именно отъ появленія апостоловъ тверезости въ 1844 г. Прежде продавали тутъ евреи въ кутѣ подъ стѣною капитульного огорода горѣлку. Теперь уже нѣтъ такого соблазна; съ теченіемъ времени перемѣнилось на лучшее о столько, що стыдаются люди запиваться публично, ибо и чай пьютъ безъ примѣшки рома. А то уже утѣшительный прогрессъ къ лучшему, — плодъ трудовъ нашего духовенства.

Окаймленная тѣми краями и кофейнями и безъ того неширокая площадь передъ храмомъ, биткомъ наполнена народомъ различного возраста и сословія, чѣмъ-разъ стѣснялась новопривывающими. Селяне, мѣщане, интеллигенція, — мужчины, женщины, дѣти, — всѣ русскіи души тиснутся къ возлюбленной матери своей, Церкви русской, чтобы помолиться совокупно въ храмѣ Господнемъ единѣми усты славянскими и единѣмъ сердцемъ русскимъ...

Однакже все, доси описанное, еще не есть самымъ праздникомъ, только вышинею декораціею праздника. Самымъ же праздникомъ, или сущностію праздника, было Богослуженіе, которое, чтобы великолѣпно во славу Бога и назиданіе вѣрныхъ совершилось, было задушевнымъ стараніемъ епископа Іоанна Сибгурскаго, посвятившого всю жизнь свою служенію Богу, Церкви, обряду и русскому народу.

Для того-то сей пастырь добрый, полагающій, по примѣру Христа, душу свою за овцы своя, не зря на потребу отпочинка и на неоконченное еще употребленіе водъ минеральныхъ въ Трускавцѣ, спѣшилъ въ Перемышль, чтобы увеличить торжество церковное архіерейскимъ богослуженіемъ. Ибо народъ, собранный изъ далекихъ сторонъ, желалъ видѣти своего отца-владыку и полѣчити отъ него благословеніе. Якая то отрада для сердца вѣрующаго простолюдина, съ якимъ благоговѣніемъ принималъ онъ благословеніе архіерея!...

Въ навечеріе праздника, о 4 часѣ по полудни, началась торжественная Вечерня, въ совершеніи которой участвовали всѣ крылошане. По литіи и благословеніи хлѣбовъ была проповѣдь, а послѣ парастася передъ тетраподомъ, наполненнымъ приносами вѣрныхъ. Во время парастаса обходили богомольцы по древнему обычаю на колѣнахъ головный престолъ. А когда уже приспѣла ночь, глядали богомольцы ночлеговъ. Многіи изъ прибывшихъ пѣшки находили той же на коридорахъ зданія капитульного, а большая часть на своихъ возахъ, стоявшихъ сплошно на площади школьной и сосѣднихъ улицахъ.

О 4 часѣ утромъ отозвался звонъ Ивана-колокола... И сейчасъ пробудились отъ сна почивающіи и, перекрестившись, стали въ порядокъ приводить свои одежды и спѣшили въ храмъ Господень на утреннее Богослуженіе, во время которого множество богомольцевъ приступали къ св. исповѣди. По окончаніи Утрени слѣдовала Омилія, а послѣ Акаѳистъ. Все то продолжалось до 9 часа.

Верхъ и сущность всего праздничного Богослуженія сосредоточались въ Службѣ Божой архіерейской, которая начиналась о $\frac{1}{2}$ 10 часа. И едва приспѣло то время, а уже отозвался праздничный звонъ великого колокола Ивана, за нимъ Петра, Павла, Николая и Филиппа, а послѣ звонъ всѣхъ совокушно, хотя не строго музыкально, но всегда величаво, а при томъ будто любезно призывающій на русское Богослуженіе, — ибо то голосъ матерній Церкви нашей, а голосъ матери всегда милый, голосъ той матери, которая утѣшала прадѣдовъ нашихъ, ободрала къ постоянности въ вѣрѣ и обрядѣ, за существованіе которой боролась и кровь свою проливала Русь многіи вѣки, которая невинно понижена, которой богослужебный, прехорошій, классическій славянскій языкъ, осмѣянный, обруганный — такъ отъ чужихъ вороговъ, якъ и отъ своихъ — невѣжей!... А не зря на всѣ тѣ

бѣдствія, она, мать наша, еще живетъ и призываетъ голосомъ Спасителя своихъ дѣтей: «Прійдите ко мнѣ вси труждающіи и обремененніи, и азъ упокою, утѣшу, приголублю васъ!» Тожъ не дивно, що голосъ ея звоновъ, русскому сердцу всегда милый...

Перегомонилъ звонъ колоколовъ, — а въ томъ выходитъ изъ дверей храма, съ крестомъ на передѣ, въ одѣянїяхъ священныхъ, — младшій клиръ въ стихаряхъ, щобы привести архіерея изъ его палаты въ храмъ. Крылошане сослужащїи, въ фелонахъ, остановившіися при входѣ въ церковь, ожидали архіерея. Одна часть народа движется за идущимъ младшимъ клиромъ по владыку, другая же ожидаетъ пришествія архіерея, уставляючись по-за братство церковное, со свѣщами въ порядку стоящее и творящее шпалирь. Наступаетъ тишина ожиданія. Только голосъ дѣдовъ-прошаконъ слышанъ: «Подайте ямужну святую,—подайте!» И уже асиста (сопроводъ) вошла въ палату, народъ окружаетъ крыльцо палаты — за нѣсколько хвиль является клиръ съ крестомъ на крыльцѣ. Народъ, увидѣвши то, тиснется къ крыльцу, — въ томъ ударяють во всѣ колоколы, — звонъ торжественный. За сопроводомъ выступаетъ на крыльцо ожидаемый возлюбленный архіерей Іоаннъ; одѣянный въ мантии, съ митрою на головѣ, съ патерицею и осіяльникомъ (крестомъ) въ руцѣ. Громкимъ пѣніемъ тропаря праздничного привѣтствуетъ его клиръ, — а народъ падаетъ на колѣна для принятія благословенія архіерейскаго. Дальшіи стоятъ на возахъ съ похилеными головами, матери подносятъ дѣтей до горы, щобы и тїи не были лишены благословенія архіерейскаго и щобы увидѣли отца-владыку — и то владыку Іоанна... Его милое, кроткое лице и тїи сердечныи синїи очи, промавляющїи любовью изъ души его къ дѣтямъ: «Оставьте дѣтей приходить ко мнѣ, и не браните имъ,» якоже и къ всему нимъ возлюбленному

народу русскому, которого онъ былъ задушевный другъ и отецъ...

Станувши на возвышенномъ крыльцѣ, благословилъ архіерей осіяльникомъ народъ, благоговѣнно корящійся. Якое усащливляющее чувство перенимало тогда каждого простолюдина, можно было только видѣти на лицахъ всѣхъ; многіи слезами радости изъявляли свое внутреннее блаженное волненіе. — «Такова имама архіерея!»

По благословеніи двинулся походъ къ церкви. Клиръ продолжалъ пѣніе тропаря, повтаряя его. Владыка, благословячи, поступалъ поважно, — народъ толпился около отца-владыки, якъ дѣти около любимаго отца. Многіи, окружающіи его, дотыкались съ вѣрою края его мантии, якъ кровоточивая жена края одежды Соасителя... И тутъ можно бы приноровити слова св. ап. Петра: «Наставниче, народы одержать Тя и гнѣтуть.»

Въ такомъ торжественномъ походѣ и одушевленномъ сопроводѣ народа сближается архіерей къ дверямъ храма, где его ожидаютъ крылошане въ праздничныхъ одѣяніяхъ. Звонъ колоколовъ умолкаетъ, — настаетъ волшебная тишина. Въ томъ отзывается голосъ діакона, кадящего благовоннымъ кадиломъ и привѣтствующаго архіерея словами: «Да благословитъ Тя Господь отъ Сіона и да узриши благая Іерусалима во вся дни живота твоего, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» Хоръ отвѣчаетъ: «Аминь» и восклицаетъ въ имени народа: «Вниди, вниди, архіерею, въ церковь — церковь свою — службу приноси Господеву» и пр., а архидресвитеръ вручаетъ епископу крошило для окропленія народа и церкви священою водою.

Двинувшись отъ дверей, весь клиръ, сопровождающій епископа, едва могъ черезъ толпу народа, гиснувшогося близъ архіерея, щобы хотя капли воды священной удостоитись отъ руки архіерейской, пе-

репхатись къ престолу. Пришедши наконецъ передъ царскій врата, стали діаконы по совершеніи обыкновенныхъ молитвъ одѣвати архіерея священными одеждами, — по чѣмъ началась торжественная архіерейская Служба Божая соборная. Хоръ, подъ дирекцію Винкентія Серсавы и Михаила Вербицкого, плѣнялъ всѣхъ своимъ звучнымъ и гармонійнымъ пѣніемъ и возбуждалъ чувства побожности въ сердцахъ соборныхъ вѣрныхъ, а хотя хоръ той уже не былъ такимъ, якимъ былъ за время Нанкого, то всегда еще исполнялъ свою задачу весьма хорошо и всѣ голоса, даже и дѣтскіи, были заступлены, — ибо епископъ старался о то, чтобы многолѣтняя слава первого въ Галичинѣ вокального хора удерживалась и не щадилъ издержекъ, где шло о величіе Церкви русской.

Послѣ чтенія Евангелія слѣдовала проповѣдь. Былъ тогда обычай, що въ тотъ храмовый праздникъ проповѣдали такъ въ навечеріе, якъ и въ самъ день праздника епископомъ завоззваны лучшіи проповѣдники изъ сосѣднихъ священниковъ, а то не для того, будто-бы межъ клиромъ кафедральнымъ не было хорошихъ проповѣдниковъ, ибо были въ то время даже отличающіися особеннымъ витійскимъ краснорѣчія даромъ, якъ именно крылошанинъ о. Анѳаль Витошинскій и профессоръ богочестія въ выдѣлѣ философскомъ о. Ома Полянскій, — но для отмѣны и возбужденія любопытности въ публицѣ, желающей услышати необыкновенного проповѣдника, яко же и для заохоченья духовенства епархіального къ вправѣ въ проповѣданіи слова Божого. И впрочемъ то было особенною честію для священника, удостоитись епископского завоззванія на праздничную проповѣдь въ церкви соборной. Въ томъ году проповѣдалъ въ навечеріе о. Антоній Добрянскій, деканъ и приходникъ изъ Валявы. Проповѣдали въ другихъ мѣстахъ: о. Теодоръ Левицкій, прих. въ Гусаковѣ, и о. Назаръ Са-

батовичъ, прих. въ Тарнавѣ. По тогдашнему обычаю, проповѣдано по польски. Тѣ проповѣди праздничныя пріобрѣли себѣ немалую славу, такъ що интеллигенція перемышльская польская, а даже лат. священники, приходили слухати нашихъ проповѣдниковъ.*)

Епископъ Іоаннъ, который любилъ о всемъ знати, а даже о мелочахъ, касающихся духовенства и обряда, радовался славою своего духовенства, — ибо думалъ онъ: якъ честь епископа и крылошанъ есть честію цѣлой епархіи, такъ и честь духовенства есть честію епископа. Все духовенство епархіи должно быти одною родиною, въ которой епископъ отцемъ, а всѣ священники между собою братьями, узомъ искренней любви братской соединенными. Честь всего ду-

*) Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ пріишло разъ слухати такой праздничной проповѣди лат. епископъ Захаряевичъ, а проповѣдалъ тогда о. Іоаннъ Гладышевскій. Пріишовши incognito по цивильному одѣтый въ ризницу, епископъ просилъ бывшего тамъ сотрудника, чтобы найшолъ ему мѣсто такое, откуда бы онъ могъ все видѣти и слышати, но чтобы его никто не видѣлъ: *Postaw mnie na takim miejscu, żebym ja wszystko widział i słyszał, a mnie nikt nie widział*. И тотъ избралъ ему мѣсто въ алтарѣ при боковыхъ дверяхъ за иконостасомъ. Понеже во время проповѣди весь дѣйствующій клиръ находился передъ иконостасомъ, то въ алтарѣ не было никого, и такъ его желаніе исполнилось. По оконченной проповѣди удалился епископъ Захаряевичъ изъ церкви, дѣлаячи передъ сопровождающимъ его сотрудникомъ свои примѣчанія о проповѣди, якъ обыкновенно, съ гуморомъ. А была проповѣдь о воспитаніи дѣтей и должностяхъ родителей, учителей и надзирателей, — и проповѣдникъ особенно разводился о несовѣстности надзирателей, — тожъ сказалъ епископъ, шутя: *Pewnie mi studenciarki musiały dobrze dojechać, kiedy na nich tak narzeka!* — Также и проповѣди о. Антонія Добрянскаго были такъ прославлены, що одинъ ему знакомый лат. священникъ, восхищенный его проповѣдію, ждалъ на него по окончаніи тойже при исходѣ изъ амвона и просилъ его усильно дати ему ту прехорошую проповѣдь написану, чтобы могъ нею воспользоватися.

ховенства есть общимъ сокровищемъ всѣхъ, тожь должны поодинокіи члены той же родины стараться удерживати и защищати честь своего епископа, крылошанъ и своихъ собратей и не понижати ихъ изъ-явленіемъ случайныхъ ихъ недостаточествъ, только покрывати ихъ покровомъ любви христіанской, по ученію св. Павла (I Кор. XIII): «Любы не мыслить зла, — любы вся покрываетъ,» а славити тѣхъ, которыи ученостью или другими хорошими свойствами отличились, ибо честь поодинокихъ членовъ переходитъ на цѣлое общество. Тожь сохраненіе чести епархіального духовенства — было задушевною заботою епископа Іоанна, ибо честь и уваженіе духовенства нашего русскаго у своихъ и чужихъ внушаетъ и почитаніе къ обряду и Церкви нашей русской. *)

По проповѣди продолжалось богослуженіе съ отвѣтною празднику торжественностью. Церковь была народомъ биткомъ набита, а немогущіи помѣститись въ храмъ, стояли на коридорахъ зданія капитульного, припирающихъ до церкви, и на площади церковной, также на дорожѣ, ведущей до церкви, а дальше на возахъ на площади школьной сидѣли дѣти съ матерями, — всѣ въ настроеніи побожномъ; не могучи умѣститись въ храмъ Господнемъ, то хотя духомъ присутствовали при богослуженіи.

Начавши отъ церкви, всѣ улицы и рынокъ ажъ по рѣку Сянъ были сплошно переполнены народомъ, творящимъ будто клинъ остроконечный, опирающійся о церковь Предтечеву, — цѣль стеченія праздничного народа, — а то все Русь и Русь, горнувшаяся къ матери своей, Церкви св. русскаго...

По окончаніи литургіи, архіерей возвращался прежнимъ порядкомъ въ сопроводѣ клира изъ церкви.

*) У латинянъ есть то головнымъ правиломъ, внушаемымъ воспитанникамъ семинаріи богословской, чтобы о своихъ священникахъ всегда добре говорили и недостатки ихъ покрывали, — чего они совѣстно держатся.

Хоръ пѣлъ «Многая лѣта.» Крылошане попрашали владыку при дверяхъ, а прочій клиръ сопровождалъ архіерея при отгмонѣ звона колоколовъ въ его палату. Народъ толпился около своего отца-владыки, а тотъ, приспѣвши къ дверямъ палаты, стануль на возвышенномъ крыльцѣ и удѣливши корящомуся народу послѣднее, по примѣру возносящогося Христа, благословеніе, ввійшолъ внутрь своей палаты. Богомольцы стали расходиться, — каждый съ озареннымъ отъ внутреннего блаженства лицомъ и съ чувствомъ, выражающимся въ словахъ Богопріимца Симеона: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко!»

Еще были слышны послѣдніи голоса дѣдовъ-прошаконъ, — но и тіи мало-помалу утихали... Передъ церковью стало рѣдѣти; крамари паковали свои крамы, а при кофейняхъ крѣпились отходящіи еще на дорогу чаемъ и кавою.

Около второго часа по полудни уже господствовала совершенная тишина; никого не было видно, только священниковъ сельскихъ, призванныхъ къ помощи приходскому клиру въ исполненіи требъ, идущихъ, при дружескихъ разговорахъ, въ палату владычюю на покрѣвленіе братскою трапезою, приготовленною щедротою гостепріимного архіерея.

Якъ пріятны были тѣ обѣды, где любимый отецъ-владыка со своимъ, его искренне любящимъ клиромъ, при одномъ столѣ засѣдалъ, его сердечно угощалъ, съ каждымъ радушно разговаривалъ, о его семейныхъ отношеніяхъ и господарствѣ развѣдовался, въ потребѣ совѣты давалъ и утѣшалъ, где разговоръ велся отъ сердца свободно, откровенно, якъ дѣтей съ любящимъ ихъ отцемъ, — тое можетъ только тотъ поняти, кто когда-нибудь удостоился быти участникомъ такихъ владычихъ пріемовъ и угощеній епископа Іоанна. — Поблагодаривши за покрѣвленіе тѣлесное и душевное гостепріимного хозяина-владыку, отходилъ

каждый изъ гостей въ свояси, съ чувствомъ въ сердцахъ: «Такова имамы архіерея!»

VI.

Стараніе епископа Іоанна, чтобы богослуженія въ соборной церкви совершались съ отвѣтнымъ нашему обряду велелѣвіемъ, не ограничалось только на нарочитыя праздники, но также ротягалось и на богослуженія въ Недѣли и другіи ежегодныя Праздники Церкви святой. Бывшіи передъ нимъ епископы меньше заботились о престольную церковь и ея богослуженія. По большой части они обитали въ Валявѣ и Страшевичахъ, чего свидѣтельствомъ есть находящаяся въ консисторіи книга: «*Liber ordinandorum ab anno 1723,*» т. е. рукоположеній въ пресвитеры, которое всегда, съ весьма малыми только изытїями, совершалось въ Валявѣ и Страшевичахъ. А епископы прїѣзжали въ Перемышль только въ нарочитыя праздники, ради совершенія архіерейскаго богослуженія. Въ церкви же каѳедральной, якъ миѣ розказывалъ о томъ самъ епископъ Іоаннъ, совершали богослуженія сотрудники и реколлектанты, и то не въ опредѣленныхъ часахъ, но когда кому было угодно, разъ скорше, а другій разъ позднѣйше, — и примѣтилъ, що то отсутствіе епископовъ отъ своей резиденціи много причинилось къ паденію нашего обряда. «Для того — заключилъ онъ — желалъ бы я, чтобы никто изъ моихъ наслѣдниковъ не обиталъ постоянно на селѣ, ибо то пагубно для нашего обряда и епархіи.»

Якъ всякая реформа изъ начала трудна, такъ и при введеніи порядочнаго богослуженія въ церкви каѳедральной встрѣчалъ епископъ Іоаннъ, — якъ миѣ розказывалъ, — наибольшую трудность въ томъ, чтобы привлечь крылошанъ къ совершенію за чергою

сѣванной Службы Божой въ Недѣли и Праздники, якоже и къ присутствованію ихъ въ сталяхъ во время Богослуженія. Наконецъ удалось епископу терпеливостію, постоянностію и своимъ примѣромъ сію трудность побѣдiti; — «терпѣніе и трудъ, все перетрутъ.» И съ того времени порядочно совершается св. Литургія сѣванная крылошанами въ Недѣли и Праздники до сихъ поръ. А понеже привычка есть второю природою, тожь они къ тому такъ привыкли, що теперь считаютъ то своею почетною привилегіею и не рады видятъ, чтобы священникъ, не надлежащій до круга крылошанъ, совершалъ всенародную св. Литургію въ Недѣли и Праздники въ церкви каѳедральной, — и то совсѣмъ справедливо. Съ того времени дается и теперѣшній порядокъ богослуженій повседневныхъ, который при содѣйствіи крылошанъ былъ уложенъ, а именно Вечерни, Повечерія, Полунощницы, Утрени и Часовъ въ дни будныи, недѣльные и праздничныи. На точное соблюденіе того же порядка надглядывалъ самъ епископъ Іоаннъ.*) По по-

*) Въ Недѣли и Праздники приходилъ епископъ правильно на Утревию передъ Евангеліемъ, по перечитаніи котораго ставалъ на читанію Службу Божую, оставался иногда по оконченной Утрени на Омиліи и приходилъ также часто на Вечерню. Въ будни же посылалъ часто своего камердинера, чтобы посмотрѣлъ, що дѣлается въ церкви и ему возвѣщалъ. Оно канцеляріи епископской, где всегда пребывалъ, выходило на церковь, тожь часто смотривалъ, що тамъ дѣется. И случалось неразъ, що обращало вниманіе епископа. И такъ однажды въ буддень перезвонили на Вечерню, а дверей церкви не отворили. И въ сей часъ, увидѣвши то епископъ, призвалъ своего камердинера и сказалъ: „Иди-но, Яцентый, и посмотри, що то значитъ? Перезвонили, а церковь затворена; чи Вечерня не отправляется?“ Однакоже Вечерня совершалась, только закрестіянъ забылъ отворити двери головныи, понеже тогда дачки института мѣстились въ зданіи капитульномъ и боковыми дверьми изъ коридора входили въ церковь. Другимъ разомъ, увидѣвши нѣсколько людей, отъ

вельнію епископа должны были парохъ, оба сотрудникъ, настоятель ризницы и пенитенціарій, т. е. все духовенство, należашое до душпастврства, присутствовати въ церкви во время Утрени, Службы Божой и Вечерни въ Недѣли и Праздники, — не смотря на чергу одного или другого. Черга была только для порядка, а быти въ церкви есть должностію душпастврскою каждого изъ нихъ, — говорилъ епископъ, —

долшого времени стоящихъ при входѣ зданія капитульного, онъ опять послалъ Яцентія, чтобы доведѣлся, чогу люди ожидаютъ. Возвратившійся Яцентій извѣстилъ, що принесено дитя къ крещенью, а никого не было изъ духовенства приходского дома, — за то наступилъ выговоръ. — Однажды снова увидѣлъ епископъ що дверникъ (фуртіанъ) Станиславъ несъ кое-що въ коновцѣ въ зданіе капитульное и примѣтилъ при обѣдѣ капеляну: „Що то тамъ Станиславъ несъ нынѣ въ коновцѣ изъ дома, — та чей не воду, коли тамъ есть студня!“ И дѣйствительно — не была то вода, только пиво для новопоставляемыхъ пресвитеровъ. — Контроля тая дѣлалась однакже съ такою вѣжностію, що уваженіе священниковъ не умалядось у слугъ епископскихъ такъ лакеевъ якъ и официалистовъ, ибо обращеніе епископа съ духовенствомъ было всегда такого рода, що внушало почитанье у слугъ его. Слѣдующій случай послужить къ утвержденію выше сказанного. Когда я вступилъ въ должность капеляна епископского, былъ тогда Плошовскій комисаремъ, а Кушикевичъ мандаторомъ его. Оба были уже вѣковыи, ровнотѣтніи съ епископомъ и сродники его, — а были они мнѣ знакомы еще изъ дѣтскихъ лѣтъ, которыхъ я почиталъ яко друзей моихъ родителей, съ которыми не разъ у нихъ я гостилъ. И случалось, когда я первый разъ въ моей должности явился на обѣдѣ у епископа, що и они оба были приглашены къ тому же. По молитвѣ я оставляю имъ, яко старшимъ вѣкомъ, высшіи мѣста, а самъ избираю послѣднее. Между тѣмъ показываетъ мнѣ съ серіозною миною епископъ первое мѣсто возлѣ себе и повелѣваетъ сѣдати, — и тѣмъ изъясвилъ, що у него священникъ, хотя молодой, больше значить, чѣмъ официалистъ, вѣкомъ старшій. Я повиновался, — но мнѣ ягось-то женадно было сидѣти высше отъ мужей, мнѣ изъ дѣтства особенное уваженіе внушавшихъ.

и каждый долженъ считаться, якъ бы былъ самъ на приходѣ и не выручатись никѣмъ. — Для того и я, бесплатно исполнявшій должность пенитенціарія, всегда присутствовалъ, по повелѣнью епископа, въ повышіи дни на Утрени и на Службѣ Божой, сидячи въ исповѣдницѣ, а на Вечерни въ низшихъ стальяхъ передъ иконостасомъ.

Особенное вниманіе обращалъ епископъ Іоаннъ на проповѣди во время Службы Божой въ Недѣли и Праздники, щобы слово Божье возвѣщалось хорошо и церкви кафедральной отвѣтно. Каждый изъ духовенства здѣшняго былъ обязанъ проповѣдати и епископъ самъ собственноручно вписывалъ въ книгу «Порядка проповѣдей» за чергою не только обоихъ сотрудниковъ, второго проповѣдника, настоятеля ризницы и пенитенціарія, но также духовника и префекта семинаріи, — а мѣста порожныи, оставленныи на большіи праздники, должны были заполнить крылошане собственноручною подписью. Изъ новорукположенныхъ пресвитеровъ могъ только тотъ проповѣдати, о которого талантъ проповѣдническомъ удосто-вѣрилъ епископъ изъ прежде провозвѣщенной Омиліи.

Также и на катехизацію было опредѣлено епископомъ время, а именно каждой Недѣли отъ 2 до 3 часа передъ Вечернею. Поже однаже, по обычаю здѣшнихъ прихожанъ, мало кто посылалъ дѣтей своихъ на катехизацію, кромѣ времени Великого Поста св. Четырдесятницы, который-то обычай происходилъ вѣроятно изъ временъ православія, яко предуготовленіе до ежегодной пасхальной исповѣди: то исполняли сотрудники или новопоставленныи пресвитеры сію должность тѣмъ способомъ, що обучали въ катехизмѣ дячковъ изъ Института, дополняячи тѣмъ науку богочестія, преподавану въ домашней школѣ институтской. Епископъ намѣрялъ тѣмъ способомъ притягнути и дѣтей мѣщанскихъ на тую науку, но не могучи преодолѣти закоренѣлую привычку, по-

старался о то, щобы дяки за особеннымъ вознаграженіемъ на Болоньи и Вильчѣ обучали дѣтей катехизма.

Также было обыкновеніемъ епископа Іоанна въ Недѣли и Праздники по Службѣ Божой спѣванной выходить изъ церкви черезъ ризницу (закрестію), где его нѣкоторые крылошане и весь низшій клиръ ожидали. Переходя туда, онъ любилъ каждому кое-что примѣтити; — и такъ проповѣдающему о его проповѣди, въ чемъ тая была похвальна, а въ чемъ было что недостаточно, — якъ на пр.: «Вы заповѣли много въ предисловіи, а послѣ мало было сказано,» — или «належало бы трохи голоснѣйше проповѣдати» и пр. Сотрудниковъ вопрошалъ, много ли было людей къ исповѣди. Префекту ризницы: «Лампа, висящая предъ иконостасомъ, изгасла; треба внимати, щобы всегда довольно было оливы,» — или «не приказалисьте дѣдамъ церковнымъ снѣгъ отъ дверей церкви вымести» и пр. Діакону: «За скоро читали вы Евангеліе, читати належитъ поволи, щобы люди могли porozумѣти.» Примѣчанія тѣ были обыкновенно кроткіи, — но иногда и строгіи.*)

*) Достался разъ и крылошанамъ выговоръ, и то за вино, употребляемое при Службѣ Божой, которое доставляти священникамъ есть должностію Собора крылошанъ. Для низшого клира побирали вино отъ еврея Арона Горника, обитавшого въ каменицѣ капитульной, и то на счетъ чинша, для себе же употребляли крылошане вино изъ своихъ пивницъ, а особенно для епископа давали изъ лучшого сорта. И случилось одинъ разъ, що закрестіянъ черезъ ошибку далъ епископу вино, назначенное для низшого клира. По совершенной Службѣ Божой, прійшовши епископъ въ ризницу, где были нѣкоторые крылошане, сталъ ихъ строго упрекать за плохое вино, при чемъ и менѣ, бывшему тогда капеляну, достался дома суровый выговоръ за недонесеніе о томъ злоупотребленіи. «Чому вы мнѣ не сказали, — рекъ епископъ при обѣдѣ съ гнѣвомъ, — о томъ плохомъ винѣ?! Называете то доносомъ,

IV.

При замѣщеніи важнѣйшихъ должностей въ душпастврствѣ обращалъ епископъ Іоаннъ особенное вниманіе на мѣстные обстоятельства и старался пріобрѣсти къ тѣмъ отвѣтныхъ людей. — И такъ канди-

но где идетъ о общее добро, тамъ не есть то подлый доносъ, только должность капелана, — бо если приступить кто изъ интеллигенціи къ причастію при такихъ обстоятельствахъ, то другій разъ того не схочетъ. Отъ сего времени будете давати вино изъ моей пивницы для низшого клира.“ Епископъ Іоаннъ любилъ обо всемъ знати, що дѣлается между духовенствомъ, о поведеніи и занятіи священниковъ, но употребленія офиціальнаго изъ того не дѣлалъ, только по отечески, иногда строго, а иногда и весьма деликатно увѣщевалъ, — якъ слѣдующій примѣръ докажетъ: Бывшій въ то время префектъ закрестіи, о. Константинъ Ганасевичъ, любилъ забавляться. Одного разу случилось, що прійшовъ къ нему вечеромъ Винкентій Серсави, директоръ хора кафедральнаго, и еще кто-то другій, и забавлялись игрою въ карты, пили чай и курили цигара въ глубокую ночь. Утромъ уже зналъ о томъ владыка. Послѣ полудня воззвалъ епископъ о. Константина къ себѣ. Тотъ уже зналъ, якое имѣетъ значеніе воззваніе епископа, впрочемъ и совѣсть ему уже казала, що то будетъ визитъ *ad audiendum verbum*. Прійшовшого въ комнату епископа, сталъ той же вопрошати его о дѣлахъ, относящихся церкви и ризницы, а при концѣ сей аудіенціи посмотрѣлъ епископъ значительно на него съ вопросомъ: „А вы обитаете подъ девятымъ числомъ?“ — Такъ, отвѣтилъ о. Константинъ. — „А такъ, подъ девятымъ, подъ девятымъ,“ повторилъ епископъ нѣсколькоократно, покивалъ головою и отпустилъ его. Тѣми нѣсколько словами оказалъ епископъ, що знаетъ обо всемъ, що дѣялось той ночи. Былъ то деликатный выговоръ, котораго дѣйствительность доказуетъ примѣчаніе, нѣсколько дней послѣ высказанное епископомъ при обѣдѣ къ капелану, при разговорѣ о расточительности: „Вотъ и Серсави уже цигара курить, а Ганасевичъ гербату пьетъ.“ А треба знати, що тогда цигара едва начинали употреблять, — а чай пити не было во-

даты на викаріевъ (сотрудниковъ) кафедральныхъ должны были представитись владыцѣ для узнанія о ихъ виѣшнемъ явленіи, послѣ каждый кандидатъ держалъ въ кафедральной церкви одну пробную проповѣдь. Самъ епископъ присутствовалъ при той проповѣди и не полагался лишь на самый свой судъ, но допрашивалъ и мнѣнія у крылошанъ. И еще не конецъ на томъ, ибо вопрошалъ онъ еще и слугъ своихъ, и возныхъ консисторскихъ: «Яцентый, или Михайле (возный), а що тамъ люди говорятъ о той проповѣди, чи подобалась имъ, чи чули добре голосъ про-

обще въ обыкновеніи, только въ дворахъ, тожъ означало то „лукусъ.“ О. Ганасевичу случалось частѣйше получить за различни мелочи выговоры епископскіи и онъ думалъ, що епископъ не есть ему приклонный, но то было ошибочно, якъ то явствуетъ изъ слѣдующаго: Въ то время сбилось первое поставленіе, стараніемъ епископа Іоанна, новоучрежденныхъ (декретомъ императора Фердинанда) русскихъ капеляновъ полковыхъ въ арміи австрійской. Епископъ избиралъ въ тѣ должности самыхъ отличнѣйшихъ священниковъ изъ своей епархіи, который своимъ поведеніемъ сдѣлали бы честь русскому духовенству въ службѣ полковой. Тожъ межи другими получилъ и о. Константинъ Ганасевичъ мѣсто капеляна полкового въ полку графа Мадухелли. Отходя изъ Перемышля на мѣсто своего званія, не розстался онъ еще съ убѣжденіемъ своимъ о неприклонности владыки къ нему. По многихъ же лѣтахъ, — уже по смерти епископа Снѣгурского, — былъ о. Константинъ опредѣленъ во Львовъ въ фельдсуперіоратъ яко секретарь, где, имѣя акты тогожъ подъ своимъ вѣдомствомъ, найшолъ и допись епископа Іоанна къ генеральной комендѣ, представляющую его яко вседостойнѣйшаго кандидата на то мѣсто и убѣдился о великодушїи и отцевской добротѣ владыки, отъ котораго толико разовъ былъ упрекнуть, а однакже удостоился такъ хорошей рекомендаціи. Допись сію взялъ онъ себѣ на памятку и показывалъ своимъ знакомымъ, со слезами воспоминаая пок. владыку, говоря: „Я думалъ, що онъ менѣ неприклонный, а тутъ такъ прехорошо выражается о моей личности! — То истинный отецъ-владыка!“

повѣдника, чи ровумѣли науку?» — И когда мѣнѣ всѣхъ верствъ были удовлетворительны, тогда тотъ кандидатъ былъ поставленъ сотрудникомъ кафедральнымъ.

Не только при поставленіи священниковъ въ должности при соборной церкви старался епископъ Іоаннъ избирати найспособнѣйшіи лица, но и на приходы важнѣйшіи, безъ всякаго лицепріятія, имѣя на цѣли только благо Церкви и народа русскаго.

Примѣръ того имѣемъ на замѣщеніи прихода Валявы, села, належащаго къ патронату епископа перемышльскаго. О тотъ опороженный приходъ въ 1838 году убѣгались многіи кандидаты, а межъ тѣми и сродникъ епископа, о. Иларіонъ Ильницкій, зять комисаря епископскаго, г-на Плошоваго. Хотя сей священникъ былъ весьма порядочнымъ душпаствремъ, то однакже желалъ епископъ имѣти возлѣ себе при своемъ боку священника больше ударованнаго, занимающагося литературою, хорошаго проповѣдника, котораго ученостію и даромъ проповѣдинчества могъ бы воспользоватись при случайности для добра Церкви и народа, а при посѣщеніи Валявы имѣти съ кѣмъ поговорити о дѣлахъ общихъ, касающихся епархіи и народа, — а тѣмъ былъ о. Антоній Добрянскій. Не смотря на усиленные прошенія крылошанъ, вступающихъ за его сродникомъ о. Иларіономъ, стоялъ епископъ непоколебимо по сторонѣ своего избранника и поставилъ его приходникомъ въ Валявѣ. Четырехдесятилѣтнее душпастврство въ приходѣ Валявскомъ сего, для Церкви, народа и литературы русскаго заслуженнаго мужа, есть неопровержимымъ доказомъ, що выборъ его на тотъ приходъ епископомъ Іоанномъ былъ весьма счастливый.

Подобный примѣръ такой старательности случился и во время моего капелянства при епископѣ Іоаннѣ на замѣщеніи прихода въ городѣ Самборѣ. Самборъ, когда-то престольный городъ епископскій, теперь мѣстопробываніе ц. к. староства, суда окруж-

ного, команды корпусной воинской, школы гимназіальной и нормальной и латинского, богато дотованого приходника, былъ и есть для русскаго душпаствытва весьма важною мѣстностію. Однакоже, къ солѣнію, въ то время русскій приходъ тамошній совсѣмъ не отвѣчалъ тѣмъ обстоятельствамъ. Церковь*) бо находилась въ весьма пужденномъ состояніи. Неопрятность и нехарность падала каждому при входѣ въ церковь въ очи; на поврежденномъ цегольномъ полу полно дѣръ, изъ потолченныхъ и вытертыхъ цеголь поосѣдала по стѣнахъ и престолахъ рижая пыль, скамьи поломаны, — однимъ словомъ: совершенное запусѣніе... Ризы церковныя изодраны были такъ, що только одинъ старый фелонъ употреблялся въ будни и Праздники, — служебникъ поврежденъ такъ, що картки одни другихъ не держались, — престолъ головный въ латинской формѣ, безъ иконостаса, обветшалый и споловѣлый... Шо при такихъ обстоятельствахъ мало кто посѣщаль богослуженія изъ интеллигенціи, то само собою розумѣется.

Въ такомъ жалкомъ состояніи оставилъ бывшій приходникъ, дряхлый, около 80-лѣтній старикъ, о. Автономъ Реваковичъ, упокоившійся въ 1846 году, сей приходъ и церковь, — якоже вѣроятно и въ немого лучшомъ состоянію онъ тое засталъ при своемъ пришествіи въ сей приходъ. Изъ той причины не можно было винити старика въ запусѣніи сего прихода, а то тѣмъ меньше, шо то дѣялось во временахъ общаго паденія духа и отъ того происходящого равнодушія къ обряду въ нашемъ духовенствѣ, являвшогося тогда не только въ Самборѣ, но и въ другихъ приходахъ, особенно городскихъ, не изыавши даже и нашихъ церквей престольныхъ: во Львовѣ и Перемышлѣ.

*) Церковь Самборская построена Ілією Комарницкимъ въ 1738 г. на фундаментахъ старой, изъ твердаго матеріала, съ однимъ куполомъ.

Вѣдалъ о томъ всемъ епископъ Іоаннъ и чувствовалъ то бѣдствіе. Но трудно было въ одной хвилѣ закоренѣлое зло исправить, — тожь глядалъ онъ мужей одушевленныхъ и съ сильною любовью къ своему обряду, и крѣпкого характера, щобы мало-помалу посредствомъ тѣхъ-же пришедшій (особенно по городахъ) до крайняго упадка нашъ обрядъ отъ совершенной гибели спасти и уваженіе клира русскаго поднести.

На приходъ Самборскій треба было такого мужа, который былъ бы въ состояніи ввести ладъ въ церкви и парохіи, якоже и высвободиться изъ оуѣвки латинскаго пробоща, каноника Едлинскаго, и хоть бы въ части съ нимъ сдѣлаться равнымъ.

Кандидатовъ на сей приходъ было три, а именно: о. Николай Шведицкій, деканъ Комарнянскій, прих. въ Загорью, по немъ слѣдовалъ о. Василій Товарницкій, деканъ Самборскій, прих. въ Старойсоли, и о. Іосифъ Лаврецкій, приходникъ Броницы, воин. капелянъ полковый въ Оломуцѣ.

Епископъ Іоаннъ не переставалъ на одномъ совѣтѣ крылошанъ, но, по своему обыкновенію, вопрошалъ и сосѣднихъ священниковъ, который изъ тѣхъ кандидатовъ былъ бы наибольше способный на тотъ приходъ. — Также хотѣлъ онъ знати и мнѣніе мѣщанъ, и интеллигенціи Самборской, и для той цѣли выслалъ мене въ Самборъ изъ Страшевичъ (где на тотъ часъ пребывалъ) въ тайной мисіи. Тайна моей мисіи покрывалась тѣмъ, що въ то время былъ въ Самборѣ мой братъ, о. Антоній, капеляномъ полковымъ, тожь я могъ, подъ предлогомъ посѣщенія моего брата, не изъявляя моего намѣренія, услышати свободное мнѣніе тамошнихъ прихожанъ.

Результатъ моего розыскиванія былъ тотъ, що всѣ голоса интеллигенціи и мѣщанъ были за о. Іосифомъ Лаврецкимъ. — О. Николаю Шведицкому, яко 65-лѣтнему старику, были всѣ противны. О. Василій

Товарницкій и о. Іосифъ Лаврецкій были, съ малымъ различіемъ, ровесники въ лѣтахъ жизни и священства. Хотя о. Товарницкій былъ весьма порядочнымъ и даже ревнымъ душпаствремъ и презентовался на виѣ хорошо, при томъ, имѣя каменицу въ Самборѣ, былъ зажиточнымъ: то однакоже мнѣнія всѣхъ были по сторонѣ о. Лаврецкаго, и то изъ многихъ немало-важныхъ причинъ. Онъ бо въ нѣсколькихъ лѣтахъ своего пребыванія въ Броницѣ приобрѣлъ собѣ славу у публики въ дальшихъ кругахъ. Послужило ему къ тому знаніе гомеопатіи, которая тогда въ Галичинѣ была еще мало извѣстна. Онъ учился ея, якъ розказывано, у самого изобрѣтателя того рода лѣченія, славнаго Ганемана, а практику лѣкарскую имѣлъ онъ въ войсковомъ госпиталѣ въ Оломуцѣ. По нѣскольکو счастливыхъ лѣченіяхъ въ Броницѣ и Самборѣ рознеслась слава его въ далекии стороны такъ, що больныи изъ розличнаго сословія приходили къ нему изъ всѣхъ сторонъ въ такъ великомъ множествѣ, що неразъ больныи принуждены были долшоє время ждати, закѣмъ пришла черга на нихъ на консультацію лѣкарскую. При той славѣ лѣкарской приобрѣлъ онъ собѣ еще и уваженіе у интеллигенціи ловкостію въ нѣмецкомъ языкѣ, якоже и знаніемъ французскаго, италянскаго и великорусскаго языковъ, а своимъ общественнымъ образованіемъ и обращеніемъ мужа свѣтоваго импонувалъ онъ помѣщикамъ и чиновникамъ. Духовенству же русскому внушалъ онъ особенное почитаніе къ своей личности точнымъ знаніемъ обряда восточнаго и пѣнія Ирмологіона, якоже и хорошимъ вѣдѣніемъ богословія. Также наружность его яко-бы воинская, импонуяча, и рѣшительность во всѣхъ дѣйствіяхъ, надавала ему якую-то въ очахъ людей высшую знаменитость. Практика лѣкарская принесла ему кромѣ славы также и хорошее имѣніе, которое дѣлало его независимымъ и ставляло на-ровнѣ съ латинскимъ

пробошемъ Самборскимъ, богато дотованнымъ приходомъ пользующимся.

Изъ тѣхъ отже причинъ были всѣ голоса интеллигенціи, духовенства и мѣщанъ русскихъ въ Самборѣ за о. Іосифомъ Лаврецкимъ, — его только признано вообще за способного, щобы сей несчастный приходъ и церковь въ порядокъ привести, якоже и значеніе, и достоинство приходского тамошняго русскаго духовенства поднести и съ-подъ опѣки лат. пробоща Едлинскаго освободити.

По нѣсколько дняхъ моего пребыванія въ Самборѣ, возвратившись въ Страшевичи, засталъ я у епископа Іоанна о. Василя Товарницкаго въ дѣлѣ его кандидатуры на Самборѣ. Хотя епископъ его, яко своего сродника, любилъ, а яко весьма порядочнаго священника почиталъ, то однакже добро церкви и обряда полагалъ онъ выше всего.

По отъѣздѣ о. Товарницкаго, высказалъ я епископу мои наблюденія, а онъ, узнавши и отъ другихъ такое самое мнѣніе въ пользу о. Іосифа Лаврецкаго, рѣшился дати ему сей приходъ, хотя архипресвитеръ о. Іоаннъ Селецкій и архидіаконъ о. Ѳома Полянскій всѣми силами старались перемѣнити епископа на сторону о. Товарницкаго. Но воля епископа Іоанна побѣдила, — и хотя онъ не дожилъ видѣти о. Лаврецкаго приходникомъ въ Самборѣ, то послѣ однакже ожиданіе его совершенно исполнилось, ибо приходъ Самборскій въ недалгомъ времени поднесся отъ паденія и уваженіе русскаго приходника сровнилось, если не перевышило, латинскаго.

При той случайности хочу воспомнути еще о городѣ Ярославлѣ, въ которомъ приходъ русскій, находящійся въ крайнемъ запустѣніи, еще хуже Самбора, былъ заботою епископа Сиѣгурскаго отъ паденія спасенъ и до порядка приведенъ такъ, що теперъ перевышаетъ и Самборѣ. А то событіе есть тѣмъ важнѣйшее по той причинѣ, що городъ Я-

рославъ есть послѣдній въ западной Галичинѣ, где находится церковь русская, ибо, хотя по селамъ церкви русскіи по Решовъ, а на южномъ западѣ по Шаввицу сягають, то однакже въ городкахъ и городахъ, кромѣ Кракова, нигде церквей русскихъ не узрите... Кажется, що приходъ Ярославскій основанъ около 1234 г.—Церковь приходская находилась первоначально на передмѣстьѣ Краковскомъ. Часть той церкви стоитъ еще на кладбищѣ яко часовня. Станиславъ Конецпольскій, владѣлецъ части Ярославля, далъ братству церковному 1675 г. позволеніе на постройку церкви на площади замка, на опредѣленномъ къ тому 1688 г. Марією Казимірою, королевою, мѣсть. Въ 1716 году начало братство, подъ предсѣдательствомъ старѣйшины своего Андрея Манковича, постройку церкви, которую тое же однакже изъ причины различныхъ препятствій и неблагопріятныхъ временъ принуждено было застановити. При появленіи лучшихъ временъ окончилъ въ 1746 году начатую постройку церкви своими издержками мѣщанинъ и купецъ ярославскій, Илія Вапинскій, со своею женою Пелагією*), — и сложилъ въ 1758 г. 8.000 зол. польскихъ яко фондъ на содержаніе, кромѣ приходника, еще трехъ священниковъ, щобы тіиже въ Недѣли и Праздники богослуженіе совершали, слово Божье проповѣдали и дѣтей катехизма обучали.

*) О семьи Вапинскихъ розказуетъ преданіе, що ихъ родоначальникъ прійшовъ въ Ярославъ изъ Лемковщины и продавалъ, яко простой Лемко, сливки и орѣхи изъ Угорщины, а послѣ и виноградъ; и сею мелочною продажію пріобрѣлъ онъ себѣ хорошій маєточокъ. Его уже сыны стали торговати виномъ, заложили воскобойню и купеческую лавку, покупили дома и сдѣлались зажиточными гражданами Ярославля, пріодѣлись въ контуши и приходили въ сношенія съ помѣщиками польскими, а даже съ князями Чарторыскими, владѣльцами Ярославля,—при томъ всемъ остались всегда своему русскому обряду вѣрными.

Построилъ онъ также домъ, въ одинъ оверхъ высокій, на жилище для приходника и трехъ священниковъ, по одной келии для каждого. — И такъ стала новая городская церковь, зданіе хорошее, съ однимъ куполомъ, даховкою покрытое, внутрь хорошо устроенное и богатыми утварями и одеждами священническими снабженное, съ обиталищемъ, для приходского духовенства отвѣтнымъ. — На содержаніе церкви и судовъ церковныхъ, на вино, свѣчи и прочіи потребности, якоже и на услугу, опредѣлилъ ктиторъ Илія Ващинскій 4.000 зол. поль. и поставилъ братству въ обязанность удерживати порядокъ въ церкви.

Якъ долго братство сію должнотъ исполняло и старалось о благосостояніи церкви, — не извѣстно, то только извѣстно, що въ 1838 г. приходство и церковь находились въ совершенномъ запустѣніи. Крыша церковная повреждена, при слотѣ лилось въ церковь такъ, що треба было цебриками вычерпывати воду, а черезъ то закралась волхвость, повреждающая стѣны и вещи. Изъ той причины и прихожане мало посѣщали церковь, расходились по костеламъ, привыкали до латинского богослуженія и переходили въ латинство. Деревянная колокольня ободрана, — великій колоколь розбитый. — Не въ лучшемъ состояніи находилось и обиталище приходское.

Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо было поставити приходскимъ священникомъ мужа, полного энергіи, оборотного, росторопного, любящего порядокъ и свой обрядъ. Старательный о благо церкви и вѣрныхъ своихъ чадъ русскихъ епископъ Іоаннъ и знающій свой клиръ, призналъ найспособѣйшимъ на тотъ приходъ о. Іоанна Гладышовскаго, приходника въ Тепличахъ, — и не обманулся.

О. Іоаннъ Гладышовскій — былъ то мужъ, тогда середнихъ лѣтъ (45 лѣтъ отъ рода), хорошей наружности, поважный, всегда порядно одѣтый, въ сожитіи товаришескій, въ компаніи вѣжливый и гладкій,

дома гостепріимный, а въ сношеніи со сторонами соблюдающій такъ. Жена его хозяйственная, любящая опрятность и всегда чисто одѣянная. Обое знали скоро привыривитись къ жизни городской.

Переселившись въ 1838 году въ Ярославъ изъ Тепличъ, сталъ о. Іоаннъ въ томъ до неимовѣрности разоренномъ приходѣ дѣлать порядокъ. И передъ всѣмъ, чтобы имѣти где голову приклонити, якъ о томъ самъ пишетъ въ Кроницѣ приходской, предпринялъ онъ починку дома приходского, построенного на одинъ поверхъ. Никто изъ старшихъ людей не запомнѣлъ, чтобы когда-нибудь предпринята была якая поправка сего зданія. Изъ многихъ комнатъ только двѣ на поверсѣ для приходника и двѣ на долѣ для сотрудника были въ жилище употреблены, а прочіи совершенно запущены. Изъ тѣхъ-то запущенныхъ и на складъ дерева и рухляди обращенныхъ комнатъ перестроилъ о. Іоаннъ хорошіи салоники и гостиной, канцелярію приходскую и пр. для пароха, а на поверсѣ два обиталища съ двома комнатами и кухнями для двухъ сотрудниковъ и еще одну квартиру съ двома комнатами для отданія въ наймы. По оконченіи реставраціи обиталища, приступилъ онъ къ исправленію и обновленію сильно поврежденной церкви. Здѣсь однакоже наткнулъ онъ на многіи трудности. На прошеніе о. Іоанна, предложенное магистрату городскому, яко патрону, о пособіе на починку церкви, асигновалъ тойже 40 гульденовъ м. к. на то дѣло. За такую малую суму грошей не можно было ничего другого сдѣлать, якъ для сохраненія свода церковного и стѣнъ пошити крышу — соломою. Не могучи отъ непреклонного русской церкви магистрата пріобрѣсти большого пособія, удался о. Іоаннъ до архикнязя Фердинанда Эсте, губернатора Галиціи, переѣздизшого случайно черезъ Ярославъ, съ прошеніемъ устнымъ и письменнымъ о помощь въ дѣлѣ реставраціи церкви. Прошеніе то было вѣчно хо-

рошимъ успѣхомъ, ибо архикнязь, видя такъ хорошее зданіе покрытое соломою, приказалъ магистрату предприняти немедленно совершенную реставрацію церкви, на которую асигновано 1914 гульденовъ м. к., — и тѣмъ способомъ церковь была внутри обновлена, гонтомъ покрыта и по возможности въ порядокъ приведена, такъ що прихожане русскіи не потребовали расходиться на богослуженія по костелахъ, имѣя свою церковь, трудомъ и старательностію своего, о славу Бога и добро вѣрныхъ ревного душпаствра, изъ вѣи и внутри обновленную. Такъ то «терпѣніе и трудъ — все перетрутъ.» Неутомимый въ дѣлѣ улучшенія состоянія прихода о. Іоаннъ постарался и о подвышеніе дотации приходника Ярославскаго на 500 гульд. м. к., снискавши собѣ гостепріимствомъ и тактомъ приклонность вліятельныхъ правительственныхъ лицъ; хотя то былъ только личный додатокъ, то остался всегда прецеденсъ, которымъ могли воспользоваться его наслѣдники.

Начавши отъ о. Іоанна Гладышовскаго, имѣлъ приходъ Ярославскій счастье, замѣщенъ быти ревными и дѣятельными душпастврами, ибо по кончинѣ его, наступившей въ 1856 году, слѣдовалъ по немъ о. Феодоръ Левицкій, котораго заботою церковь бляхою цинковою покрыта, многими новыми одеждами священными снабдено и колоколь великій лощеный перелито. По его смерти въ 1878 году перенялъ сей приходъ о. Іоаннъ Санчиць, котораго стараніемъ церковь внутри вымалѣвана, новымъ иконостасомъ снабжена и капица (часовня) на кладбищѣ реставрована и внутри помалѣвана была. По короткомъ, но успѣшномъ управленіи симъ приходомъ, упокоился сей, еще молодой, дѣятельный священникъ въ 1883 г., а по немъ вступилъ въ сей приходъ о. Іоаннъ Хотынецкій, котораго первымъ дѣломъ было: построеніе новой, мурованной колокольни, на мѣсто старой, деревянной.

Теперь заботится тотъ же ревный душпастьрь о розширеніе церкви, которую при вступленіи о. Іоанна Гладышовского въ сей приходъ мало кто посѣщаль и которая теперь такъ своею красотою всѣхъ прихожанъ, простолюдиновъ и интеллигенцію такъ сильно привлекаетъ, що не могутъ въ ней помѣститься. Изъ того сѣдуетъ, якъ великоевліяніе имѣютъ ревный и совѣстный вясщенники на улучшеніе прихода,—изъ тѣхъ однако всѣхъ высокопочтенныхъ и дѣятельныхъ приходниковъ ярославскихъ большая честь и заслуга належится о. Іоанну Гладышовскому, яко первому, давшему инициативу для исправленія сего запущенного прихода, и епископу Іоанну Свѣгурскому, поставившему его приходникомъ.

Но тѣмъ повыше сказаннымъ не кончилась забота епископа Іоанна о благо Церкви своей. Онъ видѣлъ еще потребу умноженія силъ священническихъ при Соборѣ крылошанъ и при душпастьрствѣ каѳедральномъ. Въ той цѣли онъ учредилъ еще одно достоинство крылошанское, а именно канцлера капитульного. Яко фондъ къ тому опредѣлилъ онъ свою типографію, которую подарилъ Собору крылошанъ подъ условіемъ, чтобы изъ доходовъ той же составился съ временемъ капиталъ, изъ котораго отсотковъ поставленный крылошанинъ могъ бы получать жалованье 800 зр. м. к., или 840 зр. а. в. ежегодно.

Для умноженія клира душпастьрскаго при церкви каѳедральной учредилъ онъ въ своемъ завѣщаніи три мѣста для низшого клира, а именно опредѣлилъ для исполняющаго должность второго проповѣдника 300 зол. м. к., префекта закрестіи (настоятеля ризницы) и пенитенціарія (исповѣдника) по 250 зр. м. к. жалованья.

Во время же своей жизни старался онъ тотъ недостатокъ клира покрыти тѣмъ, що удерживалъ на свой счетъ настоятеля ризницы, пенитенціаріемъ же поставлялъ обыкновенно своего капеляна, а проповѣдникомъ вторымъ былъ въ послѣднее время о. Оома

Полянский, профессор богочестія при заведеніи философическомъ*), — и за то получалъ онъ свободное

*) Якія трудности были при поставленіи о. Ѳомы Полянского въ должность профессора богочестія, на лицей въ Перемышля и явствуетъ изъ слѣдующаго: Въ началѣ 1846 г. упокоился профессоръ богочестія при здѣшнемъ заведеніи философическомъ, о. Игнатій Кубаевичъ, почетный крылошанинъ, священникъ русскій. И сейчасъ по смерти его стали латинскіи священники ходити коло того дѣла и убѣгаться о суплентуру религіи, посылая знаменитыхъ лицъ и высокопоставленныхъ достойниковъ съ протекціею къ епископу Снѣгурскому, яко директору сего заведенія. И уже ходили слухи, що тотъ и тотъ лат. священникъ имѣть приреченіе на суплентуру. Однакже епископъ, не внимая на протекцію, опредѣлялъ своего священника о. Ѳ. Полянского въ ту должность. Обманутый же въ надеждѣ своей лат. клиръ старался всякими хитрыми способами приобрѣсти то мѣсто для своего священника. Къ тому послужило латинянамъ то обстоятельство, що въ тогдашнихъ временахъ залежало обсаженъе дѣйствительнаго профессора религіи отъ латинской консисторіи, въ которой власти было: опредѣляти день на испытъ конкурсовый, давати вопросы, дѣлати пропозицію кандидатомъ и предлагати тую-же найвысшей инстанціи, — номинація же залежала отъ самого императора. Тожъ подставили они своего кандидата, докторанда богословія, пребывавшаго въ Вѣднѣ во Фринтанеумъ, кс. Іоанна Староневича. И хотя испытъ о. Ѳ. Полянского признали профессору университета о много лучшимъ отъ его контръ-кандидата, то, не смотря на то, лат. консисторія, предлагая пропозицію Его Величеству Императору, положила своего кандидата на первомъ, а о. Ѳ. Полянского на второмъ мѣстѣ, съ примѣчаніемъ: „Der katholische Glaube des Kandidaten ist zweifelhaft.“ Дознавшись о томъ епископъ Снѣгурскій отъ вице-президента галицкой губерніи гр. Лажанского, написалъ, чтобы устранить тотъ коварный поступокъ, сейчасъ собственноручное письмо къ его Величеству императору Фердинанду, — и благій монархъ выслушалъ голосъ епископа, ибо къ удивленію всѣхъ прійшла номинація на дѣйствительнаго профессора о. Ѳомѣ Полянскому, — чѣмъ епископъ и всѣ Русины неимоверно возрадовались. — Такъ защищалъ старательный епископъ Іоаннъ свой клиръ предъ коварствомъ недоброжелателей его.

жилище въ зданіи капитульномъ, — якоже и тѣмъ, що устроивалъ рукополаганіе новыхъ пресвитеровъ, такъ що, когда одни изъ пресвитеріи отходили, другіи слѣдовали, — а тѣмъ дополнялся также передъ учрежденіемъ семинаріи и недостатокъ питомцевъ при торжественныхъ архіерейскихъ Богослуженіяхъ.

И воистину, удивительна то предусмотрительность сего неогнненнаго владыки, являющаяся въ умноженіи клира кафедральнаго душпастьрскаго, — якъ-бы онъ предвидѣлъ духомъ ту необходимую потребу того же въ будущности, и то предвидѣлъ въ то время, когда никому и черезъ умъ не перешло, чтобы когда-нибудь было потребно больше священниковъ, ибо тогда всѣ катехитурѣ были подѣ въдомствомъ латинскихъ консисторій, тожь и замѣщались они латинскимъ клиромъ, а Русины къ тому такъ привыкли, що и претенсій не имѣли до тѣхъ должностей.... И якая же то была потреба больше священниковъ русскихъ? подумалъ собѣ каждый: двоухъ сотрудниковъ кафедральныхъ для здѣшняго прихода было достаточно, такъ що одинъ изъ нихъ могъ еще заниматься директорію типографіи капитульной, а второй институтомъ дяковъ, — и еще оставалось имъ довольно времени къ развлеченію... Такъ може думалъ не одинъ тогда, — а однакже теперь каждому ясно, що та предусмотрительность не была безосновательна, на теперѣшнее же время даше необходима, когда при умноженіи мѣстныхъ школъ безъ той благодѣтельной фундаціи не было бы кѣмъ замѣстити законоучительскихъ должностей при многихъ школахъ мужескихъ и женскихъ въ городѣ и на передмѣстьи, при частныхъ пансіонахъ и охоронкахъ въ Перемышлѣ.

Такое непонятное предчувствіе потребности умноженія духовенства кафедральнаго могли сему великому мужу внушити единственно только сердечная и искренняя любовь къ русской Церкви и народности.

VII.

Всѣ майже фундаціи въ пользу Собора крылошанъ и церкви кафедральной, якоже и на цѣли благотѣльные, подѣланы клиромъ русскимъ и самымъ епископомъ (находящимся теперь подъ управленіемъ Собора крылошанъ), происходятъ изъ временъ правленія епархіею Перемышльскою епископомъ Іоанномъ Сѣвгурскимъ. Изъ того факта заключати подобаетъ, що того-же великого мужа сейчасъ по вступленіи его на престолъ владычій первою гадкою и задушевнымъ желаніемъ было поднесеніе поваги и достоинства русскаго клира въ обществѣ. А то могло дѣяться именновы черезъ улучшеніе добробыта духовенства. Наибольшою бо причиною пониженія русскаго духовенства было убожество, въ которое тое же за временъ старой Польши было погружено... Духовенство убогое и по тому поводу недостаточно образованное возбуждаетъ презрѣніе и бываетъ понижено, — а съ пониженіемъ духовенства понижается Церковь, въра и обрядъ... Въ такомъ жалкомъ состояніи пришла наша Галицкая Русь подъ владѣніе Австріи. Духовенство русское убогое и необразованное, хотя съ Церковью католическою соединенное, не могло сровниваться съ образованнымъ и богатымъ духовенствомъ латинскимъ. Тая такъ разительная противоположность обратила вниманіе незабвенныхъ владѣтелей: императрицы Маріи Тересіи и импер. Іосифа I, которые, принявши русское духовенство въ свое могущественное покровительство, дали тому-же равное съ латинскимъ просвѣщеніе и лучшее содержаніе, нежели имѣло оно подъ владѣніемъ Польши, а тѣмъ поднеслось по части значеніе и уваженіе нашего клира. Ровный образованіемъ клиръ русскій оставался однакже всегда еще въ матеріальномъ отношеніи по-заду за богато дотованнымъ латинскимъ, особенно же высшій клиръ,

т. е. крылошане капитульны. Крылошане Собора представляют на виѣ клиръ епархіальной, для того и ихъ явленіе передъ свѣтомъ должно быти статное, отвѣтное ихъ достоинству, а того при нищетѣ достигнути невозможно. Перемышльскіи крылошане, кромѣ каменицы «подъ Провидѣніемъ,» созданной складками духовенства епархіального на площади, лежащей когда-то къ церкви св. Іоанна Крестителя, — кромѣ грунтовъ парохіальныхъ и нѣкоторыхъ незначительныхъ капиталовъ, якоже и жалованья по 800 зр. м. к. для трехъ найстаршихъ, т. е. архипресвитера, архидіакона и кустоса, а для двухъ, т. е. канцлера и пароха, по 600 зр. м. к., для проповѣдника же 500 зр. м. к., — не имѣли ничего больше. При такъ недостаточной дотации явленіе ихъ виѣшнее не могло быти блистательнымъ. Понималъ то хорошо старательный о добро и достоинство своего клира епископъ Сѣвгурскій, для того не только самъ щадилъ, собирая капиталы на дотацию Собора крылошанъ и на украшеніе церкви престольной, но вліялъ также и на другихъ зажиточныхъ священниковъ къ завѣщанію своихъ сбереженій на общепользны русскіи цѣли. И дѣйствительно, послѣдствія такихъ вліяній не были безплодны, ибо за время его правленія епархією наибольше такихъ фундацій встрѣчаемъ.

Первая изъ тѣхъ фундацій сдѣлана крылошаниномъ о. Іоанномъ Могильницкимъ, завѣщавшимъ Собору крылошанъ каменицу въ рынку ч. 2, безсомнѣнно въ слѣдствіе вліянія епископскаго. Хотя ближайшихъ извѣстій о томъ не достааетъ, то однакъже позднѣйшіи дѣйствія епископа въ томъ отношеніи велятъ заключати, що та фундація не дѣлалась безъ его вліянія.

Що фундація крылошанина о. Іоанна Лавровскаго, подарившаго Собору крылошанъ три помѣстья: Лупковъ, Смольникъ и Волю Мигову, сбылась за вліяніемъ епископа Сѣвгурскаго, то не под-

лежить ніякому сумнію — а доказательствомъ того есть фактъ, що, когда крылошане отказывались ввести въ дѣйствіе во время жизни о. крыл. Лавровскаго замѣщеніе учрежденной нимъ должности схоліарха изъ-за недостатка доходовъ сихъ помѣстій на жалованье 800 зр. м. к., то епископъ Іоаннъ просилъ ихъ сдѣлать то ради фундатора и доложить недостающее изъ другого фонда, чтобы той же видѣлъ фундацію свою въ жизнь введенную. Хотя помянутыя помѣстья, лежащія въ глубокихъ горахъ на границѣ угорской, изъ начала приносили крылошанамъ весьма незначительный доходъ, то теперь, отъ времени построения желѣзной дороги черезъ Лупковъ, приобрѣли хорошую цѣну.

При вліяніяхъ однакоже своихъ на фундаторовъ оставлялъ епископъ Іоаннъ всегда имъ свободную волю и уважалъ ихъ желанія. Доказательствомъ того есть фундація о. Матвѣя Добрянскаго, сдѣлана за вліяніемъ епископа Свѣгурскаго.

Довѣдавшись епископъ, що о. Матвѣй Добрянскій, пенсіонованный священникъ, имѣетъ хорошій капиталъ, въ заемъ данный гр. Мнишку изъ Крисовичъ и интабулованный на его помѣстьяхъ, а зная, що о. Матвѣй бездѣтный вдовецъ и тѣмъ способомъ могъ бы попасти сей капиталъ въ чужіи руки: старался онъ приобрести той же для цѣлей русскихъ благодѣтельныхъ. Узнавши дальше, що графъ Мнишекъ принялъ о. Матвѣя Добрянскаго до своего двора въ Крисовичахъ подъ титуломъ домашняго капеляна, онъ подозрѣвалъ, не намѣряетъ ли той же помѣщикъ по смерти старика, не имѣющаго ніякихъ наслѣдниковъ, выкористати въ заемъ данный ему капиталъ. А то подозрѣніе не было безосновательнымъ. Желая вліати на старика, доводывался епископъ о его обстоятельствахъ: съ кѣмъ онъ живетъ и сообщается. А узнавши, що официалисты графа Мнишка стерегутъ старика и не допускаютъ никого, чтобы съ нимъ сходился и на него вліялъ, завоззвалъ епископъ сосѣд-

няго Крисовичамъ священника о. Теодора Левицкого, завѣдателя парохіи Радиничи, молодого, съ правымъ и твердымъ характеромъ мужа, препоручая ему въ наибольшей тайнѣ, вліати на старика, чтобы той свои сбереженны капиталы пожертвовалъ на цѣли благодѣтельныя для народа русскаго. Охотно принялъ на себе сіе патріотическое дѣйствіе о. Теодоръ, порученное ему владыкою, всѣми возлюбленнымъ, радуясь положеннымъ въ него довѣріемъ такъ высокопоставленнаго лица. Якъ горяча была любовь и искренняя преданность духовенства для отца-владыки Іоанна, можно убѣдиться изъ того, що сей молодой священникъ, не внимая на опасность, грозящую его особѣ, чтобы не прогнѣвати графа Станислава Мнишка, патрона Радиничъ, и не потерять надежду на презенту, выше своей корысти цѣнилъ волю своего епископа. Изъ причины того обстоятельства, що о. Матвѣй былъ сильно стереженъ официалистами графа, удался о. Теодоръ къ нему пѣшки, яко сосѣдъ, ибо Радиничи отдалены отъ двора Крисовичскаго лишь полъ мили, на короткое посѣщеніе. Видя однакже, що официалисты графа и прислуга аргусовыми очами смотрятъ на него, отпавлялся онъ на такіи посѣщенія ночью, когда стерегущіи спали. Въ продолженіи тѣхъ посѣщеній вспомнулъ онъ о. Матвѣю о желаніи владыки, относящомся до его капитала. Желаніе такого любимого и высокопочитаемого владыки уважалъ о. Матвѣй яко повелѣніе, которому повиноватись считалъ честный старикъ своею должностію и честію. О. Теодоръ дѣлалъ всегда по такихъ посѣщеніяхъ докладъ епископу, — тожь когда той же узналъ, що старикъ соглашается съ его желаніемъ, препоручилъ о. Теодору памятати о томъ, чтобы при составленіи завѣщанія совершенно была сохранена свободная воля завѣщателя и требовати отъ старика, чтобы изъявилъ свою волю, якую и для кого желалъ бы сдѣлати фундацію. Исполняя желаніе епископа, продиктовалъ онъ о. Тео-

дору точки завѣщанія, отказующого все свое имѣніе на фондъ стипендіи для сиротъ священническихъ и сыновъ дяковскихъ, на эмеритуру для изнеможенныхъ дяковъ, на неопитовъ и на Службы Божіи для крылошанъ по дукату за одну и пр. Съ тѣмъ отнесся о. Ѳеодоръ къ епископу, который изъ тѣхъ точекъ далъ сочинити легальное завѣщаніе своему другу и искреннему его почитателю коморнику д-ру Сичевскому, весьма способному и опытному юристу, и вручилъ готовое о. Ѳеодору для предложенія того же о. Матвѣю. Старикъ, перечитавши внимательно завѣщаніе, нашолъ оное согласнымъ съ желаніемъ своимъ и волею и, подписавши оное собственноручно, вручилъ то же о. Ѳеодору съ прошеніемъ, передати епископу Іоанну и привести ему подтвержденіе дорученія. То препорученіе было сейчасъ исполнено. Все то дѣлалось тайно. Завѣщаніе уже было въ рукахъ владыки, но съ документами займа капиталовъ трудно было старику розстаться. Чтобы достигнути пожеланной цѣли, не переставалъ о. Ѳеодоръ еще всегда продолжати своихъ тайныхъ посѣщеній. Когда однажды, посѣщая старика, онъ примѣтилъ, що уже сближается кончина его, напиралъ на него, чтобы тѣ документы передалъ въ руки владыки. По многихъ трудахъ и усиліяхъ удалось одной ночи въ удобной хвилѣ склонити о. Матвѣя къ тому, для стариковъ, обыкновенно недоверчивыхъ, а при томъ скупыхъ, весьма трудному рѣшенію, чтобы розлучитись со своимъ, цѣлюю свою жизнь собиравшимъ имѣніемъ... Любовь и высокопочитаніе къ предоброму отцу-владыцѣ побѣдили и о. Матвѣй рѣшился ввѣрити о. Ѳеодору документы займа для передачи тѣхъ же епископу, однакоже съ тѣмъ условіемъ, чтобы той же на другій день утромъ якъ найскорше привезъ ему росписку полученія съ собственноручною подписью епископа Іоанна. Получивши документы, сѣлъ о. Ѳеодоръ сейчасъ на повозку и поѣхалъ ночью въ Перемышль, где, прибывши

въ полуночи, разбудилъ владыку, вручилъ ему документы займа и, получивши росписку, возвратился въ Крисовичи, где еще передъ восходомъ солнца присѣлъ и доручилъ оную занепокоенному старику. Той же, получивши росписку, пересмотрѣлъ ю внимательно, а познавши собственноручный почеркъ письма владыки, возрадовался и велѣлъ положить ю на мѣсто, где были сохранены документы. Нѣсколько недѣль послѣ сего упокоился въ Бозѣ о. Матвѣй. Офиціаллисты графа, зная, где были докуменгты займа, отверзли шубляду комоды, а вмѣсто ожидаемыхъ документовъ, нашли росписку съ собственноручіемъ епископа Сиѣгурского. Очевидно, що они розчаровались ужасно.*) Имѣлъ ли о. Матвѣй Добрянскій при своемъ старанномъ собираніи имѣнія якую-то цѣль, не извѣстно. Можетъ быти, що собиралъ то для своего удовольствія, не внимая на цѣль. Тожъ велика есть заслуга епископа Іоанна Сиѣгурского, що онъ навелъ его и показалъ ему цѣль благодѣтельную. Но не можемъ въ томъ и о. Матвѣю отказать заслуги, що онъ далъ такъ скоро склонитись къ пожертвованію своего имѣнія на благодѣтельные цѣли для Церкви и народа русскаго, що есть доказательствомъ его любви и привязанности къ своей русской Церкви и народу.**)

*) То все, що здѣсь списано, розказывалъ мнѣ о. Теодоръ Левицкій, бывшій парохъ въ Радичахъ, послѣ въ Гусаковѣ, а наконецъ въ городѣ Ярославлѣ.

**) О. Матвѣй Добрянскій рожд. 1776 г., рукоположенъ 1800 г., былъ въ послѣднихъ лѣтахъ жизни своей приходникомъ въ Новоселкахъ-Гостинныхъ, деканата Комарнянскаго, — якъ то яветствуетъ изъ шематизма изъ 1828 года; — послѣ же въ 1833 году находится яко эмеритъ, а въ шематизмѣ изъ 1839 г. стоитъ въ рубрицѣ: *Elenchus Pensionistarum: Mathias Dobrzański, n. 1776 ord. 1800 emeritus Parochus Nowosilkensis, in Krysowice*, — вычеркнутый карандашемъ рукою регистранта Алексѣя Маларкевича, съ примѣчаніемъ: *mortuus*. Тожъ упокоился онъ въ 1839 г., переживши 63 лѣта. Современники его роз-

Въищемъ однакоже всѣхъ тѣхъ фундацій суть то сдѣланныи самымъ епископомъ Іоанномъ Сибгурскимъ изъ его собственного имѣнія, выраженный въ его завѣщаніи, чѣмъ увѣковѣчилъ онъ имя свое

сказывали о немъ що онъ, будучи еще въ семинаріи, любилъ собирать гроши и былъ скупымъ. Будучи на парохіи, захвѣлъ онъ на грудную болѣзнь и подался въ отставку, на пенсію. Я его однажды видѣлъ; былъ то старикъ низкого роста, худощавый, смугловатый на лицѣ и говорилъ слабымъ, тихимъ и хриплымъ голосомъ, — вслѣдствіе того не могъ оставатись въ душпастврствѣ. Жалованье пенсіоната въ то время было 120 зр. м. к. Приобрѣвши себѣ бережливостію хорошій капиталъ, далъ онъ его въ заемъ графу Станиславу Мнишку, помѣщику въ Крисовичахъ, который по той причинѣ принялъ его въ должность домашняго кашеляна, отдавши его предшественника въ той должности, нѣкого монаха изъ Чина Реформатовъ. Изъ гнѣву, що потерялъ черезъ о. Матвѣя мѣсто свое, донесъ сей Реформатъ ц. к. правительству, що о. Добрянскій имѣеть великіи капиталы, изъ которыхъ можетъ выгодно проживати. — Вслѣдствіе того донесенія отнято было жалованье эмеритурѣ старику и приказано возвратити взятыи до сего времени гроши. Жалованье въ тогдашнемъ времени выплачено изъ касы квартално за клеймовою квитанціею. Понеже старику трудно было писати, то вкрутился къ нему нѣкій Н. Н., практикантъ мандаторскій, который ему писалъ квитанціи и гроши приносилъ изъ касы циркулярной Перемышльской. О. Матвѣй давалъ ему обыкновенно напередъ бланкетъ съ собственноручною подписью на остемплеванномъ 3 гр. м. к. наперѣ, — понеже тогда не были еще марки въ употребленіи. И случилось, когда ему отнято жалованье, що остался такій бланкетъ со стемплемъ 3-крейцаровымъ, съ собственноручіемъ о. Матвѣя Добрянского, въ рукахъ Н. Н. Когда же о. Матвѣй упокоился, воспользовался тотъ его „секретарь“ Н. Н. симъ бланкетомъ тѣмъ еспособомъ, що записалъ собѣ на немъ, яко подарокъ отъ покойного, за свои услуги суму 2000 зл. м. к. (не помню точно, было ли столько, или меньше) и выступилъ передъ судомъ яко легатарь, съ требованіемъ выплаты той сумы отъ собора крыкошанъ, яко универсального наслѣдника. Тяжба та продолжалась долгое время и, наконецъ, рѣшилъ ц. к. судъ, що, если кто изъ капитульныхъ членовъ утвердитъ

и оставил неопровержимое доказательство своей искренней любви къ Церкви русской и народу русскому — и заслужил собѣ на вѣчную благодарность крѣпа и народа галицко-русского.

присягою, що о. Матвѣй не подарилъ ему ту суму, тогда въ пользу собора крылошанъ будетъ выдано судебное рѣшеніе. Доказательство же, що стемпель 3 кр. м. к. былъ за малый на такъ великую суму, призналъ судъ недостаточнымъ, ибо онъ уплатилъ кару стемпелю. Окончательное то рѣшеніе вышло за время архипресвитерства крыл. о. Іоанна Селецкого. Но онъ не рѣшился къ учиненію присяги и говорилъ мнѣ: „Хотя я совершенно убѣжденъ, що онъ самъ (Н. Н.) собѣ ту суму записалъ (завѣщалъ) по смерти о. Матвѣя, однакоже по совѣсти моея я бы не осмѣлился присягати на то, понеже я при томъ не былъ.“ Такъ само никто изъ членовъ собора не хотѣлъ присягати. Для того рѣшили крылошане сдѣлать съ нимъ угоду — и онъ, отступивши кое-що изъ той суммы, согласился на выплату какойсь низшой суммы, — що и сдѣлано. Въ регистратурѣ капитульной должны находиться акты сего процесса, но я, не имѣя доступа къ тѣмъ-же, списую, о сколько мнѣ о томъ извѣстно отъ архипресвитера крыл. о. Іоанна Селецкого. До характеристики скрупулезности о. Матвѣя въ собираніи имѣнія послужить слѣдующая анекдотка, розказована о томъ современниками. Случилось ему, що встрѣтилась съ нимъ однажды въ гостинницѣ на попасѣ нѣкая, ему знакомая графиня и стала съ нимъ, для скороченья скучного времени отдыха, розговоривати о различныхъ предметахъ. Въ теченіи розговора жаловался старикъ, що страдаетъ грудною болѣзнію и сильно кашляетъ. Я слышала, примѣтила графиня, що селедцы удобное средство на утоленіе кашля. — Знаю о томъ, отвѣтилъ старикъ, но трудно достати правдивыхъ голендерскихъ селедцевъ, а простыи къ ничему не годятся. — „У мене точно есть хорошіи голендерскіи селедцы. Я купила ихъ сегодня въ городѣ и могу вамъ ними сдѣлать малый подарокъ, если соизволите,“ сказала графиня и вручила ему три селедцы. Онъ поблагодарилъ и принялъ. А когда графиня отъѣхала, продалъ онъ тѣ селедцы еврею-гостиннику... Блаженное пристрастіе, которого плодомъ утѣшаются теперь сироты и изнемощѣлыи старики...

Подобало бы при той случайности привести въ цѣлости его завѣщаніе, но для легчого обозрѣнія, чтобы тѣмъ видѣйше представить передъ очи великости той жертвы его, приведу въ коротцѣ поодинокіи точки изъ сего же завѣщанія, а именно:

Призначилъ епископъ: 1) Типографію (на то время единственную въ Перемышлѣ, имѣвшую великую цѣну, а то тѣмъ больше, що тогда ни въ Самборѣ, ни въ Ярославлѣ, ни въ Решовѣ не было ніякой типографіи) на фундацію одного канониката, т. е. канцлера капитульного; 2) каменицу «старый циркуль» въ ринку въ цѣнѣ 60.000 зр. м. к. на трехъ священниковъ при церкви соборной, т. е. проповѣдника второго, префекта ризницы и пенитенціарія; на бібліотекаря, съ должностію списывати достопамятности, на сочиненія музыкальны вокальныи и на учителя цѣнія церковного въ институтѣ дяковъ; 3) село Новосельцы на институтъ дяковъ и учителей сельскихъ; 4) 6.000 зр. м. к. на церковь кафедральную; 5) 10.000 зр. м. к. на профессора пасторальной русской при гр. к. семинаріи въ Перемышлѣ; 6) 5.000 зр. м. к. на степендіи для учениковъ; 7) 1.000 зр. мон. к. и вино на институтъ вдовъ и сиротъ по священникахъ епархіи Перемышльской; 8) 5.000 зр. м. к. на службы Божіи для низшого клира; 9) 2.000 зр. мон. к. на бібліотеку семинаріи Перемышльской. При томъ находятся розличныи легаты, опредѣленныи для церквей въ Валявѣ, Вѣлюничяхъ, Страшевичахъ и Берестянахъ, якоже и для убогихъ и для поодинокихъ особъ. За тѣ всѣ жертвы возлагаетъ онъ только одну обязанность на соборъ крылошанъ, а именно, чтобы ежегодно въ день его упокоенія совершалось поминальное богослуженіе — о душѣ его и его родителей, о. Іоанна и Евфросины, — священниками изъ его фундаціи. Дѣйствительно, прехорошій представляется намъ здѣсь образецъ сердечного отца-владыки, памятавшего о всемъ и о всѣхъ въ своемъ завѣщаніи, по-

жертвовавшего всю жизнь свою и все имѣніе свое для Церкви русской и для Руси.

И такъ заботою, попечительностію и трудами незабвеннаго епископа Іоанна въ хорошее матеріальное состояніе приведенный Перемышльскій Соборъ крылошанъ, могъ теперь на ровнѣ станути съ капитулами латинскими и достойно репрезентовати русскій клиръ.

Не умаляя однакоже славы сего великаго мужа-владыки, побудившаго вліяніемъ своимъ священниковъ къ пожертвованію своего имѣнія на общепользныи цѣли, не можемъ отказать похвалы и клиру епархіи Перемышльской, который найшолся приклоннымъ къ такимъ вліяніемъ, а то тѣмъ больше, що еще прежде клиръ сей изъявилъ такого духа общественности, когда при случайности учрежденія собора крылошанъ надѣлилъ тотъ же складками духовенства простроенною каменницею »Подъ Провидѣніемъ« и тѣмъ положилъ первое основаніе къ дотации собора; былъ то прехорошій привѣтственный подарокъ отъ епархіальнаго клира высшему клиру, въ знамя братской любви. Великая архіепископскія Львовская не оказала такого духа общественности и жертволюбія среди клира, — тожь и ей соборъ крылошанъ не можетъ повеличатись посѣданіемъ помѣстій.

За примѣромъ клира епархіи Перемышльской должны бы теперь идти и клиръ новоучрежденной епархіи Станиславовской и привѣтствовать свой Соборъ подобнымъ братскимъ подаркомъ.

Посѣданіе земское для Церкви и ея служителей есть необходимо потребное, ибо могутъ наступити времена, когда Церковь принуждена будетъ на содержаніе своихъ служителей ограничатись только на свое собственное имѣніе. Важность и великое значеніе посѣданія земскихъ добръ понимала отъ вѣковъ Церковь западная и старалась всегда о прибыль тѣхъ же; и съ теченіемъ вѣковъ пріобрѣла она не только громадное имѣніе, но даже независимую церковную область

римскую, а через то и независимое становище главы Церкви. Тѣмъ достигла она и всемірнаго значенія, уваженія и силы, а даже въ нѣкоторое время и господства надъ мірскими державами, ибо въ ней сосредоточались ученость и богатство. Ученостію пріобрѣтается слава, богатствомъ власть, — а ученость, съ богатствомъ соединенная, творитъ силу непобѣдимую. Восточная Церковь, хотя перевышла западную ученостію своихъ Отцевъ Церкви, св. Василя, Григорія, Іоанна Златоустого и пр., и пріобрѣла тѣмъ всемірную славу, но не доставало ей богатства и независимости, тожь не могла до такой силы и значенія вознестись, якъ западная.

Щобы могъ клиръ галицко-русскій, а съ нимъ и Церковь русская, достигнути такого значенія и уваженія, старался епископъ Іоаннъ для своего, ровно съ латинскимъ образованного, а даже въ нѣкоторомъ отношеніи и перевышающаго латинниковъ въ учености клира пріобрѣсти, но возможности, и равное состояніе матеріальное, начавши отъ головы его — собора крылошанъ, оставляя примѣръ своимъ наслѣдникамъ къ дальшему переведенію сего, нимъ начатаго дѣла.

Забота епископа Іоанна Сѣвгурского не ограничалась только поднесеніемъ матеріальнаго добробыта духовенства, а тѣмъ и значенія Церкви русской, но его всесторонняя старательность ротягнулась и на клонящійся въ томъ времени къ паденію обрядъ, щобы его отъ совершенной погибели спасти и привести къ первоначальной красотѣ черезъ благоустроеніе богослуженія въ церкви кафедральной, которое имѣло быти примѣромъ и правиломъ для цѣлой епархіи Перемышльской.

Понеже предшественники сего незабвеннаго владыки пребывали, якъ уже выше воспоминаено, большую часть года въ Валявѣ и Страшевичахъ, тожь они мало интересовались тѣмъ, якъ тамъ совершается въ

ихъ церкви престоальной богослуженіе, которымъ управляли парохъ съ сотрудниками. Однакоже они вѣдь не много заботились порядкомъ того же, коли епископъ Іоаннъ, вступивши на престолъ владычій, засталъ совершеніе богослуженій въ церкви соборной въ большомъ безустройствѣ, — якъ о томъ самъ часто рассказывалъ, що священники совершали Службы Божіи когда кто хотѣлъ и якъ хотѣлъ, а о порядочной проповѣди и катехизаціи и рѣчи не было... Тожъ епископъ Іоаннъ, принявши правленіе епархіи, считалъ приведеніе богослуженія въ церкви своей престоальной въ принадлежащій порядокъ своею первою должностію. Намѣреніе то его находило однакоже съ начала великую трудность, при невѣжествѣ и равнодушій обрядовомъ тогдашнѣго духовенства. Изъ той причины принужденъ былъ епископъ съ прискорбіемъ смотрѣти нѣсколько лѣтъ на то безустройство и сожалѣти въ сердци своемъ и воздыхати: »Человѣка не имамъ!“ — Вѣдалъ бо онъ, яко опытный управитель, о томъ, що безъ содѣйствія духовенства всякая реформа на лучшее невозможна. Къ тому благому намѣренію необходимъ былъ ему помощникъ изъ среди низшого клира, и то такій, который понялъ бы его намѣреніе и самъ былъ перенятый любовью къ тому же. Такого пріобрѣлъ епископъ въ 1825 году въ лицѣ о. Іосифа Левицкаго, молодого, ново-рукоположеннаго, энергичнаго священника, литератора русскаго, бывшаго питомца семинаріи вѣдѣнской, где въ церкви св. Варвары видѣлъ точно соблюдаемый обрядъ восточный.*) Той же, назначенный

*) Неразъ поднимался вопросъ: Откуда произошло обрядовое движеніе межъ духовенствомъ русскимъ Галицкимъ и кто далъ первый толчокъ къ приведенію обряда до чистоты, якую приписуетъ Церковь восточная? Если по ниточкѣй дойдемъ до клубка, то увидимъ, що первыи ревнители за чистотою обряда были всегда потомцы семинаріи вѣдѣнской, а то по той причинѣ, понеже они тамъ видѣли въ церкви св. Варвары, устроенной по восточному обряду, бого-

домашнимъ капеляномъ епископскимъ, исполнялъ точно всѣ задушевные въ томъ отношеніи намѣренія епископа и вспоминалъ его при реформѣ обряда въ церкви кафедральной, съ собственною своему хакартеру горячестью. — Такий энергичный и рѣшительный дѣятель былъ теперь на руку епископу въ его стремленіи: привести дѣло обрядовое къ лучшему, — ибо за его содѣйствіемъ отъ того времени не только начало совершатись богослуженіе въ церкви соборной по припису обряда восточного и въ порядку, епископомъ опредѣленномъ, но о. Іос. Левицкій постарался еще на желаніе епископа въ 1828 г. о введеніе въ церкви кафедральной хорошого нотного пѣнія, которое, яко первое въ Галичинѣ, такъ вславилось, що пошѣщики-Поляки изъ окрестности Перемышля колясками заѣздили передъ церковь нашу, щобы въ ней услышати первое стройное пѣніе подъ дирекцію Алойсія Нанкого, и насладатись твореніями вокально-музычными

служеніе, совершаемое точно по восточному обряду. Также видѣли они тамъ пріѣхавшихъ уніатскихъ бородастыхъ епископовъ и канониковъ румынскихъ, ряннхъ католиковъ, а даже отличенныхъ римскими достоинствами, совершающихъ богослуженіе по чистому обряду восточному, — и съ того заключали, що Римъ непротивный чистотѣ обряда восточного. Также извѣстно, що церковь св. Варвары изъ лат. костела инокинъ перестроена точно по обряду восточному на церковь греч. обряда, подарена императрицею Марією Тересією и императоромъ Іосифомъ II австрійскимъ католикамъ греч. обряда, Русинамъ и Румунамъ, такъ само, якъ и церковь семинарская во Львовѣ, воспитанію юного клира обр. греч.; що устроеніе церкви св. Варвары точно по обряду, якъ и семинарской во Львовѣ, не могло происходить отъ епископовъ и клира руссого, клонящегося въ то время къ латинству, того доказательствомъ есть церковь св. Юрѣя и Ставронигійская. — а однакже устроеніе то было первымъ толчкомъ къ движенію обрядовому. А чимъ повелѣніемъ устроены обѣ церкви по обряду восточному, на то отвѣчаетъ исторія и надпись, на мраморной таблицѣ надъ входовыми дверми церкви св. Варвары и семинаріи прикрѣплена.

славного Бортиянского,*) при томъ голоса услышати: отличного баса Винкентія Серсивія и дискантовъ Хризостома Сѣнкевича и Владислава Вербицкого, а послѣ Пикулицкого. Я пригадую собѣ, будучи мальчикомъ въ 1830 г., якъ еженедѣльно заѣзжалъ передъ церковь коляского пѣкѣй помѣщикъ Дыдынскій, изящный любитель музыки, которого сыны, ученики гимназіи, хорошо играли на скрипкахъ.

Воспоминаю о томъ мимоходомъ, чтобы оказати стремленіе, клонящееся къ лучшему подѣ предводительствомъ и за старательностію епископа Сѣбургского.

Не смотря однакоже на то, являлось еще всегда великое равнодушіе у нашего клира къ обряду своему, якъ то уже можно было узнати изъ внѣшнѣго вида нашихъ церквей такъ городскимъ, якъ и сельскимъ, которыи были, съ малыми изъятіями, вообще деревянныи, маленькіи, изъ внѣ бѣдственныи (где-куда даже соломою крыты); внутрь же неопрятныи, переполненныи богомазами и безобразными фигурами кальварійскими, всюду брудъ и нищета, — ризы священныи, старинныи изъ лучшей парчи изодранныи, новыи же изъ лихой матеріи. Чаши въ многихъ церквахъ цинковыи, а даже деревянныи полякированыи, походящїи изъ минувшихъ вѣковъ. Подсвѣчники деревянныи или вмѣсто тѣхъ досечки съ коликками, на которыи зачинались свѣчи домородныи восковыи, — во всемъ проглядывало сквозь нерадѣніе и крайнее запущеніе, якъ-бы то имѣло быти характеристикою и необходимымъ знаменіемъ церквей русскихъ уніятскихъ...

Не въ лучшемъ состояніи находился и обрядъ. Хотя той же былъ, по мѣрѣ тогдашнихъ обстоятельствъ,

*) Партитуры Бортиянского получалъ о. Левицкій отъ Д-ра Николая Нападѣевича, профессора правъ на всеучилищѣ Львовскомъ, Русина, помѣщика Вацковичъ, любителя пѣнія церковного. (Перемышлянинъ изъ 1853 г.)

въ церкви престольной, по внушенію епископа о. Иосифомъ Левицкимъ исправленъ, то однакъже всегда еще господствовало немалое равнодушіе въ нашомъ клирѣ къ своему обряду. Духовенство бо тогдашнѣго времени было въ большой части, съ малыми изъятіями, совершенно невѣже въ дѣлѣ обряда своего, не знало символичного значенія его чиноположеній, а вслѣдствіе того не понимало цѣнности, красоты и величія восточного обряда. Изъ того произошло маловаженіе и пониженіе того же такъ, що даже нѣкоторые священники стыдѣлись его и видѣли только въ латинскомъ всякое совершенство. И не дивно, ибо отъ дѣтства воспитаны, яко ученики, въ школахъ отъ катехитовъ латинскихъ, въ дусѣ ихъ обряда, и ежедневно посѣщая службу Божу въ латинскомъ костелѣ, привыкали къ тому же обряду и только во время исповѣди и причащенія могли приходили въ церковь свою. Изъ русскихъ праздниковъ были лишь 4 дни въ году отъ уроковъ школьныхъ свободны, а именно: Богоявленіе и второй день Рождества Христова, Пасхи и Сошествія св. Духа. Въ навечеріе Рождества Христова держались всегда уроки школьные до 4 часа вечеромъ и только тогда возможно было ученикамъ удалитись на св. Вечеръ въ домъ родительскій. Тожъ изъ дальшихъ сторонъ отъ города были дѣти лишены радостей сего семейного, чувство религіиное и любовь къ своему обряду возбуждающаго празднованія св. Вечера — и тѣмъ способомъ наши люди отвыкали отъ своего обряда. — Богословіе пастырское преподавалось по польски и латинскими священниками, тожъ обучались русскіи богословы въ чиноположеніяхъ обряда латинского, о своемъ же обрядѣ могли знати лишь, сколько пріобрѣли знанія въ домашнемъ воспитаніи и обученіемъ механическимъ въ сѣменищѣ Львовскомъ, якоже и скудную практикою при рукоположеніи въ пресвитеріи.

Вправдѣ, изъяснялъ крылошанинъ о. Д-ръ Іоаннъ Лавровскій учено обряды св. Литургіи и показывалъ їѣхъ-же историческое, догматическое и таинственное значеніе ново-поставленнымъ пресвитерамъ, но тїи, не имѣя смысла къ тому, не понимали его и говорили: „Nudzki stary.“ А выучившись механично совершати требы изъ Евхологіона и служити св. Литургію, думали все знаніе имѣти для священника нужное. Впрочемъ многіи едва читати умѣли по русски, а весьма малое число было такихъ, которыи бы разумѣли языкъ церковный испытно.“

Епископъ Сябгурскій, зная о томъ изъ долголѣтнѣго опыта, распорядилъ, чтобы языкъ церковно-славянскій преподавался богословамъ - экстернистамъ въ Перемышлѣ, посѣщающимъ выдѣлъ богословскій, и стипендистамъ на счетъ фонда релігійного, которую-то должность исполнялъ съ начала крылошанинъ о. Д-ръ Іоаннъ Лавровскій, а когда той же постарѣлся, завоззвалъ епископъ о. Антонія Добрянского изъ Валявы, чтобы онъ разъ на тыждень прїѣзжалъ въ Перемышль ради преподаванія церковного языка, за ремунаціею годичною 100 зр. м. к. Щобы облегчити слушателямъ изученіе того языка, издалъ о. Антоній Добрянскій граматику на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Gramatyka języka starosłowiańskiego,“ печатанную на счетъ епископа. Прежде употреблялась къ тому грамика Мразовича.

Во Львовѣ въ семинаріи преподавати началъ, по повелѣнію епископа Сябурского, науку языка церковно-славянского питомцамъ около 1835 г. о. Іоаннъ Ильницькій, префектъ, а послѣ вице-ректоръ семинаріи русской. Но якій духъ господствовалъ тогда между питомцами той же семинаріи русской, можъ съ того убѣдитись, що тїи сбунтовались противъ того нововведенія и стали протестовати, утверждая, що ихъ тѣмъ хотять сдѣлати варварами азіатскими. А понеже о. Ильницькій строго требовалъ знанія и разумѣнія сего языка, то вся нена-

висть обратилась на него. Многіи стали выкрикивати по коридорахъ: „Co, on nas chce barbarzyńcami roговіć?!“ А одинъ кинулъ за нимъ полѣномъ....

Такое отвращеніе, такую ненависть являли ложнымъ направленіемъ воспитанны юныи сыны Руси противъ языка Матери своей, Церкви славянской!... Языкъ церковный есть для Руси — языкъ святой. Наша связь съ нимъ есть живая, родная, непрерывная, проникающая всю нашу исторію, всю нашу жизнь религіи и народную. Языкъ сей для насъ не мертвый, но живой языкъ, — онъ живетъ и употребляется въ томъ, що есть найвысшая цѣль каждого человека, ибо въ сферѣ нашихъ религіиныхъ отношеній къ Богу. Его божественными звуками любезно и мило привѣтствуетъ Мати наша, Церковь св., дитя свое, русскаго человека, вступающаго въ жизнь земскую, при св. Крещеніи приѣввающе: »Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся,« — показывая на цѣль нашей жизни: просвѣщеніе ума и боязнь Бога, ними же и послѣдними сопровождаетъ она его съ концемъ жизни слезно и жалостно пращаючи: »Блаженъ путь, въ онъ же идиши днесъ, душе, да уготовать ти ся мѣсто упокоенія.« — Звуки сего языка слышимъ и при всѣхъ прочихъ важѣйшихъ событіяхъ въ жизни нашей изъ устъ Церкви нашей. Нимъ она насъ благословляетъ, нимъ она съ нами радуется, нимъ она съ нами смутится, нимъ насъ и въ скорбяхъ утѣшаетъ. Тѣмъ поважнымъ, стариннымъ, классическимъ славянскимъ языкомъ возвѣщаетъ намъ св. Церковь высокіи истины небесной науки, нимъ промавляетъ къ намъ самъ Господь, Спаситель нашъ въ св. Евангеліи, любвеобильно призывая: »Прійдите къ мнѣ вси труждающіи и обремененніи, и азъ упокою вы.« Нимъ поучаютъ насъ Апостолы въ своихъ посланіяхъ, нимъ отзываются къ намъ изъ мрачной древности пророки старозавѣтныи. Нимъ мы промаваемъ къ Богу Отцу, нимъ молимся отъ 900 лѣтъ цѣлая Русь! И сей

языкъ святой имѣлъ бы быти варварскимъ? Сохрани насъ, Господи, отъ такой бласфеміи!

Не осуждаемъ однакоже тѣхъ, неprovиненно заслѣпленныхъ духомъ лукавымъ тогдашняго времени юношей, ту нелѣпность утверждавшихъ, и прощаемъ имъ, ибо тѣи несчастныи, невѣжествомъ заблуждшии, сему не виноваты. Горячая молодежь рвалась къ какой идеѣ, а не находя, при тогдашнемъ нерадѣніи и апатіи, той же въ своемъ обрядѣ и народности русской, бросилась въ объятіе идеи чужой, Церкви русской и народу русскому враждебной.

Для того-то и между питомцами, которые занимались литературою польскою, господствовалъ по большей части духъ коренно-польскій, между прочими же, не заботящимися о ніякую литературу, водворился индиферентизмъ, — и тѣ были, правда, противны науцѣ языка старославянскаго, но не съ причины патріотизма польскаго, а больше такъ, якъ противъ всякой, науки, — они бо не журились ни о Польшу, ни о Русь ихъ цѣль была: чѣмъ-скорше достатись до хлѣба и жити въ супокѣ... Любили они свой обрядъ и чувствовали себе быти Русинами о столько, о сколько не любили Поляковъ-латинниковъ, презирающихъ обрядъ русскій, но о русской народности не имѣли они еще яснаго понятія. Однакоже находились уже тогда поодинокіи питомцы, которые стали изучати языкъ народный, занимались собираніемъ пѣсней народныхъ и пословицъ, сочиняли стихи и покушались писати кое-що въ томъ языкѣ. А тѣми были: Яковъ Головацкій, Іоаннъ Вагилевичъ, Маркіанъ Шашкевичъ, Антоній Могильницкій, Михаилъ Бульвинскій и др. Они издали въ 1837 г. въ Будинѣ Пештянскомъ печатанную »Русалку Дитѣстровую.« Былъ то своротъ къ лучшему. Ихъ полякующии товарищи-питомцы, не предвидя послѣдствій такого стремленія, маловажили собѣ то первое изъявленіе чувства русской народности, въ высокомѣрности своей шутили собѣ изъ тѣхъ литератовъ

русскихъ и считали ихъ за — дураковъ или полуумныхъ мечтателей. „To dziwak pólglówek — niespełna rozum, — coś tu w głowie brakuje“ и пр. Такъ разсуждали тогда русскіи Львовскіи питомцы съ нерусскимъ духомъ о истинныхъ и честныхъ патріотихъ русскихъ...

Кромѣ семинаріи Львовской, находились и въ Перемышлѣ богословы, такъ зовимыи экстернисты, посѣщающіи здѣшнее публичное заведеніе богословское, но ихъ не было много. Тѣи, по большой части индиференты, содержавались изъ лекцій, или изъ—спекуляцій. Такъ одинъ бѣднякъ куповалъ яблока, грушки, орѣхи и пр. у селянъ на торзѣ, а послѣ продавалъ ученикамъ на крейцары и барышемъ содерживалъ себе, а пріумноживши такую торговлю свое имѣньишко, арендовалъ сады, обитая въ будѣ, стерегъ садовъ и учился предметовъ богословскихъ, и такъ ему та спекуляція посчастлилась, що, по оконченіи наукъ богословскихъ, купилъ собѣ хатину и хорошей садъ. Другіи сновъ жили паразитствомъ (тунеядствомъ); такіи-то глядѣли за пріѣхавшими въ городъ священниками, щобы съ ними на ихъ счетъ въ трактирѣ обѣдець зѣѣсти, или прибѣгали къ сосѣднимъ священникамъ сельскимъ въ гостину, или ѣздили на деревенскіи праздничныи пиршества, — и такъ, проживая на чужій счетъ, перебивались, бѣдняки, черезъ богословскіи студіи. Ихъ называли »печенярями.« Были между ними и такіи, которыи жили изъ романсовъ съ подстарѣлыми дѣвами, которыи въ надеждѣ, що выйдуть за нихъ за-мужъ, гостили, а иногда и содерживали ихъ, и неразъ удалось где-которой уловити тѣмъ способомъ мужа... Тѣи-то богословы, яко практичныи люди, не были мечтателями польскими, но и Русь ихъ мало обходила, однакже нѣкоторыи изъ нихъ въ позднѣйшихъ лѣтахъ сдѣлались хорошими русскими патріотами.

Больше русскаго патріотизма являли питомцы семинаріи въ Вѣденскомъ ц. к. конвиктѣ, хотя и

между ними иногда встрѣчались мечтатели польскіи, но весьма рѣдко. За то духомъ русскимъ переняты питомцы были тверды, коренныи Русины, въ большой части литераты всеславянскіи, — изучались при церковномъ и русскомъ, также чешского, хорватского, польского и словѣнскаго языковъ граматически, познакомлялись съ литературою тѣхъ же народовъ и съ ихъ виднѣйшими литератами, писали русскіи стихи и сочиненія, а будучи слушателями превосходныхъ преподаваній, славныхъ ученостію професоровъ богословія въ всеучилищѣ Вѣдѣнскомъ, загрѣвались къ наукамъ и многіи съ нихъ поддавались ригорознымъ испытаніямъ. При томъ, пользуячися широкимъ міровозрѣніемъ въ головномъ городѣ австрійской державы, образовались всесторонно и уже не были индиферентами, но одушевлялись идеею обряда и народности русской и представляли собѣ за цѣль жизни: жити для блага Церкви и народа, имѣя хорошій и привлекательный примѣръ на своемъ епископѣ Іоаниѣ Спѣгурскомъ, также когда-то воспитаннику той же семинаріи.

Послѣдствіемъ тѣхъ вышеннаведенныхъ жалкихъ обстоятельствъ была воспитаніемъ въ школахъ внушена, а въ семинаріи толерована склонность нашего клира къ латиннизму и съ того происходящее маловаженіе или даже презрѣніе своего обряда, а безмѣрное перецѣненіе совершенства обряда латинскаго, котораго плоды являлись въ перестроеваніяхъ церквей нашихъ на ладъ латинскій и въ слѣпомъ перениманіи и неприродномъ навязываніи нашему обряду обычаевъ латинскихъ, якъ на примѣръ: такъ зовимое служеніе литургіи по римски, при чемъ только окончательныи возгласы голосно произносились, а ектеніи всѣ, кромѣ сугубой по Евангеліи, тайно отчитывались, и оба входы, такъ малый, якъ и великій, залишались; Службы Божіи съ „wystawieniem;“ причащеніе, особенно интеллигенціи, виѣ св. литургіи; употребленіе где-куда по городамъ монстрацій при водосвѣтіи Іорданскомъ;

залишеніе Утрени и Вечерни, вмѣсто которой введено супликаціи; перестроиваніе фелоновъ на подобіе латинскихъ и стихарей на далматики латинскіи; употребленіе комжи при посѣщеніи больныхъ; устраненіе иконостасовъ и перестроиваніе головныхъ престоловъ по формѣ латинскихъ при стѣнахъ, чѣмъ всякіи обходы престола были невозможны; заведеніе где-куда органовъ, якъ въ Дрогобычѣ у Василянъ, при которыхъ ежегодно совершалась, къ мнимому увеличенію головного храмового праздника въ день св. Василя В., Служба Бога латинская въ церкви Василянской, чѣмъ въ очахъ простонародія пренебрегался нашъ обрядъ, а возвышался латинскій, яко достойнѣйшій...

Тии всѣ и многіи другіи злоупотребленія ввели въ нашъ обрядъ хаосъ, изъ которого трудно было выпутатись, ибо въ каждомъ приходѣ былъ свой обычай въ исполненіи чиноположеній обрядовыхъ, а разъ пустившимся узаконеній церковныхъ, остались отворены на-стежь двери всякимъ самоволіямъ.

Еще сохранился нашъ обрядъ по возможности правильно такъ зовимыми *Ψалтирниками*, а по латинѣ *studii ruthenici* или *antiquae educationis* священниками, и бывшими нѣкоторыми воспитанниками семинаріи Вѣденской.

Хотя на видъ трудно было выпутатись изъ того обрядового хаоса, споводованного апатією однихъ и склонностію къ латиннизму другихъ, то однакъ »не возможная у чловѣкъ, возможна суть у Бога.« Такъ и съ помощію Божією удалось съ временемъ епископу Снѣгурскому своею терпеливостію, тактомъ, осторожностію и благоразуміемъ преодолѣти сіе закоренившоеся розстройство въ совершеніи богослуженій. Къ тому послужило особенно исправленіе обряда въ церкви престольной и поставленіе тогожь яко образецъ для цѣлой епархіи. Обознакомлены тѣмъ способомъ новопоставленныи, а черезъ нихъ и старшіи свя-

щенники съ правильнымъ обрядомъ, начали со временемъ привыкати къ нему, а даже многіи стали прилѣжно обучатись языку церковному и студіювати уставъ или типикъ, отчитывати внимательно книги богослужебныи, розмышляти надъ значеніемъ обрядовъ, св. Отцами установленныхъ и вводити порядокъ и однообразіе въ богослуженіяхъ. И такъ мирно, безъ шума и крика, переводилась благоразуміемъ мудрого владыки реформа обрядовая въ епархіи, а загіфздившійся хаосъ сталъ, якъ тѣнь передъ свѣтломъ, якъ снѣгъ передъ весеннимъ солнцемъ, мало — помалу уступати. Священники бо, познавши красоту и превосходство своего старинного, апостольского обряда, уже не стыдальсь его, но гордились нимъ и держались его чиноположеній крѣпко. Духъ оживился и чувство сознанія своего достоинства возбудилось въ клирѣ; малодушіе исчезало, а священники отыскивали потерянную самоувѣренность; любовь къ обряду, а съ нимъ и къ народности русской розгрѣли сердца ихъ, а пріобрѣвши тѣмъ идеалы для жизни и дѣятельности своей, стали дальше поступати путемъ, епископомъ Снѣгурскимъ имъ указаннымъ.

И хотя сей незабвенный владыка не дожиль видѣти дальшее развитіе сей, нимъ вщепленной идеи; хотя не дожиль зрѣти такого одушевленія въ клирѣ за обрядомъ, якъ оно явилось подъ правленіемъ епископа Яхимовича: то однакже дозволено ему было еще, по милости Божіей, якъ-бы въ нагороду за его ревность о славу Бога и благосостояніе Церкви святой, видѣти три дни передъ кончиною своею, при посвященіи церкви въ Хировѣ, начатки сего одушевленія духовенства и интеллигенціи русской за обрядомъ своимъ и народностію. А то неожиданное одушевленіе было явнымъ доказательствомъ, що 29-лѣтніи труды и забота сего доброго Пастыря, «полагающаго душу свою за овцы своя,» посвященныи благу Церкви и народности русской, не были безплодными. Осчастли-

вленный тѣмъ событіемъ, могъ епископъ Іоаннъ въ радости душевной съ чистою совѣстію сказать: »Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, понеже задушевное мое желаніе: видѣти Русь къ новой жизни воскресшую—исполнилось!«

Такъ хорошо предуготовленную почву оставилъ онъ къ дальшему дѣйствованію своему наслѣднику, подѣ котораго управленіемъ начатое епископомъ Сяѣгурскимъ обновленіе обряда съ такою наглостію и горячестію приводилось духовенствомъ въ дѣйствіе и такъ нечаянно, що возбудило въ кругахъ правительственныхъ и римскихъ подозрѣніе, будто-бы то одушевленіе происходило по вліянію изъ заграницы и было свернено противъ католицизма; — однакже совсѣмъ ошибочно, ибо то было совсѣмъ неповиннымъ и доморощеннымъ плодомъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей и нечестивыхъ намѣреній, — дѣламъ католической Церкви крѣпко преданного, непоколебимо вѣрнаго патріота австрійскаго, Егѣ Величества тайнаго совѣтника епископа Сяѣгурскаго, искренне любившаго свою Церковь, свой обрядъ и свою народность русскую архипастыря.

IX.

При составленіи біографіи епископа Сивгурскаго оставилъ я поданье извѣстій о послѣднихъ дняхъ жизни сего знаменитаго мужа и о его упокоеніи на конецъ моихъ »Воспоминаній,« а то послужить и яко дополненіе къ его же біографіи.

Отъ возвращенія епископа Іоанна изъ Трускавца въ Перемышль и отбывшагося торжества праздничнаго св. Іоанна Крестителя въ г. 1847, остались еще неполный три мѣсяцы, о которыхъ не будетъ безинтересно вспомнути.

Въ теченіи сего короткого времени сбылись нѣкоторыя происшествія, которые, для дополненія характеристики сего великого святителя, розказати считаю моею должностію. Первое изъ тѣхъ было поставленіе двоихъ испытателей епархіальныхъ для испытовъ конкурсовыхъ. А были въ то время двѣ мѣста испытателей опоржнены: одно смертію крылошанина о. Андрея Петрасевича — изъ богословія пастырского, а другое, отшествіемъ лат. священника Алойсія Козачинского, профессора богословія правоучительного въ Перемышля, отъ заведенія богословского, — изъ богословія правоучительного.*) На тѣ-то должности завозваны были на испытателя изъ богословія правоучительного о. Тома Полянскій, профессоръ религіи при факультетѣ философскомъ въ Перемышля, — а на испытателя изъ богословія пастырского и катехитики о. Антоній Добрянскій, деканъ Перемышльскій и парохъ въ Валявѣ. Испытъ конкурсовый изъ богословія правоучительного отбывался въ то время на ызыцѣ атинскомъ, а изъ богословія пастырского и катехи-

*) Откуда нашлись латинскіи священники въ кружѣ испытателей епархіальныхъ русскихъ, представится то не одному странно. Причиною однакже къ тому не былъ недостатокъ способныхъ священниковъ русскихъ, только, нѣсколько лѣтъ передъ 1847 г., выйшовшее распоряженіе воец. к. правительства, вѣдѣтіе которого должны были вакантны мѣста испытателей епарх. замѣщатись профессорами здѣшняго, въ то время публичного заведенія богословского, и тѣмъ способомъ поставлены были два священники лат. испытателями для русскаго духовенства, а именно кс. профессоръ Францъ Павловскій изъ студій библійныхъ и кс. проф. Алойсій Козачинскій изъ богословія правоучительного. По отшествіи же проф. Павловскаго, произведеннаго въ достоинство каноника, поставленъ былъ профессоромъ студій библійныхъ докторъ богословія, о. Григорій Гинидевичъ, а разомъ и испытателемъ для обоихъ епархій, русскаго и латинскаго. Одно только богословіе пастырское, съ катехитикою и меоодикою, имѣло быти замѣщено испытателемъ не-профессоромъ.

тики на польскомъ, не смотря на то, що священники сельскіи и маломѣстскіи имѣли должность проповѣдати и катехизовати по русски. Былъ то дѣйствительно явный контрастъ, обыкновеніемъ и вѣдостью русскою установленный. Устраненіе сей аномалии было необходимымъ. Понималъ то хорошо епископъ Іоаннъ и признавалъ безсмысленность и непрактичность сего странного обыкновенія, но, не имѣя челоуѣка, ждалъ па такого и нашелъ его въ лицѣ о. Антонія Добрянскаго,*) ибо

*) Епископъ Сивгурскій любилъ часто вопрошати другихъ о мнѣніи, если що ни-будь намѣряхъ дѣлати или роспоряжати, касающаеся Церкви или епархіи, якъ о томъ уже выше вспомнено. Тоужъ и теперь, при замѣщеніи упомянутыхъ вакантныхъ должностей, спросилъ мене по обыкновенію своему епископъ, кого бы я считалъ найотвѣтнѣйшимъ на испытателей изъ богословія нравоучительнаго и пастырскаго. Я отвѣтилъ на то, що на испытателя богословія нравоучительнаго думалъ бы я найотвѣтнѣйшимъ о. Ѳому Полянскаго (професора богочестія при выдѣлѣ философскомъ), а на богословіе пастырское о. Антонія Добрянскаго (декана и пароха въ Валявѣ). Противъ нерваго не было ніякого возраженія, — но касательно о. Антонія Добрянскаго епископъ, не соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ и будто смѣшанъ моимъ, советемъ неожиданнымъ отвѣтомъ, примѣтилъ немножко гнѣвно, съ упрекомъ и ироніею: „о, вы дуже мудры, вы бы хотѣли, чтобы былъ экзаминаторомъ тотъ, который другимъ конкурсы пишетъ!“ Въ томъ отношеніи былъ епископъ совершенно правъ, ибо такъ было дѣйствительно... Въ томъ-то времени отбывались испиты конкурсовыи изъ всѣхъ предметовъ лишь письменно, кромѣ зъ катехизаціи и проповѣдей, — вопросы, довольно трудныи, предлагались кандидатамъ на языкѣ латинскомъ изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ богословія пастырскаго, — тоужъ нѣкоторые священники, не имѣющіи довѣрія къ самымъ собѣ и позабывши черезъ три лѣта немножко языкъ латинскій, умоляли способнѣйшихъ священниковъ, чтобы тіи помагали имъ въ составленіи письменныхъ отвѣтовъ. Тѣмъ то въ помощь призваннымъ священникамъ, или такъ зовимымъ vulgo „духамъ,“ доставляли нанятые къ тому слуги консисторскіи выброшенные подиѣтованныи вопросы чрезъ окно палаты, где отбывались испиты конкурсовыи, а послѣ

той же, повинуюсь волѣ своего архіерея, принялъ ту должность, однакъе подѣ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобы ему свободно было не на польскомъ, якъ доси дѣялось, но на русскомъ языцѣ давати вопросы и требовати отвѣтовъ изъ тѣхъ же предметовъ отъ испытуемыхъ. Не только позволилъ, но сердечно возрадовался неоцѣненный владыка тѣмъ заявленіемъ о. Антонія, понеже найшолъ въ немъ мужа, который отгадалъ мысль и задушевное желаніе своего архіерея. А що то было дѣйствительно искреннимъ желаніемъ епископа, доказомъ того есть его завѣщаніе, где опредѣляетъ 10.000 р. м. к. на содержаніе особенного професора богословія пастырского, съ преподавательнымъ языкомъ русскимъ.

И такъ еще передъ 1848 г. былъ уже языкъ русскій официально введенъ въ испыты конкурсовыи въ епархіи Перемышльской епископомъ Снѣгурскимъ.*)

сочиненныи „духами“ отвѣты поддавались кандидатамъ при услугахъ въ салѣ, или другимъ якимъ способомъ, тѣми же слугами. — Епископъ Снѣгурскій, который обо всемъ хотѣлъ знати, що дѣется, вѣдалъ также и о тѣхъ „духахъ“, между которыми тогда славнѣйшій былъ о. Антоній Добрянскій, ибо его элевовъ отвѣты всегда вѣнчались хорошимъ успѣхомъ. Столько для поясненія словъ епископа. На тѣ слова отвѣтилъ я: „То правда, однакъе ни одинъ изъ тѣхъ, которымъ онъ помагалъ при конкурсѣ, не переналъ.“ На томъ окончился разговоръ. Нѣсколько дней послѣ сего, посовѣтовавшись въ томъ дѣлѣ съ крылошанами, спросилъ мене епископъ, будучи уже въ добромъ расположеніи къ моему кандидату, якии я имѣлъ причины предлагати о. А. Добрянского на испытователя. Я отвѣтилъ, що онъ есть весьма способный, а при томъ и опытный въ душпастырствѣ, якоже и хорошій проповѣдникъ, тожь будетъ практичныи вопросы давати и проповѣдающихъ исправляти. Послѣдствіемъ сего было, що о. Антоній Добрянскій былъ призванъ на испытователя епархіального.

*) Непривыкнуое писати по русски духовенство наше приняло при первомъ испытѣ конкурсномъ то нововведеніе по большой части весьма несимпатично, ибо многи не

X.

Познавши съ повыше сказанного въ епископѣ Іоаннѣ мужа съ искренне-русскимъ чувствомъ, увидимъ въ слѣдующемъ произшествіи характеристику, въ якомъ направленіи онъ былъ русскимъ. Поводъ къ тому дало письмо изъ дня 10 іюля 1847 г. Ивана Головацкого, редактора Альманаха подъ заглавіемъ »Вѣнок Русинамъ на обжинки,« изданного въ Вѣднѣ 1846 г., съ прошеніемъ о благосклонное принятіе посвященія ему второй части. Первая часть село Альманаха была посвящена Его королевскому Высочеству Каролу Людовику изъ Бурбонъ, Инфанту Испаніи, самодержавному Воеводѣ Луки.

Получивши то письмо г. Ивана Головацкого, призвалъ мене епископъ Іоаннъ и велѣлъ дати отвѣтъ автору съ выраженіемъ, що онъ радуется возбужденіемъ русскаго духа, проявляющимся въ поучающемъ содержаніи и хорошомъ изданіи сего Альманаха и похваляетъ трудолюбіе автора, вступившаго на поприще литературы русскаго, — однакъже не можетъ принять желаемаго посвященія ему сего сочиненія, а то по причинѣ, що не пристойтъ священнику, щобы имени его посвящалась книга свѣтская (собственными слова епископа). Властивая же причина непринятія посвященія была та, що въ первой части примѣтилъ епископъ измѣненіе правописи церковной пропущеніемъ буквы »ъ« и употребленіе въ третьемъ лицѣ глаголовъ буквы »в« вмѣсто »л« (ходивъ вм. ходилъ), — и то обстоятельство споводовало епископа Снѣгурскаго: не приняти посвященія сего Альманаха его лицу, — ибо, яко священникъ, а

умѣли писати по русски скорописью, тожь принуждены были, щобы удоволити испытателю, писати печатною кириллицею, — а то стоило ихъ много труда. Нѣкоторые же полонофилы стали даже явно негодовати на языкъ хлопскій.

тѣмъ больше яко епископъ русскій не могъ онъ согласи-
тись на то, чтобы подъ его авторитетомъ церковно-
славянская правопись была испорчена, — и для того
преимущественно назвалъ онъ то сочиненіе «книгою
свѣтскою.»

Почт. авторъ понялъ въ такъ нѣжномъ видѣ изъ-
явленную причину отказа и сейчасъ въ предисловіи къ
второй части своего Альманаха на г. 1847, посвя-
щенной патріарху сербскому впреосв. Іосифу Раяичу,
предлагаетъ, яко мужъ совѣстный и искренне-любящій
свою народность русскую, свое оправданіе передъ
судомъ читательства, — ибо, признавши свое временное
заблужденіе относительно правописи, заявляетъ, что
»общій голосъ, происходящій изъ самой глубины
грудей народа, якоже и другіи Словене, именно пріа-
тели и ровесники мои, — пишетъ почт. Авторъ, —
соглашаючись съ Галичанами, многимъ причинились и
отвели мене отъ бездорожія, на которое я изъ
нехоты попался, и увѣрили мене что недоконче нужно
въ правописаніи держатись выговора простонародного, а
ограничившись своимъ витомо-народнымъ нарѣчіемъ,
не лзя безъ оскорбленія лишатись общихъ правилъ
словенской правописи и корнесловія, — и что для
Словенъ въ загалѣ, а для Русиновъ въ особенности,
есть кирилица, сей дорогоценный забытокъ и спад-
щина по нашихъ первыхъ св. Апостолахъ, совокушно
со своею поважною старо-словенскою, или, по крайней
мѣрѣ, церковно-словенскою правописію, найспособнѣй-
шая, ничѣмъ ненадолужимая, — и что въ нашей
старой Азбуцѣ нѣтъ ни одной буквы, кото-
рая бы не имѣла своего певного значенія,
своего положительного употребленія, сво-
ей обще-словенской всесторонней основ-
ности и правильности.»

Такъ постукаетъ чловѣвъ чести и совѣсти, такъ
дѣлаетъ истинный и праводушный патріотъ!

Въ тѣхъ выше-наведенныхъ двоихъ событіяхъ видимъ три благородныя характеры старой Руси: Епископъ, священникъ (А. Добрянскій) и мірянинъ (Ив. Головацкій), — всѣ три едина душа, — единомыслено соглашающіеся въ вопросахъ, касающихся народности и литературы русской... Такихъ-то мужей съ искреннею любовью къ своей народности, имѣла когда-то Русь и — было ей добре. Епископъ соглашается на предложеніе своего священника: на введеніе русскаго языка въ испытахъ конкурсовыхъ, а мірянинъ, литераторъ, отступаетъ отъ своего мнѣнія или временнаго убѣжденія, повинаясь голосу общему, и приноситъ свое личное убѣжденіе въ жертву общему благу. При такихъ обстоятельствахъ могли существовать миръ и согласіе на Руси, — и тогда каждый могъ сказать, благослова Бога, съ удовольствіемъ: Добре намъ здѣ быти! Сотворимъ себѣ три сѣни: епископу едину, священнику едину и едину мірянину, — и жіймо всѣ въ мирѣ, вспомагая себе взаимно: Іерархія, духовенство и міряне...

XI.

Повыше розказанныя дѣйствія сбылись во времени отъ праздника св. Іоанна Крестителя до наступившаго при концѣ мѣсяца выѣзда въ Страшевичи, куда отправился онъ, сопровождаемъ, якъ обыкновенно, мною, въ намѣреніи, чтобы еще воспользоваться свѣжимъ воздухомъ хорошихъ дней кончавшагося лѣта, а по части ради совершенія вѣчанія сродницы своей, дочери о. Іосифа Полянскаго, паюха въ Бабинѣ, съ окончаннымъ богословомъ Юліаномъ Трохимовичемъ, которое-то вѣчаніе отбылось въ церкви Страшевицкой.

Хотя не было намѣреніемъ епископа въ настоящей порѣ оставитись дальшее время въ Страшевичахъ, то

однакже хорошая погода и теплы дни дѣйствовали такъ привлекательно, що трудно было опертись сей прелести. Тоже постановлено было остатись дальше въ сей подгорской мѣстности, где пріятно сплывали дни, при ежедневныхъ прогулкахъ по поляхъ и холмахъ, чѣмъ и скрѣплялось здоровье епископа, и приводилось его въ веселое расположеніе. Одна только сумная вѣсть, приспѣвшая изъ Вѣднѣ, объ убійствѣ тамошнѣго пароха о. Петра Паславскаго въ церкви св. Варвары дякомъ Ковальчикомъ, розстроила гармонію и огорчила немало спокойствіе души владыки, принимающаго всегда живое участіе въ судьбахъ своего клира.

Кромѣ посольства моего въ Самборъ, въ дѣлѣ замѣщенія прихода тамошнѣго, о чемъ я уже выше розсказалъ, не произошло ничего больше замѣчательнаго во время сего, близко одно-мѣсячнаго пребычанія нашего въ Страшевичахъ.

Покрѣпивши свое здоровье пребываніемъ на свѣжомъ воздухѣ, постановилъ епископъ Іоаннъ, когда уже стали являться осенній дожди, возвратитись въ Перемышль. А было то около праздника Успенія Пресв. Богородицы. Выбравшись по раннемъ обѣдѣ, ѣхали мы черезъ городокъ Старасоль холмоватымъ гостинцемъ, а переѣзжая возлѣ села Шумины, увидѣвши епископъ, якъ вытинають близкій при дорогѣ сосновый лѣсокъ, примѣтилъ значительно, яко бы въ предчувствіи своей послѣдней вѣды: »Знаете, коли я первый разъ ѣхалъ до Страшевичъ яко епископъ, тогда засѣвали тотъ лѣсокъ, а теперь его уже вытинають!« По двохъ часахъ прибыли мы въ Хировъ, где опредѣленъ былъ поцасъ (отдыхъ). Пріѣхавши надъ рѣку Стрѣвѣгоръ (Strwiąg) передъ самымъ городкомъ Хировомъ, увидѣли мы, що тамъ починають поврежденный мостъ, такъ що только половиною моста можно было переѣхать. Для избѣженія опасности при переправѣ черезъ той мостъ, отпряжено

отъ повозки всѣ 4 кони, чтобы перейти самымъ свободно сею узкою дорогою, — а послѣ перетягнути карету, — однакоже работникъ одинъ, хотящій получить нагороду за услугу, взялъ первого коня за узду, хотя повозчикъ, предвидя, що можетъ случиться, велѣлъ ему пустити коня, — но онъ не повиновался — и на самой серединѣ моста напугившійся конь упалъ въ рѣку и повредился такъ, що на другій день погибъ. — Понеже та быстрая рѣка часто повреждала сей мостъ и еще прежде при переправѣ черезъ него бывали розличного рода опасности, тожь горевали слуги, примѣчая, що въ томъ Хировѣ всегда случается имъ какое-то несчастье, якъ-бы предчувствовали, що сей-то несчастный Хировъ будетъ причиною смерти ихъ Господина.

Прибывши по той катастрофѣ въ Хировъ, заѣхали мы въ новую гостинницу, хорошую, которая была собственностію тамошнѣго приходника, о. Іоанна Залевского. Получивши довольно опрятную, для гостей опредѣленную комнату, удался тамъ епископъ на отдыхъ — и сейчасъ явился ради привѣтствія высокаго гостя тамъ-же и приходникъ. Онъ построилъ въ томъ-то времени, по большой части своими издержками, каменную приходскую церковь въ томъ городку, которую, на внесенное уже прежде прошеніе его, согласился епископъ посвятити въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы, — тожь сталъ теперь розговаривати съ нимъ о приготовленіяхъ къ тому торжеству и совѣтоватись о вопросахъ, относящихся къ предстоящему освященію церкви. Передъ всѣмъ шло тутъ дѣло о назначеніе отвѣтнаго сему торжеству проповѣдника. По своему обыкновенію, желалъ епископъ Іоаннъ первѣйше узнати мнѣніе мѣстнаго пароха (о. Залевского), яко настоятеля церкви, и спросилъ его, кого онъ думаетъ просити о проповѣдь при освященіи церкви. На то отвѣтилъ о. Залевскій, що онъ уже упросилъ

къ тому нѣкого латинскаго священника, одного изъ лучшихъ проповѣдниковъ. Сей отвѣтъ непріятно тронулъ епископа; — онъ не радъ былъ тому, чтобы при русскомъ торжествѣ проповѣдалъ латинскій священникъ, ибо то значило бы, що между русскими священниками нѣтъ ни одного хорошаго проповѣдника, — чѣмъ бы русское духовенство было понижено. Для того епископъ, искренне любящій свой клиръ и старательный о честь того же, тѣмъ неотвѣтнымъ поступкомъ пароха немножко оскорбленный, отвѣтилъ ему съ легкою досадою: »Прошу отказати ему (т. е. лат. священнику), бо я найду между моими русскими священниками такого проповѣдника, который тамъ скажетъ слово Божье, якъ ни одинъ латинскій священникъ не потрафитъ!« — »Если така есть воля Вашего Превосходительства, то я его попрошу и скажу, що Преосвященный съ собою привезутъ на то торжество проповѣдника,« отвѣтилъ о. Залевскій. — Послѣ шло о помѣщеніи епископа и сопровождающихъ его лицъ во время освященія церкви; къ тому опредѣлилъ о. приходникъ, имѣя тѣсное обиталище, ту новую гостинницу, где мы на отдыхъ заѣхали. Чтобы однакже та гостинница могла служить къ той цѣли, то заявилъ о. Залевскій, що онъ постарается, дабы въ пору упомянутого торжества устранивъ былъ шинкъ, а тогда комнаты тогожь, очищенны, будутъ опредѣлены для помѣщенія сопровождающихъ епископа священниковъ, двѣ же передніи гостинныи комнаты, ствѣтно украшенны, перестроятся на владычій покои для достойнаго принятія тамъ высокаго гостя, — наконецъ середняя великая саля будетъ столовою на сей день.

На то предложеніе согласился епископъ Іоаннъ и, по вѣсколькихъ часахъ отдыха, повращавши пароха, отправились мы въ Перемышль.

Едва мы оставили городокъ Хировъ, сталъ епископъ со мною о томъ торжествѣ розгоривати и за-

явиль миѣ, для чого онъ сказалъ о. Залевскому, що онъ постарается о такого проповѣдника, который скажетъ такую проповѣдь, якую латинскій священникъ не потрафитъ, — тыми словами: »То для того я такъ сказалъ, понеже я хочу, щобы проповѣдь была сказана на языцѣ русскомъ, а такъ латинникъ съ цевностію не потрафилъ сказати.« То изрекши, спросилъ мене, кого бы я думалъ изъ священниковъ нашихъ на ту должность предложить. Я предложимъ о. Назарія Сабатовича, пароха въ Тарнавѣ. На то примѣтилъ епископъ: »Правда, онъ добрый проповѣдникъ, однакже онъ не живетъ съ женою и не пользуется для того въ сей сторонѣ достаточнымъ уваженіемъ, — а для такого великого торжества, якъ освященіе церкви, где соберутся розличного сословія люди, треба не только способного проповѣдника, но также имѣющаго уваженіе и славу въ епархіи, — а такимъ есть о. Антоній Добрянскій, хорошій витія, а при томъ и деканъ, и испытователь епархіальный, и учитель языка церковно-словенского. Такого я хочу имѣти при семъ торжествѣ проповѣдникомъ!« И я думалъ о немъ, былъ мой отвѣтъ, но не вспомнулъ, понеже жена его больна тифомъ.« — »Передъ моимъ выѣздомъ слышалъ я, що ей лучше,« примѣтилъ владыка, »и надѣюсь, що теперь уже должна быти здорова!« И такъ дѣйствительно было. Прибывши въ Перемышль, послалъ сейчасъ епископъ въ Валяву курсора консисторского съ письмомъ къ о. Антонію Добрянскому и съ изъявленіемъ своего желанія въ дѣлѣ помянутой проповѣди русской. Съ радостною охотою исполнилъ о. Антоній волю своего любимого архіерея и принялъ должность проповѣдника при торжествѣ освященія церкви въ Хировѣ, чѣмъ епископъ сердечно возрадовался.

Промежутокъ времени отъ прибытія епископа въ Перемышль до посвященія церкви проминулъ скоро. Праздникъ Рождества Пресв. Богородицы сближался. Понеже въ той же праздникъ припадала годовщина

посвященія въ санъ епископскій митрополита Михаила Левицкого, то епископъ Сибѣурскій, не могучи изъ-за помянутого посвященія церкви въ Хировѣ лично засвидѣтельствовать свои благожеланія митрополиту, выслалъ, передъ своимъ выѣздомъ въ Хировѣ, къ нему письмо съ поздравленіемъ 34 годовщины его епископскаго посвященія. (Дословный текстъ сего письма даю въ прилѣжаніи.*)

Наконецъ присѣлъ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы, случившійся въ семь году въ понедѣлокъ, а съ нимъ и ожидаемое торжество Хировское. Тоже взявши все потребное съ собою, выѣхалъ я въ Недѣлю въ полудне въ Хировѣ, все приготовить къ принятію архіерея, а послѣ, — вечеромъ — прибылъ самъ владыка Іоаннъ, въ сопровожденіи крылошанина о. Фомы Полянскаго, и былъ торжественно принятъ ожидающимъ его духовенствомъ въ ризахъ священныхъ и собраннымъ множественно народомъ на горѣ передъ Хировомъ, где была часовня на кладбищѣ, служащая во время строенія церкви къ совершенію приходскаго богослуженія. Въ ту отже часовню введенъ былъ прибывшій епископъ клиромъ, при салвахъ изъ мортирей. По короткомъ

*) Excellentissime, Illustrissime ac Reverendissime Domine, Archi - Praesul Collendissime! — Zbliża się Uroczystość Rożdestwa Pres. Bohorodycy, a razem 34 rocznica konsekracyi Waszej Excelencyi. Dawniej z tego powodu osobiście oświadczałem moje uczucia, teraz zasyłam takowe listownie i łączę najczulsze moje życzenia, aby Bóg Wszehmogący pozwolił Waszej Excelencyi tych rocznic w najpóźniejsze lata obchodzić, przy stałym zdrowiu i czerstwych siłach, dla dobra i zaszczytu naszej Hierarchii. — W dzień Rożdestwa Bohorodycy będę modły moje za Waszą Excelencyę zanosić w Chyrowie, przy akcji konsekracyi cerkwi tamtejszey; zaś w następującą niedzielę Czestnaho Kresta mam drugą konsekracyę cerkwi w Radynicach, Dekanacie Mościskim. Powtarzając moje najszczersze życzenia i polecając mnie łaskawym względem, mam zaszczyt z wysokim szacunkiem i uszanowaniem zostawać — и пр.

молебствіи удался епископъ, сопровождаемый собраннѣмъ духовенствомъ и народомъ, передъ новосозданную приходскую церковь, где, поблагословивши народъ, отпустилъ его во свояси — и отойшолъ, по роздѣтіи мантии до приготовленныхъ для него покоевъ. Тутъ, привѣтствовалъ его парохъ и представлялось ему духовенство, прибывшее изъ сосѣдства на сіе торжество.

Въ слѣдующій день, т. е. въ самъ день праздника Рождества Пресв. Богородицы, началось утреннее богослуженіе о 8 часѣ. По оконченной утрени наступило освященіе архіерейское церкви, съ собственными тому же чину прехорошими, назидательными и душу плѣняющими обрядами*), по чемъ слѣдовала архіерейская

*) Будучи назначенъ церемоніаремъ при томъ освященіи церкви, а не имѣя случайности видѣти когда-нибудь сей чинъ, сталъ я обучатись изъ евхологіона архіерейского и другихъ книгъ бібліотеки епископской обрядамъ сего Чина, при чемъ попало мнѣ въ руки сочиненіе о обрядахъ восточной церкви на нѣмецкомъ языкѣ, где находилась статья о архіерейскомъ освященіи церкви, привлекательно представляющая тогожъ величавыи, обряды съ ихъ символическими значеніями. Плѣненъ красотой сего представленія, попалъ я сей часъ на мысль: воспользоватись тѣмъ къ увеличенію Хировскаго торжества и сдѣлать выписку сей статьи для знакомого мнѣ ц. к. начальника уряда циркулярнаго, или старосты Самборскаго, Г. Гитцгерна (Hitzgern), съ рода Нѣмца, приглашеннаго на сіе празднество, чтобы во время сего священнодѣйствія, имѣя предъ очами сію выписку, могъ ориентоватись и познати великолѣпіе и значеніе обрядовъ при освященіи церкви. Тоже постаравшись о четко и каллиграфично сдѣлану выписку, вручилъ я тую же передъ начатіемъ священнодѣйствія г. старостѣ. — Понеже въ тогдѣшнемъ времени мало кто изъ священниковъ понималъ значеніе нашихъ обрядовъ, а міране совѣмъ не заботились обрядомъ не только русскимъ, но и латинскимъ, — тѣмъ меньше могъ кто вниманіе свое обратити на значеніе русскаго, пониженнаго обряда, держачи его обыкновенно за большую недѣльность: то такое хорошее представленіе тогожъ на нѣмецкомъ языкѣ, сильное и нечаянное сдѣлало впечатлѣніе на старостѣ, который во время

св. литургія въ соборѣ съ многими священниками, на сіе торжество прибывшими. — По перечитанномъ евангеліи вѣйшоуъ на амвонъ о. Антоній Добрянскій изъ Валявы и сталъ проповѣдати слово Божье на русскомъ языкѣ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, къ удивленію, кажу, — понеже въ тогдашнемъ времени, когда не только въ городскихъ церквахъ, где всегда лишь польскіи слышались проповѣди, но и въ многихъ селахъ, где, хотя обыкновенно по русски проповѣдалась, — то при особлившихъ торжествахъ, якъ на пр. въ день праздника храмоваго, проповѣдь къ увеличенію (по тогдашнему мнѣнію) праздника выголашалась по польски. Для того и увидило то всѣхъ, що при такъ великомъ, рѣдкомъ и необыкновенномъ торжествѣ, а къ тому еще при присутствіи епископа, могъ кто поважитись говорити проповѣдь на русскомъ (презрѣнномъ) языкѣ! Проповѣдь сказати по русски въ присутствіи пановъ и ксендзовъ польскихъ и ц. к. чиновниковъ, то значило — игноровати и маловажити интеллигенцію, а выше ней полагати простой народъ, — значило по просту: компромитовати приглашенныхъ на сіе торжество къ высшимъ сословіямъ належущихъ гостей.

Такъ то многіи понимали и упрекали приходника тамошнѣго о. Іоанна Залевскаго, который слылъ яко лучший патріотъ польскій (иронія судьбы!) и котораго единственный сынъ, ученикъ гимназіи Самборской, умеръ яко узникъ политической въ криминалъ Самборскомъ, — яко мученикъ за Польшу... Но о. За-

цѣлой сей церемоніи внимательно читалъ все списанное и такъ былъ тѣмъ восхищенъ, що при обѣдѣ не находилъ словъ на похвалу тогожъ и просилъ епископа, дабы велѣлъ мене призвати, щобы мнѣ за тую, ему сдѣланную пріятность лично свое благодареніе изъяснити, що послѣдовало. Епископъ, не бывши передъ тѣмъ о томъ мною увѣдомленъ, былъ тѣмъ моимъ, доси непрактигованнымъ помысломъ, чересмѣрно возрадованъ, а на лицѣ его изображалось сердечное удовольствіе, якое я ему сею неожиданностію сдѣлалъ.

левскій извинялся тѣмъ, що то была воля Его Превосходительства епископа Снѣгурского, всѣми высокопочитаемого, жившого на доброй стопѣ съ панами польскими и посѣщавшого ихъ дома.*) При такихъ-то обстоятельствахъ трудно было посуждати епископа о якуюсь анти-польскую демонстрацію, тожь считали то яко капризь великого пана**), хотя зоркіи латинскіи священники иначе на то дѣло задивлялись, — и то не безъ причины, якъ то сейчасъ увидимъ.

Прехорошо сочинена и витійски выголошена проповѣдь о. Антонія Добрянского поразила всѣхъ, слышавшихъ оную Русиновъ, не думавшихъ, що возможно на томъ, отъ всѣхъ презрѣнномъ языцѣ, такъ глубоко ученую и сердце плѣняющую рѣчь произнести, и она же одушевила ихъ такъ, що несознательно, якъ дѣти невинныи, почувствовали якуюсь особлившую, доси незнанную радость въ сердцахъ своихъ, которой-то радости причину не могли поняти, понеже чувство народности еще не было возбуждено въ большой части Русиновъ съ внутреннимъ сознаниемъ. Тожь ихъ радость та была, такъ сказавши, будто инстинктовна, безъ внутреннѣго свѣдѣнія, латинскіи же священники, присутствовавши при томъ торжествѣ въ церкви, иначе

*) Якъ велика была популярность епископа Снѣгурского и якъ высокимъ уваженіемъ онъ пользовался всегда и во обще у всѣхъ, а даже въ польскихъ кругахъ, явствуетъ уже изъ того, що, хотя поль вѣка минаеть онъ его кончины, то еще въ живой памяти задержалось въ городѣ Перемышлѣ имя Снѣгурского, чего явнымъ доказательствомъ есть то обстоятельство, що при переименованіи улицъ города въ новѣйшихъ временахъ, улицу низшого Владыча названо въ честь незабвенного епископа — „улицею Снѣгурского.“

**) Случался неразъ между магнатами польскими примѣръ такого панского своенравія, якъ то розказуютъ о пок. графѣ Львѣ Потоцкомъ изъ Краковца, любившомъ часто розговоривати по русски на простонародномъ нарѣчїи.

розсуждали изъ своего польского становища о томъ-то странномъ въ тогдашнемъ времени явленіи; — они, больше опытни въ жизни политической и народной, познали сейчасъ доносность того событія и удалились недовольны во время русской проповѣди изъ церкви въ ризницу, предчувствуя послѣдствія того необыкновенного между Русинами одушевленія, некорыстны и неблагоприятны для «справы польской.» Случайно выйшолъ и я въ ризницу и, увидѣвши ихъ тамо сидящихъ, сказалъ я къ больше мнѣ знакомому лат. священнику, кс. Адольфу Стржедулѣ изъ Старогомѣста: *Ksiądz kanonik nie słuca kazania?* На то отвѣтилъ вопрошенный: *Nie słuca, bo nie mogę dobrze rozumieć.* На то примѣтилъ я: *Wszakże mieszczanie Staromiejscy wszyscy prawie mówią po rusku, i ks. kanonik ich rozumieć.* На то отвѣтилъ онъ мнѣ: *To prawda, że ich rozumiem, ale z tego kazania przekonuję się, że niekoniecznie ten, co rozumie mowę potoczną, może rozumieć i związłą; dla tego teraz nie dziwuję się, że kapitan od sztyftów* (такъ называли тамъ существующее воспитательное заведеніе — *Erziehungsstift*), Niemiec, chociaź dość dobrze mówi po polsku, mówił mi, że kazania mego nie może dobrze rozumieć. Я также, не подозрѣвая тогда еще Поляковъ о непріязненномъ расположеніи къ Руси, принялъ тотъ отвѣтъ за добрую монету, хотя позднѣйше я убѣдился, що то была только увертка...

И дѣйствительно, — предчувствіе ихъ не было безосновнымъ и исполнилось то, чего опасались, еще скорше, нежели они може надѣялись, — ибо по оконченіи богослуженія одушевленіе вслѣдствіе сей русской проповѣди было такъ великое, що, противъ тогдашняго обыкновенія, такъ священники, якъ и міряне стали внезапно, якъ-бы Духъ св. на нихъ сойшолъ, говорити между собою по русски и при обѣдѣ слышно было слово русское; — особенно ц. к. комисарь цир-

кулярный г. Яниковскій (рѣдкій примѣръ вѣрности обряду своему изъ интеллигенціи!) изъ Самбора разговаривалъ и толковалъ о чемъ-то по русски весьма голосно, оказуя тѣмъ, що онъ не стыдится, я скорше величается своею русскою народностію, — чѣмъ укрѣпилъ малодушныхъ, тихо разговаривающихъ по руски, — и мало-по-малу стали и тѣ смѣлѣйше выступать, такъ що и во всѣ концы трапезы »изыдоша глаголы ихъ!« Тое-то неслыханное явленіе удивило латинскихъ ксендзовъ такъ, що, по оконченномъ обѣдѣ, попрощавшись, разѣхались сейчасъ домовъ. Оставшія же теперъ самыя Русины начали въ восторзѣ пѣти »Многая лѣта« возлюбленному владыцѣ, а послѣ различныя пѣсни русскія: »Дай же, Боже, добрый часъ,« »Станьмо, братья, въ коло,« коломыйки и пр. Епископъ Іоаннъ, яко Отецъ русской семьи радовался сердечно тѣмъ веселымъ русскимъ одушевленіемъ своихъ, ему любимыхъ и его любящихъ русскихъ духовныхъ чадъ... Неслыханное то въ тогдашнихъ временахъ событіе неимовѣрно оживляющее сдѣлало впечатлѣніе на присутствующихъ тамъ Русиновъ, — а то было будто предвозвѣстникомъ имѣющей въ короткомъ времени явиться новой doby для русской народности, когда возбужденное въ русскихъ Галичанахъ чувство народности своей съ полнымъ сознаниемъ имѣло выступити явно передъ цѣлымъ свѣтомъ, що и сбылось полъ года позднѣйше, въ мартѣ 1848 года.

Между священниками, присутствовавшими при томъ торжествѣ, были изъ знатнѣйшихъ: Крылошанинъ-кустосъ о. Ѳома Полянскій, — поч. крылошанинъ о. Василій Желеховскій изъ Старогомѣста, деканъ Самборскій — о. Василій Товарицкій изъ Старойсоли, деканъ Старосольскій — о. Іоаннъ Полянскій изъ Фульштина, деканъ Мокрянскій — о. Іос. Лаврецкій изъ Броницы, деканъ Добромильскій — о. Даніиль Гелитовичъ изъ Добромиля и др.

Съ понедѣлкою окончилось сіе знаменитое, въ жизни епископа Сѣвгурскаго и въ исторіи епархіи Перемышльской достопамятное торжество Хировское. Съ радостнымъ воспоминаніемъ того всего, що видѣли и слышали, попрощавшись сердечно съ возлюбленнымъ отцемъ — владыкою Іоанномъ, розѣхались ночью, въ большой части, приглашенные гости во свояси, не предчувствуя, що радость та переѣнится по нѣсколькихъ дняхъ въ горькую печаль, що больше не увидятъ сего сердечнаго и прелюбезнаго отца — владыку Іоанна, — не увидятъ того яснаго солнца, просвѣщающаго умы и розгрѣвающаго русскіи сердца...

Во вторникъ утромъ приготовлялось уже прашаніе епископа Іоанна и выѣздъ его въ Перемышль. Когда уже все было къ выѣзду готово, тогда мѣстный парохъ и еще оставшаяся въ Хировѣ часть духовенства собрались о 7 часѣхъ утромъ ради прашанія въ комнатѣ епископа. Парохъ о. Іоаннъ Залевскій принесъ при той случайности свое смиреннѣйшее благодареніе архіерею за честь, сдѣланную своимъ посѣщеніемъ городку Хирову, и за великій, милостиво поднятый трудъ при освященіи церкви. Епископъ Іоаннъ произнесъ въ отвѣтъ на то весьма похвальное слово пароху за его жертволюбіе и трудъ, понесенный при строеніи приходской церкви, съ желаніемъ, чтобы та ново-освященная церковь служила къ умноженію славы и посѣшествованію духовнаго добра повѣреннаго ему народа; также поблагодарилъ онъ духовенству за участіе и помощь при семъ торжествѣ, а потомъ, давши всѣмъ свое архіерейское благословеніе, удался возлюбленный владыка, окруженъ своимъ, вѣрнымъ ему духовенствомъ, якъ отецъ со своими любимыми дѣтьми, въ церковь, переполненную собравшимся народомъ, на Службу Божу, которую я »за всякое прошеніе« на желаніе епископа отслужилъ (вторникъ 18 Нед. по Сош. св. Духа, Ев. Луки, зач. 11). По окончаніи св. ли-

тургии, выйшолъ владыка изъ церкви въ сопровождѣ духовенства и множества народа и, поблагословивши всѣхъ, отѣхалъ съ крылошаниномъ о. Фомою Полянскимъ въ Перемышль. Прибывши же на сіе торжество кафедральныи священники, а съ ними и о. Антоній Добрянскій и я, отправились въ приготовленныхъ для насъ повозкахъ немножко поздиѣйше.

Прибывш. въ Перемышль въ само полудне, былъ я сейчасъ призванъ въ комнату епископа и вопрошенъ отъ него: »Есть ли еще о. Добрянскій тутъ?« На утвердительный мой отвѣтъ, що есть въ моей комнатѣ и уже готовъ къ отѣзду въ Валяву, сказалъ епископъ: »Просѣтъ его, чтобы остался у мене на обѣдѣ« (а столъ былъ уже накрытъ). Я примѣтилъ, що онъ уже въ одеждѣ подорожной. Не зря на то, велѣлъ мнѣ епископъ просити его, чтобы прійшолъ въ такой одеждѣ, въ якой есть. Съ якимъ милымъ радушіемъ, съ якою сердечностію принялъ предобрый владыка о. Антонія, то трудно описати. Сейчасъ былъ данъ обѣдъ — обѣдъ послѣдній — и мы только оба, о. Добрянскій и я, имѣли честь быти на томъ послѣднемъ обѣдѣ у незабвенного владыки Іоанна... При обѣдѣ былъ епископъ необыкновенно веселъ и въ дуже добромъ гуморѣ, съ причины хорошо удавшегося торжества, — разговаривалъ весело и пилъ здоровье о. Добрянского, благодаря его за отличную проповѣдь русскую. О. Антоній отвѣтилъ тостомъ за здоровье и долгоденствіе Его Превосходительства, нашего возлюбленного епископа Іоанна. Пращаніе, по оконченномъ обѣдѣ, было необыкновенно сердечное, якъ-бы въ предчувствіи, що то уже послѣднее....

День сей, т. е. вторникъ, перейшолъ еще частливо, — въ сѣреду же утромъ всталъ епископъ, якъ обыкновенно, о 6 часѣ, — около 8 часа почувствовалъ себе нездоровымъ и переняла его дрожь сильная. А когда я около 9 часа къ нему прійшолъ, ходилъ онъ одѣтый въ шубѣ по комнатѣ, на лицѣ посинѣлый, и

велѣлъ мнѣ призвати своего придворного лѣкаря Д-ра Зембицкаго, который, прійшовши, велѣлъ епископу ложитись въ постелю, приписалъ теплый напиток (тезанну) и послѣ сего отѣхалъ къ якому-то больному на село. — Епископъ не спалъ цѣлую ночь и чувствовалъ безмѣрные боли и колотье въ грудяхъ... Утромъ въ четвергъ, примѣтивши, що болѣзнь усилилась, а д-ра Зембицкаго еще нѣтъ дома, пошолъ я къ крыл. о. Ѳомѣ Полянскому и извѣстилъ его объ опасной болѣзни епископа, умоляя его, чтобы посѣтилъ больного архіерея или зарядилъ, чтобы якого другого лѣкаря завозвати; однакже онъ того не сдѣлалъ, только сказалъ мнѣ, чтобы послати по д-ра Зембицкаго, може уже пріѣхалъ домовъ. Я посылалъ нѣсколько разовъ и всегда мене его домашній увѣряли, що онъ вскорѣ пріѣдетъ, и едва ли его не видати; — однакже онъ не возвратился, ажъ послѣ полудня. Тогда, прійшовши, предписалъ онъ якую-то медицину, — но все то не помагало ничего. Опять была ночь бессонна, сильное колотье въ грудяхъ и горячка велика. Въ пятницу утромъ д-ръ Зембицкій велѣлъ пустити кровь изъ руки, — а въ полудне созвалъ, на наляганье крылошанъ, на „consilium“ д-ровъ Гальпорна и Бучаневича, а тиі видя, що уже нѣтъ ніякой надежды на жизнь, совѣтовали: снабдити больного архіерея св. Тайнами, которое-то дѣйствіе совершилъ крыл. о. Ѳеодоръ Лукашевскій, яко завѣдатель парохіи кафедральной. Отходя, сказали д-ръ Гальпорнъ и Бучаневичъ: »Два дни тому назадъ должно было велѣти пустити кровь, а сегодня уже — за поздно!«

По приобщеніи св. Тайнами, почувствовалъ епископъ Іоаннъ, що кончина его сближается... Собрались около его ложа, кромѣ крылошанъ и духовенства кафедрального и нѣкоторыхъ сродниковъ, также достойники мірскіи, — ц. к. староста Генрикъ Сааръ, начальникъ ц. к. дирекціи финансовой и др. Умирающій

владыка говорилъ къ всѣмъ по русски и повтарялъ часто тѣ слова: »Бывайте здоровы, — най васъ Богъ благословить. Я уже иду!« И по нѣкой хвилѣ обратился на бокъ — и отдалъ своего праведного духа Богу, о 3 ч. по полудни.... И сейчасъ заревѣли сумнымъ звономъ колоколы церкви кафедральной, осиротѣлой, возвѣщая вѣрнымъ о смерти возлюбленного отца-владыки Іоанна... Всѣ присутствующіи заплакали... И на площади передъ палатою слышанъ былъ плачь, ибо когда въ городѣ рознеслась вѣсть, що епископъ Сѣвгурскій умираетъ, собралось множество народа различного сословія передъ дверьми палаты, вопрошая слугъ придворныхъ и желая узнати, есть ли якая надежда на жизнь, — а когда услышали звонъ колоколовъ, тиснулись до палаты такъ, що староста Сааръ велѣлъ для удержанья порядка затворити двери, ведущіи изъ площади въ палату. (Собылось то 12 (24) сентября 1847.)

По наступившей кончинѣ епископа, было первымъ дѣломъ: перечитати завѣщаніе, чтобы узнати послѣднюю волю покойного архіерея. Тѣмъ занялись крылошане, о. Іоаннъ Селецкій, архипресвитеръ, и о. Тома Полянскій, архидіаконъ. Покойный епископъ имѣлъ великую калиту кожаную, которую всегда съ собою бралъ, отправляясь въ дорогу, и клалъ коло своихъ ногъ въ повозцѣ, — а во время погаса, когда удавался въ комнату, то бралъ ея съ собою. Въ той калитѣ находилось его завѣщаніе и все имѣніе, состоящее въ листахъ заставныхъ, а часть и въ наличныхъ грошахъ. Тожь и теперъ найдено въ той же калитѣ завѣщаніе, листы заставныи и 500 зр. мон. к. въ наличныхъ грошахъ.

Теперъ удалились крылошане и достойники мірскіи, взявши съ собою завѣщаніе и калиту въ салю гостинную, и тамъ, въ присутствіи тѣхъ всѣхъ, читали завѣщаніе. При тѣлѣ покойного остались молодшіи

священники и стали, при отвѣтныхъ молитвахъ, одѣвати покойного архіерея въ одежды священныи.

По перечитаніи завѣщанія, перечислили крылошане все имѣніе при свидѣтеляхъ и вручили оное крыл. о. Ѡомѣ Полянскому къ сохраненію.

Послѣ того собралъ архиересвитеръ, крыл. о. Іоаннъ Селецкій, всѣхъ крылошанъ въ зданіи капитульномъ на совѣщанія касательно похороновъ тѣла покойного епископа и тамъ постановлено: Въ Недѣлю по полудни перенести торжественно тѣло въ церковь престольную, а въ понедѣлокъ отправить чинъ погребенія іерейского и зауспокойную Службу Божу, по чемъ передать тѣло умершого, всѣми возлюбленного архіерея, землѣ на общомъ Благовѣщенскомъ кладбищѣ якъ было желаніе покойного, выраженное въ завѣщаніи, чтобы онъ почивалъ со своими вѣрными овцами вмѣстѣ.

О кончинѣ епископа Іоанна донесено сейчасъ митрополиту Михаилу Левицкому и его суфрагану епископу Григорію Яхимовичу. Но митрополитъ былъ уже съ долшого времени больной, а епископъ Яхимовичъ занедужалъ въ то время на февру, — и такъ оба не могли явиться на похоронахъ.

Также возвѣщено во всей епархіи Перемышльской ту сумную вѣсть, що скончался незабвенный епископъ Іоаннъ Снѣгурскій. При томъ постановлено завозвати декана и приходника Ярославского, о. Іоанна Гладышовского, чтобы сказалъ пращальное слово при внесеніи, тѣла покойного въ Недѣлю въ церковь престольную, — а въ день похороновъ принялъ ту должность на себе крылошанинъ о. Аивалъ Витошинскій, — и рѣшено, чтобы обѣ тѣ проповѣди были сказаны на языкѣ польскомъ. Я же предлагалъ, чтобы на недѣльную пращальную проповѣдь пригласити о. Антонія Добрянского, — и хотя на то крылошане согласились, то однакже то не состоялось, понеже о. Антоній не присталъ на то условіе, чтобы говорити на языкѣ поль-

скомъ погребальное слово надъ тѣломъ того, который, якъ выразился въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, во всей жизни своей тѣломъ и душою былъ искреннимъ Русинномъ.... Тоже осталось при о. Гладышовскомъ, который, хстя слылъ яко лучший проповѣдникъ, то однакоже въ то время, кажется, сильный жаль, стиснувшій сердце его, не позволилъ ему розвинути свою обыкновенную витійскую способность; тоже проповѣдь его по внесеніи мощей въ церковь не сдѣлала такого впечатлѣнія на слушателей, якъ того все надѣялись. За то въ день похороновъ, въ понедѣлокъ, проповѣдалъ прехорошо крылошанинъ о. Алеваль Витошинскій, и то съ такою силою слова и такъ чувствительно, що трудно было присутствующимъ при томъ жалобнымъ чинѣ отъ слезъ воздержатись...

Печальная вѣсть о кончинѣ всеми возлюбленного епископа Іоанна рознеслась, хотя тогда еще не было телеграфовъ электрическихъ, молнією по всей епархіи, такъ що уже въ Недѣлю прибыли многіи изъ близшихъ священниковъ въ Перемышль, щобы отдати незабвенному покойному отцу-владыцѣ послѣднюю услугу и уронити слезы благодарности и любви надъ могилою его.

Уже отъ трехъ дней возвѣщаль плачевный звонъ колоколовъ церкви нашей престольной, якоже и всехъ костеловъ латинскихъ, печальную вѣсть жителямъ города Перемышля о смерти всеми высокопочитаемого епископа Снѣгурского, — тоже когда приближалось время вынесенія тѣла покойного изъ палаты въ церковь, сталъ ококо 3 часа по полудни собиратись народъ розличного сословія передъ входомъ въ палату, ожидая прибытія духовенства, которое прислѣло о 3 часѣ, подъ проводомъ архипресвитера, крл. о. Іоанна Селецкого, а латинское съ епископомъ Францискомъ Вѣржхлейскимъ. По оконченіи приписанныхъ молебствій, роздался рыдательный звонъ колоколовъ каѳедральныхъ, а за нимъ костеловъ латинскихъ, въ знакъ начавшогося похоронного похода, — и уже слышно было изъ внутри па-

латы жалостное пѣніе клира, готовящегося къ выходу. На слухъ тогожь протискивается народъ толпою ко дверямъ палаты, — вдругъ появляется духовенство въ черныхъ ризахъ священническихъ, съ архипресвитеромъ крыл. о. Селецкимъ и лат. епископомъ Вържлейскимъ на челѣ, — а за ними, несена священниками, червонымъ машестромъ обитая домовина, въ которой почивалъ сномъ вѣчнымъ дражайшій владыка-отецъ Іоаннъ....

На видъ сей домовины переняло всѣхъ ужасно-печальное чувство, изображающееся на лицахъ стоящего предъ палатою народа; на многихъ ланитахъ видѣлись роненныя слезы и слышно было где-куда плачевный стонъ.*)

*) Воспоминаніе то о печальномъ чувствѣ и слезахъ не есть въ томъ случаѣ тщю формулою, повтаряющеюся обыкновенно при похоронахъ, — только настоящей дѣйствительностию, — ибо треба знати, кто и чѣмъ былъ епископъ Снѣгурскій для города Перемышля. Въ теченіи 29-лѣтнѣго своего епископства уже будто сросся епископъ Снѣгурскій съ Перемышлемъ, а Перемышль съ нимъ. Къ Снѣгурскому всѣ такъ были привыкли, що городъ Перемышль даже не далъ мыслитись безъ епископа Снѣгурского. Онъ былъ всѣми высокопочитанъ и любленъ. Епископъ Снѣгурскій былъ безпримѣрно популярною личностію въ городѣ Перемышлѣ, который въ то время не былъ такъ громадно заселенъ, якъ теперь, тожь было легче всѣмъ между собою знатись; — и кто-жь бы не зналъ такъ знаменитой личности, якъ епископъ Снѣгурскій, жившой больше, четверти вѣка въ Перемышлѣ? Его знали всѣ чиновники и вся войсковая знать, которыхъ онъ нѣсколько разовъ въ году принималъ у себе, знанный онъ былъ всѣмъ обывателямъ-помѣщикамъ польскимъ, изъ которыхъ многимъ помагалъ даваніемъ въ заемъ большихъ или меньшихъ капиталовъ грошевыхъ (якъ Иполиту Чайковскому изъ Дидятичъ 6000 зр. м. к.; см. Завѣщаніе §. 6), или вспомагалъ обанкрутованныхъ богатыми датками; — знакомъ былъ професорамъ и старшой молодежи, яко директоръ здѣшнѣго лицея философскаго; — знанный былъ мальчикамъ, встрѣчающимъ его при частыхъ прогулкахъ, цѣлующимъ руки его и получающимъ дары; — знакомъ былъ мѣщанамъ и селянамъ,

За домовиною непосредственно поступали капелланы покойного архіерея (настоящій и прежде бывшій, о. д-ръ Антоній Юзычинскій), съ нисигніями архіерейскими: митрою, патерицею и омофоромъ въ рукахъ,—также семья покойного, а за тѣми ц. к. староста съ чиновниками и достойники войсковыи, обыватели и др.

По опредѣленной прежде програмѣ, двинулся въ томъ же порядкѣ походъ изъ палаты улицею низшого Владыча (теперь ул. Сябгурского), а оттуда францисканскою и поезуитскою (теперь гимназіальною улицею) черезъ площадь школьную въ церковь престольную, сопровождаемый множествомъ народа розличного сословія. И такъ внесено тѣло покойного владыки въ церковь, въ которой онъ черезъ 29 лѣтъ приносилъ горячіи мольбы за благо временное и вѣчное дорогого ему народа русскаго передъ перестоломъ Всевышняго Бога... По поставленіи домовины по-среди церкви на сооруженный катафалкъ, произнесъ о. Іоаннъ Гладышовскій, парохъ Ярославскій, надгробное слово. Панихидою, всѣмъ собраннымъ духовенствомъ отслуженною, окончилось на сей день назначенное похоронное молебствіе.

Въ понедѣлокъ началъ совершатись чинъ погребенія священническаго, во время котораго лат. епископъ Вѣржхлейскій отчиталъ службу Богу. По окончившемся молебствіи погребальномъ слѣдовала заупокойная св. литургія, которую съ діаконами отслужилъ крылошанинъ—архипресвитеръ о. Іоаннъ Селецкій самъ, понеже тогда еще не было въ обыкновеніи совершати соборную Службу Богу. Безпосредственно по совершившейся

видѣвшимъ его въ церкви въ Недѣли и Свята; — знакомъ былъ и мужикамъ своего села Валявы и окрестности, якоже многимъ другимъ и зъ праздника св. Іоанна въ Перемышли; — знакомъ былъ евреямъ, почитающимъ его больше, нежели своего рабина, за многіи благодѣянія, имъ явленные. Тожъ жалъ и слезы были совѣмъ природнымъ послѣдствіемъ той всеобщей знаемости.

заупокойной св. литургии отправилъ епископъ Вѣржлейскій со своимъ клиромъ латинское погребальное моленіе, по чемъ слѣдовало прашальное слово, прехорошо и чувствительно сказанное крылошаиномъ о. Анѣаломъ Витошинскимъ,*) которое такъ трогательное сдѣлало впечатлѣніе на присутствующихъ, що на непосредно по семъ слѣдующее призваніе Матери нашей Церкви святой къ невыразимо-плачевному прашанію съ упокоившимся жалостнымъ пѣніемъ стихирь: »Прійдите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему,« съ рясными слезами приступали, особенно священники, обходя въ-округъ катафалкъ, и всѣ собравшія вѣрныи, а то мужчины и женщины, съ рыданіемъ къ цѣлованію креста и евангелія. Нѣскольکو разовъ говтарно стихирь, закѣмъ перейшли сотни цѣлующихъ.

По колѣнопреклонной прашальной молитвѣ и помазаніи тѣла елеемъ, взяли священники домовину съ тѣломъ дражайшого архіерея на рамена свои и, неся оную, обходили трикратно въ-округъ аркады внутри церкви, при пѣвнн троцарей воскресныхъ »Ангелскій соборъ,« въ знаменіе прашанія покойного архіерея съ Церковью своею и своими вѣрными до общаго воскресенія. — Дѣйствіе неимовѣрно трогательное, но при томъ и утѣшительное, даючи надежду свиданія на общомъ воскресеніи въ послѣдній день...

*) Латинскій клиръ, жадный при всякой удобной случайности блистати надъ русскимъ, радъ бы былъ, щобы, при надѣянномъ великомъ собраніи интеліягенци и народа, прославился ихъ лучшей проповѣдникъ, каноникъ Станиславъ Чайковскій; для того предлагали комитету похоронному его на проповѣдника во время похорона; но крылошане наши, по примѣру пок. епископа, не допустили того, щобы надъ тѣломъ ихъ архіерея нагробное слово проповѣдалъ латинскій священникъ и избрали къ тому крыл. о. Анѣала Витошинского, котораго витійски сказанная проповѣдь вправила латинниковъ въ такое удивленіе, що они принуждены были признати превосходство проповѣдника и выразили то свое удивленіе словами: »Мы не знали, що вы имѣете такъ хорошаго проповѣдника!«

По томъ обходѣ двинулось похоронное шествіе съ тѣломъ къ дверямъ церковнымъ, отозвалась жалостная пѣснь «Святый Боже» и сейчасъ раздался сумный звонъ колоколовъ... Носящій крестъ и хоругви явились на площади церковной, а за ними духовенство въ чорныхъ священныхъ ризахъ, въ предолгомъ ряду*), который окончивали священнодѣйствующій архипресвитеръ о. Іоаннъ Селецкій и лат. епископъ Францъ-Ксаверъ Вѣржхлейскій, поступающій передъ домовиною, несенною священниками, за которою капеланы, сродники пок. епископа, достойники и пр., ишли порядкомъ выше-сказаннымъ черезъ площадь школьную и рынокъ, дальше улицею Львовскою на Благовѣщенское кладбище, гдѣ покойный архипастырь желалъ почивати со своими вѣрными овцами. Множество народа различного сословія, интеллигенція, мѣщане и селяне, было такъ неслыханно великое, що, когда початокъ сего похода былъ уже на кладбищѣ, то конецъ его еще въ городѣ. Походъ сей заключали евреи, весь кагалъ съ рабиномъ и съ торою, въ праздничныхъ шабасовыхъ одѣніяхъ,— а когда народъ христіанскій наполнилъ кладбище, то евреи, оставшись на дорожѣ прямо воротъ кладбища, стояли въ порядку такъ долго, пока все не окончилось.

Передъ отвертымъ мурованымъ гробомъ совершило духовенство русское и латинское послѣднее надгробное молебствіе, а когда уже домовину имѣли полагати въ могилу, кинулись присутствующіи на домовину и дерли изъ ней поволоку машестровую, для сохраненія на памятку по покойномъ кусней сей матеріи. А то было въ тогдашнемъ времени въ обыкновеніи дѣлати только для особенно прославившихся мужей, тожь считалось то особеннымъ отличіемъ, явленнымъ лицамъ, высоко отъ всѣхъ почитаннымъ.**)

*) Русскихъ и латинскихъ священниковъ было выше ста.

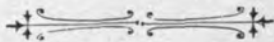
**) Такой чести удостоился, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1836), упокоившійся въ Перемышлѣ лат. каноникъ

По семь священнодѣйствующій архипресвитеръ покрошилъ гробъ священою водою, посыпалъ вложенную въ могилу домовину крестообразно перстію, при изреченіи словъ: »Господня есть земля, и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней,« и возгласилъ: »Блаженное усненіе и вѣчный покой нынѣ преставльшемуся отъ насъ рабу Божію архіерею Іоанну, и вѣчная память!« При трогательномъ пѣніи клира и народа »Вѣчная память« замуровано гробъ и засыпано землею... По чемъ пѣніемъ тропаря: »Земле зинувши, прійми отъ тебе созданное рукою Божіею тѣло, паки къ тебѣ возвращающееся, ты же прійми сіе яко свое,« — окончился чинъ погребенія незабвенного владыки-отца Іоанна Снѣгурского, — славы Церкви и Народа русскаго...

Со слезами оставлялъ осиротѣлый клиръ и весь народъ кладбище, съ печальнымъ чувствомъ въ сердцѣ, умоляя Бога, да учинитъ душу незабвенного владыки-отца въ дворѣхъ праведныхъ, »идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная.« Вѣчная ему память!

»Въ память вѣчную будетъ праведникъ и слуша зла не убоится...«

инфулатъ Францъ Фейгель, но понеже онъ, яко ряный патриотъ польскій, былъ неблагонадежный у тогдашнѣго ц. к. правительства, то считалось то событіе демонстраціею противоправительственной, вслѣдствіе чего всѣ почитатели его, обдиравшіи обои изъ домовины его, были привлечены полиціею къ отвѣчательности, а при похоронахъ епископа Снѣгурскаго самы ц. к. вышшіи достойники дерли обои.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Для дополненія настоящего жизнеописанія бл. п. епископа Іоанна Снѣгурскаго, прибавляемъ здѣсь еще нѣкоторыя статьи, относящіяся до того предмета и появившіяся въ своемъ времени въ »Перемышлянинѣ,« а именно въ »Перемышлянинѣ« на г. 1853 статью бл. п. Іосифа Левицкаго: »Исторія введенія музыкальнаго пѣнія въ Перемышль,« стор. 81—90,—и отрывки изъ статей Антонія Добрянскаго: »Вѣдомость историческа я о мѣстѣ Перемышль и окрестѣ того же имени,« зъ »Перемышлянина« на г. 1852,—»О институтѣ дяковъ и учителей для школъ народныхъ въ Перемышль,« стор. 118—121, »О семинаріи« стор. 21, которую выхлопоталъ еп. Снѣгурскій у правительства, наконецъ »О училищахъ въ Перемышль« стор. 121—123, где есть рѣчь о лицѣ, котораго епископъ Снѣгурскій былъ въ свое время директоромъ.

Исторія введенія музыкальнаго пѣнія въ Перемышль.

Поданье и списокъ различныхъ инструментовъ и писанныхъ нотъ при палатѣ архіерейской св. ВМ. Георгія переконуетъ насъ, що во Львовѣ епископы русскіи удерживали капелю, которой члены, кромѣ

дворскихъ забавъ, еще и въ церкви свято-георгіевской на инструментахъ вразъ съ голосами отогривали торжественныя Службы Божіи. Имена сихъ достойныхъ архіереевъ суть: Левъ Шептицкій, Петръ Бляинскій и Николай Скородинскій. — Во время послѣднѣго отличался Панковскій яко директоръ его капели. Кажуть, яко-бы изъ тѣхъ временъ находилась партитура, складающаяся зъ одного віолинъ-ключа, но мы увѣрити можемъ каждого, що музыкальныя письма, находящіися на складѣ палаты святоюрской для каждого голоса и каждого инструмента мають свои, ведля ключа писанныя ноты.*) Партитура о одномъ віолинъ-ключѣ введена въ семинаріи львовской тѣми питомцами, которыи где-що на скрипкахъ грати умѣли, бо четырехъ ключей цѣнія, сопрано, альто, теноре и басо, рѣдко где-кто съ початку XIX столѣтія изъ Русиновъ понималъ. — Року 1818 и 1819 питомецъ львовской семинаріи, Скабовичъ, яко слушатель философій, родомъ зъ Тернопольского, прислуховавшись еще яко студентъ гимназіи до р. 1814 напѣвамъ тамъ же существующихъ и тѣмъ циркуломъ владѣвшихъ Россіянь, — отличался во Львовѣ прекраснымъ высокимъ голосомъ и зручностію въ цѣніи, але въ большой части на память, нежели употребленіемъ выше-описанной партитуры.

Въ Перемышлѣ не находились жадныя инструмента, тѣмъ меньше ноты, на четыре ключи цѣнія уложенныя; не было о нихъ жадного преданія, хотя въ Перемышлѣ при каедрѣ по Кармелитахъ до р. 1828 находились органы, а въ Страшевичахъ, и до нынѣ еще и по монастыряхъ василіянскихъ, яко то: въ Дрогобычѣ и Гошовѣ находятся.***) Цѣніе тому каедральное при торжественныхъ Службахъ Божихъ

*) Смотри „Зорю Галицкую“ зъ р. 1852. Число 33, дня 30 цвѣтня, стор. 271.

**) Писана та статья г. 1853.

отправлялось на «самоволку», какъ кто потрафилъ со своими помощниками такое отдати, разумеется, всегда иначе, бо годъ было другій разъ такъ потрафити. Подписавшійся слышалъ такое пѣніе отъ р. 1808, чулъ также разъ на Рождество свят. Іоанна Предтечи и Крестителя, какъ на органахъ вразъ съ иными инструментами и котлами игралъ музыкъ Радловичъ торжественную Службу Божую. На тотъ самъ способъ р. 1825 и 1826 во Львовѣ музыкъ Роллечекъ, родомъ Чехъ, уложилъ былъ русскую литургію на четыре голоса вразъ съ инструментами, и такую во время юбилея 1826 р. въ церкви свято-георгіевской во Львовѣ, служившу Его Преосвященству Іоанну Снѣгурскому, при помощи славной сѣвчачки Барони отогралъ; — но правымъ Русинамъ тое не сподобалось.

Николай Нападіевичъ, д-ръ правъ, профессоръ и дѣдичъ села Вяцковичъ, будучи во свое время усерднымъ Русиномъ, дуже старался о тое, чтобы высшее пѣніе церковное до лучшаго, образованного вкуса воздвигнути, додавалъ охоты упомянутому Роллечку, котораго бл. пам. Іоаннъ Снѣгурскій щедро вынагорожалъ, — постарался о много партитуръ славнаго Бортнянскаго и тѣмъ подписавшомуся року 1828, чтобы изъ нихъ сдѣлать употребленіе, вручилъ. Подписавшійся, имѣвши честь отъ р. 1825 до 1832 быти завсегда при боку Его Преосвященства Снѣгурскаго, не опускалъ жадной случайности, чтобы разъ пѣніе торжественныхъ Службъ Божихъ исправити, понеже пѣніе, еще р. 1814 Іоанномъ Маршалкевичемъ въ Перемышлѣ на способъ Львовскаго введенное, и по селахъ, въ Радымнѣ, Дроздовичахъ, Валявѣ и Великихъ Мостахъ распространное, потомъ отъ р. 1819 въ Перемышлѣ Яковомъ Нероновичемъ удерживанное, показалось требованіямъ времени неотповѣдающимъ.

Было то въ осени р. 1828, коли одного разу при обѣдѣ Его Преосвященство, бл. пам. Іоаннъ Снѣгурскій, съ подписавшимся сталъ о музыкальномъ пѣніи росправляти, а признавши всѣ причины побудительныи, таковое пѣніе въ Перемышли ввести, справедливыми, сказалъ тѣ памятнии слова: »Вы много говорите, а не дѣлате.« — На се отповѣлъ подписавшійся: »Я не имѣю къ тому доконче потребныхъ средствъ.« — »Не журѣтся тѣмъ, лишь дѣлайте, а я не буду жаловати потребныхъ грошей!« — На то съ восторгомъ я сказалъ, що нынѣ будетъ первая лекція въ музыцѣ. И такъ повелѣлъ я прійти Винкентію Курянскому, спѣвавшему басса, и тотъ сталъ учити нотъ ведля четырехъ ключовъ пѣнія и таковыи выгошовати.

Первыи студенты той перемышльскои школы были юноши, находящійся въ палатѣ епископскои, якъ то: Михаилъ и Владиславъ Вербицкіи, Алексѣй Осика, Матѳей Пинковскій, Іоаннъ Абрамикъ, Георгій Чижевичъ и Іоаннъ Кордасевичъ. Музыкальныи письма, т. е. партитуры, были уже при рукахъ, а въ продолженіи времени еще и другіи спровадилъ я изъ-за границы. Такъ поступаючи ученики той цѣвчой школы, уже года 1829 могли всенародно въ каедрѣ съ хора цѣлюю Службу Божу спѣвати. — Но щожъ робити, найшлись пріятели и неприятели такового пѣнія, а то тѣмъ больше, що Винкентій Куряяскій, будучи уже старымъ и не знаючи генераль-басса, не могъ удержати точной гармоніи...

Дознавшись о томъ староста Перемышльскій Винклеръ, що бл. пам. Іоаннъ Снѣгурскій возлюбилъ музыкальное пѣніе, представилъ тому же своего метра музыки, Алойсіа Нанкого, що онъ съ охотою исправитъ высшее пѣніе каедрального хора ведля правилъ генераль-басса и, якъ только будутъ ученики къ тому способныи, на Великдень р. 1829 такъ же и его дочка содѣйствовати будетъ. Подписавшійся

по повелѣнію Его Преосвященства принялъ упомянутого Алойсія Нанке со всею чемностію, изъяснилъ ему тексты русскаго цѣнія и переписалъ, ради будущаго торжества великодного, для неумѣющихъ читати по русски, латинскими буквами а нѣмецкою орѳографією цѣлюю Службу Божу и еще где-которыи пѣсни литургическіи, якъ на пр. Христось воскресе, Тѣло Христово и т. д., подъ которыи тексты уложилъ А. Нанке прехорошіи квартеты, до нынѣ употребляемыи. И въ самомъ дѣлѣ: скинувши на передъ органъ, щобы подаремно не занималъ на хорѣ мѣстца, выступили панны Винклеръ и Шенкъ, дочка капитана всенародно, и отспѣвали съ выученнымъ хоромъ, подъ дирекцією выше-реченнаго А. Нанке, прекрасно цѣлюю Службу, за що слѣдовало признаніе вѣрныхъ и щедрое вознагражденіе епископа.

Тѣмъ первымъ счастливымъ случаемъ ободренъ, А. Нанке принялъ на себе дальшее обученіе сголосившихся студентовъ до пѣнія, за мѣрное вынагоженъ со стороны владыки. — Неумоимо поучались кандидаты пѣнію, подъ руководствомъ подписавшагося, а наставленіемъ Нанкого, и успѣвали въ томъ же шо день, а то такъ, шо епископъ рѣшился дати фундушъ 200 рен. серебромъ на содержаніе одного, уже выученаго и певнаго басса, до чога причинился отецъ А. Нанкого въ Бернѣ и прислалъ намъ Винкентія Серсавія года 1830, на самую Іордань. — Тѣмъ членомъ помноженный хоръ, сталъ крѣпитись и своими учениками по діецеzii, яко же и во Львовѣ, на пр. Хрисостомомъ Сѣнкевичемъ, Антоніемъ Гелитовичемъ и друг., по словамъ Іосифа изъ Болшова, славиться, о котормъ пѣніи бл. пам. професоръ физики Кржижъ окремый написалъ артикулъ и тотъ же г. 1831 въ духовной временописи др. Плецъ въ Вѣднѣ напечаталъ (Годъ 4. Томъ 2. Связокъ 3. Nго VI, стор. 159—164.), где такъ каже: »Пѣніе прехоорше, цѣли богослуженія совершенно отвѣтственное.» Подпи-

савшійся, доволенъ тѣмъ, що въ Перемышлѣ воздвигнулася школа музыкальнаго пѣнія, маючи вліяніе на Его Благородіе Господина Леона Сосновского, апелляційного чиновника и настоятеля Ставропигіи, сдѣлалъ то, що для учениковъ бursы принялъ учителя музыкальнаго пѣнія П. Миллера, получивши въ передъ отъ мене потребныи къ тому ноты, Серсавіемъ переписанныи, а послѣ также за директора пѣнія церковного и музыкальнаго, Якова Нероновича. Долгій часъ не могло высшее музыкальное пѣніе церковное во Львовѣ водворитись, — бо настоятели духовныи не могли до него навькнути. Годъ 1835 пособствовала тому пѣнію, понеже набоженство за усопшого императора Франца Первого, въ кафедрѣ латинской во Львовѣ отправляемое, доконче требовало высшихъ музыкальныхъ пѣвчихъ, ибо годъ было уже ведля партитуры о одномъ віолинъ-ключѣ сѣвати; тому лишь 8 питомцевъ отпѣли во время служенія Его Превосходительства, теперъ примаса Галиціи, цѣлую литургію ведля партитуры Перемышльской, съ признаніемъ музыкальной публики. Подвисавшійся былъ въ такъ счастливыхъ обстоятельствахъ, що коли г. 1835 съ Его Преосвященствомъ Сиѣгурскимъ, отѣхавши до Вѣдня, тамъ же у св. Варвары, пристроилъ ноты на всѣ голоса и партитуру способомъ нѣмецкой вымовы, ведля которой сѣвало 20 Нѣмцевъ, не розумѣвши ни слова зъ того всего, подъ дирекцію Долежала, родомъ Чеха, три святительскіи Службы Божіи, съ признаніемъ публики музыкальной, — чего свѣдкомъ былъ также Высокопреподобный о. Спиридонъ Литвиновичъ, теперъ крылошанинъ и парохъ при св. Варварѣ въ Вѣдни.*) А щобы то введеніе могло и позднѣйше продолжатись, лишилъ подписавшійся всѣ тѣ писанныи ноты на руки тогда управлявшого парохією о. Петра Паславского. Тому до нынѣ подобное пѣніе, щедротою Его Пре-

*) Писана тая статія г. 1853.

освященства куръ Григорія Яхимовича живимое, во славу народа русскаго продолжается.

Въ томъ самомъ времени, т. е. 1835 року, купилъ я также партитуры на простопѣніе церковное у пок. Гавріила Меглицкаго, свящ., которыи-то партитуры черезъ 15 лѣтъ въ бібліотецѣ кафедральной бесполезно лежали и доперва г. 1851 питомцемъ семинаріи Іоанномъ Скобельскимъ изъ пыли отрѣпаны, въ практику, при пособіи пр. о. Якова Досковскаго, въ институтѣ пѣвцевъ и учителей введенными были. Пречудное пѣніе!... Якая гармонія и якое величіе богослуженія! — Вотъ короткое, истое описанье развитія школы пѣвцевъ въ Перемышлѣ, которая-то школа до нынѣ держится и Его Преосвященствомъ Куръ Григоріемъ Яхимовичемъ щедро воспоминается. Та школа, хотя не достуила славы европейской, однакожь надѣя певна, що теперь уже, коли при гимназій учать спѣвати, не упадетъ, до чего Вяикентій Серсавій своимъ, въ Перемышлѣ неотступнымъ присутвіемъ причиняется.

Наконецъ признати мушу, що истый ученикъ Перемышльской музыкальной школы, теперь священникъ Михаилъ Вербицкій, сдѣлалъ ей своимъ талантомъ въ генераль-бассъ значительную славу, ибо где лишь выступовалъ, чи то во Львовѣ, чи въ Перемышлѣ, пріобрѣталъ достойны похвалы; подобно якъ и Любовичъ, питомецъ семинаріи Львовской архидіецезіи, г. 1852 при пѣніи, въ Велику Пятницу, отъ иностранныхъ изъ заграници сіе лишь слухати мусѣлъ: Хорошо, совершенно, прекрасно, пречудесно, отлично, преимущественно, превосходно и т. д.*) Когожь не повиненъ восхищати такой успѣхъ пѣнія музыкального въ тѣхъ-то временахъ, где пытанье о просвѣщеніи и образованіи Руси доси продолжается?

*) Зри „Зорю Галицкую“ зъ р. 1852, Ч. 34. стор. 281.

Намѣреніемъ моимъ было такожъ: всѣ важнѣйшія произшествія той музыкальной школы на образецъ Львописи до споряженной къ тому книжки записовати, которую я въ четверть связати далъ, и основаніе и происшествія важнѣйшія до року 1834 точно въ ней записалъ; — но съ жалемъ сказати мушу, що того никто изъ наслѣдниковъ моихъ не понималъ и то, що было записано, загинуло. Уваги достойнымъ и се, що, за вставленіемъ п. Константина Павликовскаго, дѣдича Рожубевичъ, на мѣстце А. Нанкого, г. 1833 принятъ былъ нѣкій Ормянинъ, именовъ Кречуновичъ, но сей человекъ, будучи черезъ полъ года директоромъ хора, въ зацутанныхъ своихъ обстоятельствахъ не отповѣлъ своему званію и опять принялъ А. Нанке дирекцію цѣнія, до чего уже перше на 32 таблицахъ деревянныхъ по 2 числа уложилъ былъ школу цѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ. Межъ цѣвчими Перемышльской школы отличался такожъ нѣкій Константинъ Бѣлорусинъ, который, спѣваючи сильнымъ басомъ, разумѣлъ и генераль-бассъ; — онъ пойшолъ г. 1837 въ Венгрію и учредилъ высшее музыкальное церковное цѣніе въ Унгварѣ (Ужгородѣ), въ діецезіи Мукачевской.

Отъ теперъ най сіе короткое начертаніе заступитъ затраченныя записки и будетъ доказательствомъ, що усердіе, неутомимое попеченіе малыми и непевными средствами, со временемъ можетъ выставити памятникъ неизгладимый и причинитися до славы не только обряда церковного, но и до просвѣщенія народнаго. Тому-то и въ институтѣ цѣвцевъ и учителей со временемъ стала выкладатись школа цѣнія, А. Нанкимъ написана, а досвѣдченъе показало, що въ теченіи одного года не можъ цѣнія музыкальнаго съ успѣхомъ выложити; для того, чтобы образованіе музыкальное перейшло въ нашъ народъ, помножено число кандидатовъ на цѣвчихъ и учителей до 24 и нѣкоторые по нѣсколько лѣтъ для цѣнія держатся и посѣщаютъ школы нормальныя. На содержанье того

института, кромѣ датковъ изъ парохій, купилъ бл. пам. Иоаннъ Снѣгурскій село Новоселки и отдалъ надзоръ надъ нимъ Всечест. капитулъ Перемышльской. Най же будетъ честь и слава покоящемуся праху бл. пам. Иоанна Снѣгурского, епископа, которого духъ радуется тѣмъ полезнымъ и славнымъ христіанскимъ дѣломъ, такъ якъ за житья николи безъ тѣхъ пѣвчихъ онъ не малъ Службы Божой въ капицѣ палаты а радъ ихъ слухалъ и не жаловалъ выдатковъ для заохоченія студентовъ къ пѣнію и для содержанья цѣлого заведенія, о чемъ онъ и въ своей духовной Грамотѣ тямилъ и на то заслужилъ, щобы имя его отъ рода въ родъ передавалось...

Списалъ

Іосифъ Левицкій,

супл. профессоръ Богословія Д. Пастырства.

Институтъ дяковъ и учителей для школъ народныхъ.

Общая жалоба духовенства епархіального на недостатокъ дяковъ ¹⁾, а необходимость заведенія училищъ низшихъ къ просвѣщенію народа, были поводомъ, що Его Превосходительство теперѣшній митрополить, а тогдашній епископъ Перемышльскій, выдалъ года 1816 дня 24 липня возваніе къ духовенству епархіи Перемышльской ²⁾, наклоняючи оное къ добровольнымъ даткамъ такъ въ грошахъ готовыхъ, ежегодно складаемыхъ, якъ и въ плодахъ земныхъ со-

1) Powszechnie dają się słyszeć utyskiwania duchowieństwa na niedostatek diaków. Nie tylko po parafiach, ale po większej części i niektórych dekanatów poustawały przepisane nabożeństwa. Lytye, Jutrznie i inne obrządku naszego Hymny czytana Liturgia zastępuje... (Возваніе къ духовенству изъ г. 1816.)

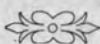
2) Зри списки урядови консисторіи зъ року 1815 и 1816.

стоящихъ, въ цѣли учрежденія заведенія пѣвчихъ церковныхъ и учителей народныхъ училищъ низшихъ. Въ слѣдствіе реченнаго воззванія, того самого року объявило духовенство писемно свою готовность жертвовать назначенную дань, утворенія ради вознамереннаго института, — который заразъ въ слѣдующемъ году 1817 первого паздерника утворенъ и управительству тогдашняго ученаго крылошанина, бл. п. І. Могильницкаго, подчиненъ былъ, уставы же того института, Его ц. к. Величеству предложенны, рѣшеніемъ съ дня 24 сернія 1818 подтверждены были. — Уже въ г. 1819 преподавались въ помянутомъ институтѣ слѣдующіи предметы учебныи: Логика крылошаниномъ І. Могильницкимъ, наука вѣры свящ. Кордасевичемъ, парохомъ Пралковецкимъ, граматика словенская и русская свящ. Маршалкевичемъ, наука численія свящ. Михальчикомъ, викаріемъ катедр., языкъ нѣмецкій Терлецкимъ викаріемъ, языкъ польскій и писанье парохомъ Борисевичемъ изъ Коровникъ, пѣніе церковное регентомъ катедральнымъ 1).

Року 1829 призвалъ вѣчно-памятный епископъ І. Свѣтурскій искуснаго въ музыцѣ мужа, Бл. Нанко-го, которому учрежденіе вышого хора по нотному роскладу и поученіе воспитанниковъ сего института въ согласномъ пѣніи поручилъ, чтобы тіи, обучившися общихъ правилъ пѣнія, также и въ епархіи пѣніе церковное совершати способными быти могли. Сей народолюбивый епископъ назначилъ также постоянную плату для учителя пѣнія нотнаго и управителя хора, а чтобы и духовенство отъ утяжливой, ежегодно складаемой дани освободити, купилъ онъ село Новоселки подъ Кальварією и назначилъ доходы его на учрежденный институтъ, съ условіемъ, чтобы ежерочно

1) Зри списки сего института.

24 пѣвчихъ воспитованы были, — но понеже доходы сіи не выстарчали на содержаніе 24 воспитанниковъ, духовнымъ своимъ завѣщаніемъ постановилъ, щобы недостающая сума изъ прочихъ его отказаній (легалтовъ) въ пользу сего института доплачивалась.

Семинарія.

Семинарія русская въ Перемышли, въ которой только питомцы четвертого года Богословія до теперь помѣщены суть, заведена року 1845 первого октября н. ст. — Первымъ управителемъ еи былъ Всечест. о. Ѳома Полянской, тогдашній кустось капитулы, первымъ духовникомъ Юсифъ Держко, а первымъ префектомъ Юс. Сембратовичъ.

Училища.

Іезуиты имѣли въ монастырѣ своемъ школы, въ которыхъ не только латинскій языкъ, но также любомудріе и богословіе преподавали. По уничтоженіи чина того подѣ владѣніемъ австрійскимъ, назначено весь монастырь его на школы нѣмецкіи и гимназіяльныи, въ которыхъ бывший іезуитъ Гадамскій Яковъ, яко первый префектъ, управлялъ ними до р. 1787. По немъ былъ первый префектъ гимназіяльный изъ мірскихъ Игнатій Савичевскій. Що касается науки вѣры, тую каждый учитель мірскій въ своей класѣ самъ преподавалъ, ажъ наконецъ Гавріиль Крыницкій, священникъ русскій, року 1806 первымъ катихитомъ былъ опредѣленъ, а якъ той по нѣсколькихъ лѣтахъ умеръ, прійшошь на его мѣстце Михаилъ Корчинскій, позднѣйшій латинскій владыка Перемышльскій. Бывшого въ Перемышль р. 1817 цѣсаря Франца прошено, щобы кромѣ школъ гимназіяльныхъ еще и любомудріе и богословіе заведено было, на що Найяснѣйшій Монархъ

рѣшеніемъ своимъ изъ дня 17 януарія 1818 позволить благоволилъ, а такъ гимназія здѣшняя перетворена была въ лицей. При ней былъ епископъ Свѣгурскій директоромъ, а крылошанинъ о. Тома Полянскій вице-директоромъ любомудрія.—Число учениковъ, по-сѣщавшихъ школы гимназіяльны въ Перемышляхъ, было разъ меньшее, разъ большее; для лучшаго обозрѣнія кладется оно ту зъ колькохъ лѣтъ: р. 1789 было 141 учениковъ гимназіяльныхъ, р. 1795 — 285, 1800 — 458, 1809 — 231, 1812 — 220, 1815 — 262, 1820 — 442, 1825 — 400, 1830 — 355, 1835 — 277, 1840—299, а р. 1851 во всѣхъ восьми классахъ 404, межъ которыми 160 Русиновъ, 222 латинниковъ и 13 жидовъ.

Послѣдняя воля бл. п. епископа Іоанна Свѣгурскаго.*)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Не вѣдаючи дня ни години смерти, освѣдчаю мою послѣднюю волю въ слѣдующій способъ:

1ое. Всеобщимъ дѣдичемъ цѣлого моего движимаго и недвижимаго маетку установляю Высокопреподобный соборъ крылошанъ русско-Перемышльскій, съ изъятіями, низше выраженными.

2ое. Изъ рѣчей, въ палатѣ владычой Перемышльской находящихся: а) книжки, мапы, портреты, дале-

*) Понеже тестаментъ или „послѣдняя воля“ бл. п. епископа Іоанна Свѣгурскаго есть нагляднымъ и презрѣющимъ объявомъ благородного и народолюбивого расположенія души его, про то, якъ при каждомъ, до сей хвили появившомся описанія жизни того незабвенного владыки, въ додатку умѣщенъ текстъ того акта,— такъ при „Житіи Іоанна Свѣгурскаго,“ описанномъ черезъ Іосифа Лозинскаго (Львовъ 1851), якъ и при „Житіи“ того же архіерея, написанномъ черезъ П. Наумовича (г. 1884, изданіе Общества им. Мих. Качковскаго),— и мы отпечатали для такой же самой иллюстраціи образцевого житія бл. п. епископа І. Свѣгурскаго полный текстъ его тестаментъ здѣсь яко V-ое прибавленіе къ теперѣшному Жизнеописанію бл. п. Іоанна Свѣгурскаго и къ Воспоминаніямъ его послѣднаго кацелана о немъ.

когляды, присуджую и записую соборови крылошанъ Перемышльскому русскому для книгосбора крылошанского, а ванну мѣдяну для церкви престольной; золотый ланцухъ, въ роцѣ 1844 купленный, первому экзекутору послѣдней воли, перстень, отъ бл. п. графа Куропатницкаго дарованный, другому, а часосказъ золотый кишенковый третѣму экзекутору послѣдней воли; що собѣ все безъ судового вдавannya заберуть; б) изъ серебра: столовыхъ ложекъ сорокъ, ложекъ до кавы тридцать, ножовъ и вилдельцевъ серебрянныхъ тридцать паръ, призначаю *pro fundo instructo* для владыцтва русско-Перемышльскаго; в) изъ мающихъ продатись коней запряжныхъ, двохъ каретъ, повоза и порцеляны столовой, вызолоченной, по бл. памяти епископѣ Голашевскомъ купленной, суму грошевую присуджую на капиталъ для убогихъ Перемышльскихъ; г) изъ одежи: сукни барвы фіолетовой и крою священническаго съ футрами легую и записую моему свящ.-капелянови, а сукни барвы и крою свѣтскаго, бѣлизну до тѣла, постелю съ колдрами и заголовками, хустки, обувь, — моимъ слугамъ въ палатѣ; тѣ рѣчи для свящ.-капеляна и слугъ вызначать экзекуторы послѣдней воли и послѣ своего мѣня межи всѣ слуги, безъ интервенціи судовой, въ натурѣ роздадутъ; д) всѣ иныи рѣчи, въ палатѣ Перемышльской лишившіся, якъ то: мебели, бѣлизну столовую, образы, рещту серебра, начинья столовыи и кухонныи мѣдянныи, снаряды господарскіи, орудія и пр. (вынявши вина въ цивницѣ и що до инвентаря владычого и до катедры належить), легую и записую моимъ кривнымъ, Анастасіи и Іосифови Плошовскимъ, Евдокіи и Василию Товарницкимъ и Маріи и Іосифови Полянскимъ. Экзекуторы послѣдней воли подѣлятъ тіи рѣчи на три ровныи части и вспомненнымъ тремъ родинамъ черезъ тягненье лосовъ безъ впливу судового въ натурѣ выдадутъ.

Зе. Понеже мѣстца (*stalla*) въ уставахъ Крылоса русско-Перемышльскаго не суть всѣ обсажены для

недостатку фонда, прото обдумалъ я фондъ для крылошанина-канцлера капитульного черезъ заведеніе книгопечатни при катедрѣ, крылосови впередъ еще дарованной. Хотячи также дальшому недостаткови лицъ, при катредрѣ потребныхъ, зарадити, въ той цѣли каменицу въ Перемышли, »Старый циркулъ« звану, подѣ Ч. 36 въ рынку положенную, съ новымъ будынкомъ, легую и записую соборови крылошанъ русско-Перемышльскому, съ тѣмъ обовязкомъ, щобы изъ приходовъ той каменицы слѣдующимъ лицамъ: а) священнику, который въ книгоборѣ крылошанскомъ порядокъ держати, книжки до читанья *servatis servandis* и Исторію владычую катедры, епархіи, крылоса и дѣла, памяти годныи, списывати будетъ, нагороду рочную сто реньскихъ серебр.; в) проповѣдникови другому заплату рочную триста реньскихъ серебромъ; г) покаянными трудящомуся заплату двѣстѣ пятьдесятъ реньскихъ ср.; д) предстоятелю закрестіи заплату рочную двѣстѣ пятьдесятъ реньскихъ серебр.; е) священнику, который граматуку, исторію и литературу языка русско-словенского церковного для кандидатовъ стану духовного въ тутейшомъ институтѣ науковомъ выкладати будетъ, нагороду рочную сто реньскихъ сер.; ж) учителеви музыки голосовой, которого обовязкомъ будетъ: въ институтѣ дяковъ и учителей,—кандидатовъ при катедрѣ русской, также стипендіатовъ Добрянского, Могильницкого и иныхъ, — въ генераль-бассѣ, въ пѣннѣ музычномъ и гармонійномъ учити и при богослуженіи пѣніемъ дириговати, заплату рочну двѣстѣ реньскихъ сер.; з) учителеви, который кандидатамъ въ институтѣ дяковъ и учителей пѣніе церковное, Ирмологіонъ, Тицикъ, писанье, численье, Пасхалии, изчисленье ведля »Руки Дамаскина« и инши потребныи предметы удѣляти будетъ, заплату рочную сто реньск сер., або, если тии науки въ институтѣ дяковъ межи двохъ учителей подѣлены будутъ, каждому що года по пятьдесятъ реньск. серебр. — Отже

въ сумѣ тысячу триста реньскихъ серебромъ, числячи три сороковцы на одинъ реньскій, крылось русско-перемыльскій що-годъ дабы выплачоваль, а рещту чистыхъ приходовъ зъ той каменицы подъ ч. 36 яко причинокъ до Новоселець, и облигаціи, впередъ еще крылосови отступленнии, на содержанье 24 кандидатовъ що-рочно въ институтѣ дяковъ и учителей при катедрѣ русской щобы оберталъ. Прошу также высокое правительство краевое, щобы надъ выконаньемъ той легаціи и содержаньемъ 24 кандидатовъ въ институтѣ дяковъ и учителей чувати изволило.

1. Увага.

Понеже чинши изъ каменицы подъ Ч. 36 не суть сталии и смѣнѣ подлежатъ, прото моя воля есть, щобы крылось чистый приходъ изъ книгопечатни владычой, при катедрѣ заведенной, по установленіи заплата рочной 800 реньск. сер. для крылошанина-канцлера капитульного, такъ долго на капиталъ оберталъ, поки для лицъ, подъ Ч. 3) а, б, в, г, д и е выраженныхъ, рочныи заплаты и нагороды на всѣ случаи и смѣны забезпечены не будутъ.

2. Увага.

Выше подъ Змъ до б, г и д вспомненныи священники, проповѣдникъ, трудящійся покаянными и предстоятель закрестіи, должны будутъ въ институтѣ дяковъ и учителей, одинъ яко подъ-директоръ, дозоръ держати непосредственный и тѣмъ же кандидатамъ методику въ русскомъ языцѣ преподавати, другій науку религіи и исторію библіїную въ языцѣ русскомъ выкладати, третій тѣмъ кандидатамъ съ граматикою русско-словенскою церикопы въ книгахъ церковныхъ, що отъ дяковъ сѣвватись звыкли, толковати и объясняти. Тѣ обовязки консисторія подѣлитъ межи вспомненныхъ священниковъ, ведля ихъ способности и ревности.

3. Увага.

Воля моя есть, щобы мѣстца (*stalla*) и труды выше подъ 3) до а, б, в, г, д и е выраженные, отъ дня опорожненья найпозднѣйше въ другомъ мѣсяцѣ обсажала консисторія, а въ случаѣ долшого опорожненья ажъ до обсаженья тѣхъ же, крылось буде звычайную заплату до фонда вдовицъ и сиротъ священническихъ епархіи перемышльской выплачовати.

4. Увага.

На фольваркахъ находящіися рѣчи, якъ то: добытокъ всякого рода, збоже, мебели, орудія, снаряды домовыи, вынявши до инвентаря владычого *pro fundo instructo* записанныи, легую и записую моимъ роднымъ, Анастасіи и Юсифови Плошовскимъ, Евдокіи и Василию Товарницкимъ и Маріи и Юсифови Полянскимъ. Всѣ рѣчи на фольваркахъ роздѣлять экзекуторы послѣдней воли на три ровныи части и черезъ тягненье лосовъ на три реченныи родины, которыи подѣломъ довольны быти маюгъ, безъ интервенціи судовой въ натурѣ роздадутъ.

5) Долги и позосталости у подданныхъ въ сбожу, грошахъ, панщинѣ, чиншахъ и всѣхъ данинахъ совѣмъ дарую и умерщвляю, прото тѣ залеглости отъ подданныхъ не будутъ вымушованы.

6) Три тысячи реньскихъ серебр. силою грамоты изъ дня 4-го мая 1836, и три тысячи реньскихъ серебр. силою грамоты зъ дня 30 сѣчня 1839, въ сумѣ шесть тысячь реньскихъ серебр., у Вельможн. Ипполита Чайковского на добрахъ Дытятичи, Щещицы и Островъ декретами ц. к. судовъ шляхетскихъ львовскихъ интабудованныи, назначаю для церкви престольной русско-Перемышльской и хочу выразно, щобы тотъ капиталъ, которымъ соборъ крылошанъ русско-Перемышльскій, подъ дозоромъ высокаго правительства

краевого, заряджати будетъ, николи сменьшеннымъ не былъ, а отсотки съ того капитала щобы на такіи потреби церкви престольной Перемышльской обертаны были, до которыхъ залагоженья патронъ, доминія и парафіяне не суть обовязаны. А если такихъ потребъ не будетъ, щобы отсотки изъ каждого року черезъ вкладанье до кассы ошадности, або закупленье листовъ заставныхъ галиційскихъ, на капиталъ обертаны были, дабы тѣмъ способомъ первый капиталъ 6000 реньск. на всѣ непредвидѣнныи случаи для церкви престольной Перемышльской наросталъ и помнажался; въ той цѣли крылось русско-Перемышльскій будетъ обовязанъ помноженье первого капитала консисторіи выказовати.

7) Суму десять тысячъ реньскихъ серебр. въ листахъ заставныхъ галиційскихъ признаваю для священника-учителя, который въ тутейшомъ институтѣ науковомъ богословіе пастырское и катехетику кандидатамъ званія духовного въ русскомъ языцѣ выкладати будетъ, съ тѣмъ додаткомъ, щобы такой учитель рочныи отсотки, отъ wspomненной сумы 10.000 реньскихъ серебр. припадающіи, яко рочную заплату побиралъ. Если отдѣльный священникъ на ту заплату рочную не найдется, можетъ тѣмчасово одинъ изъ крылошанъ або священниковъ катедральныхъ, до удѣлянья богословія пастырского и катехитики въ русскомъ языцѣ за способного признаный и отъ правительства апликованный, wspomнении отсотки яко нагороду побирати. На случай, если бы высокое правительство пастырского богословія и катехитики въ русскомъ языцѣ слухати и такого учителя апликовати при тутейшомъ институтѣ богословскомъ не позволило, моя выразная воля есть, щобы выше-реченная сума 10.000 реньск. серебр. до моихъ родныхъ Анастасіи и Іосифа Плошовскихъ, Евдокія и Василя Товарницкихъ и Маріи и Іосифа Полянскихъ въ равной части належала и имъ яко ихъ власность безъ всякой суперечки выдана была.

8) Суму пять тысяч реньск. серебр. въ листахъ заставныхъ галиційскихъ назначаю для пятнадцати убогихъ школярей тудейшой епархіи, въ Перемышль до школъ нормальныхъ ходящихъ и черезъ русско-Перемышльскую консисторію ведля существующихъ для стипендистовъ приписовъ усопособленныхъ, съ тѣмъ додаткомъ, чтобы такимъ 15 школярямъ по испытанъ, съ добрыми клясами и обычаями отправленныхъ, въ полурочныхъ ратахъ зъ выпадающихъ отъ реченной сумы 5000 реньск. серебр. отсотковъ, каждому въ равной части запомогу соборъ крылошанъ русско-Перемышльскій выплачивалъ. Учениковъ, которые ту запомогу побирати будутъ, обязую, чтобы въ пѣніи хоровомъ и музычномъ вправлялись и въ тудейшой церкви престольной русской, въ дни торжественныи и Недѣли, на хорѣ спѣвали.

9) Тысячу реньскихъ серебр. въ грамотѣ заставной галиційской, также вина въ пивницѣ палаты перемышльской, легую и записую для института вдовицъ и сиротъ священническихъ епархіи Перемышльской. Комисія того института листъ заставный на 1000 реньск. серебр. съ купонами до своей кассы отбереть, вина, по моемъ похоронѣ лишившіися, безъ интервенціи судовой продасть и собранную суму на капиталъ для wspomненного института обернуть.

10) Изъ листа заставного галиційского на пятьсотъ реньск. серебр. экзекуторы послѣдней воли, безъ интервенціи судовой, выплатятъ на руки пароховъ и провизоровъ церковныхъ, на потребности церквей въ Валявѣ, Вильчѣ, Вилюнечахъ, Страшевичахъ, Бусовискахъ и Берестянахъ, до каждой церкви по 60 реньскихъ серебр., отже разомъ 360 рень. серебр., а рещту роздадутъ на руки пароховъ и провизоровъ церковныхъ для убогихъ въ Валявѣ, Вильчѣ, Вилюнечахъ, Страшевичахъ, Бусовискахъ и Берестянахъ, до каждого села въ равной части.

11) Суму пять тысяч рень. серебр. въ листахъ заставныхъ галиційскихъ признаю для катедры русско-Перемышльской на стипендіи Службъ Божихъ за души помершихъ, помочи потребующихъ. Моя выразная воля есть, щобы тотъ капиталъ пять тысячъ рень. серебр. подъ зарядомъ консисторіи русско-Перемышльской и дозоромъ высокаго правительства въ цѣлости оставалъ, а отсотки рочныи, зъ того капитала выпадающіи, щобы консисторія русско-Перемышльская межъ священниковъ катедральныхъ, або зъ епархіи прибывшихъ, запомоги потребующихъ, на стипендіи Службъ Божихъ, числячи по сорокъ пять крейцаровъ серебр. за Службу Божу свѣтванную, а по тридцать крейцаровъ серебр. за Службу Божу читанную, що року роздавалъ, дабы тѣмъ способомъ въ катедрѣ Перемышльской въ дни будныи Службы Божіи за души помершихъ по всѣ часы отправлялись. — Многость Службъ Божихъ, изъ рочныхъ отсотковъ wspomненого капитала 5000 рень. серебр. выпадающая, должна быти въ теченіи каждаго року отправлена и выказъ отправленныхъ повинностей черезъ предстоятеля закрістіи що-року консисторіи предложенный.

12) Суму двѣ тысячи рень. серебр. въ листахъ заставныхъ галиційскихъ признаю для семинаріи русско-Перемышльской, съ тою вымѣнкою, щобы той капиталъ 2000 рень. серебр., которымъ крылось русско-перемышльскій подъ дозоромъ высокаго краевого правительства заряджовати будетъ, по всѣ часы въ цѣлости позосталъ, а отсотки рочныи зъ того капитала щобы въ одной половинѣ на закушленье пишемъ богословскихъ періодичныхъ, воспитаникамъ придатныхъ, для семинаріи русско-Перемышльской, въ другой половинѣ на закушленье книжокъ для книгосбору крылошанскаго русско-Перемышльскаго що-року обертаны были.

13) Изъ листа заставного галиційскаго на пятьсотъ рень. серебр. экзекуторы послѣдней воли, безъ интервенціи судовой, выдадутъ для убогихъ перемышльскихъ триста пятьдесятъ реньскихъ, для лицъ при катедрѣ русско-Перемышльской слѣдующихъ, якъ то: для кандидатовъ въ институтъ дьяковъ и учителей сорокъ рень. серебр., для двоихъ реентовъ 20 рень. серебр., для дѣдовъ катедральныхъ 20 рень. сер., а для Братства св. Николая на свѣтло 50 реньскихъ серебромъ.

14) Изъ листа заставного галиційскаго на тысячу рень. сер. экзекуторы послѣдней воли безъ вplyву судебного подѣлятъ ведля своего мнѣнія межи спѣваковъ музыкальныхъ при катедрѣ русской сто рень. сер.; также выплатятъ Михаилу Мидзину, возному, бывшему служь, сто рень. сер., Яцкови Саварину, служь, двѣста рень. сер., Яцкови Скочилясу, лакею, сто рень., другому лакею сто рень. сер., кухарю сто рень. сер., возницѣ сто рень. сер., форисю 40 рень. сер., кухтѣ 50 рень. сер., другому кухтѣ 50 р. сер. и сторожу въ палатѣ 50 р. сер.

15) Листъ заставный на пятьсотъ рень. сер. признаю на выдатки похоронныи и обовязую Высокопреподобный крылось русско-Перемышльскій, а именно экзекуторовъ послѣдней воли, щобы моимъ похоронномъ заняться хотѣли. — Желаніе мое есть, щобы тѣло мое, безъ всякой анатомичной секціи и безъ бальсамованья, на цминтарѣ общомъ съ моими духовцами въ гробѣ сложено было.

16) Обовязую крылось русско-Перемышльскій, щобы священники, выше подъ 3) вспомненныи, о моей душѣ тямил и каждого року въ день моей смерти спѣванную Службу Божу соборную съ парастасомъ за мою душу и моихъ родителей Іоанна и Евфросины по всѣ часы въ катедрѣ отправляли.

17) Що-до пункта, выше подъ 3) описанного, додаю, що выпадающій зъ каменницы подъ Ч. 36. »Старый циркуль« званной, чиншъ за одну четверть г. вынимаю и той же признаю для Юсифа Плошовского, управителя добръ владычихъ, зъ причины, що той же направою и будованьемъ въ »Старомъ циркуль« трудился, для того крылось русско-Перемышльскій обовязанъ будетъ, чиншъ зъ каменницы подъ Ч. 36, за одну четверть року выпадающій, Юсифу Плошовскому, или его наслѣдникамъ безъ всякой суперечки вы- платити.

18) Даю власть экзекуторамъ послѣдней воли, щобы отъ листовъ заставныхъ галиційскихъ, въ той послѣдней воли подъ Ч. 7-мъ, 8-мъ, 12-мъ и 13-мъ вспо- мненныхъ, безъ интервенціи судовой купоны, за одно полурочіе по моей смерти до выплачованья занавшіи, отняли, тѣ въ институтъ кредитовомъ Львовскомъ на готовыи гроши вымѣняли, изъ той сумы капелянови, при мнѣ будущому, двѣстъ рень. сер., а Ивану Куши- кевичу, мандаторови Валявскому, двѣстъ рень. сер. выплатили, а рещту лишившуюся на дробныи выдатки въ часть путешествія по фольваркахъ при исполненіи моей воли послѣдней при собѣ задержали.

19) Освѣдчаю, що до ніякихъ долговъ не почув- ваюсь, для того если, кромѣ выше-вымѣненныхъ ле- гатовъ и записовъ, по моей смерти якая грошешая сума лишится, воля моя есть, щобы экзекуторы послѣдней воли, безъ интервенціи судовой, лѣкаря и аптеку за- спокоили, также въ день моего похорона двѣстъ рень. серебр. межи убогихъ безъ розницы религіи роздали, а рещту лишившуюся межи три родины моихъ род- ныхъ, Анастасію и Юсифа Плошовскихъ, Василя и Евдокіи Товарницкихъ и Марію и Юсифа Полянскихъ, въ равной части подѣлили.

20) Экзекуторомъ той моей послѣдней воли устанавливаю высокопреподобный Соборъ крылошанъ

русско-Перемышльскій, который изъ своей среди три лица яко экзекуторовъ тестаента до исполненья той моей послѣдней воли избереть. Прошу высокое правительство краевое и обовязую моихъ на владыцтвѣ наслѣдниковъ и всѣхъ священниковъ-крылошанъ Собора русско-Перемышльского, чтобы то мое распоряженъе выконали. Такая есть моя послѣдняя воля, которую власною рукою я писалъ и подписую.

Въ Перемышль, дня 13 Септембрѣя 1847.

Иоаннъ Сиггурскій.

По перечитаніи той послѣдней воли, суди самъ, честный читателю, що то за человекъ былъ, и скажи съ псалмопѣвцемъ :

*Въ память вѣчную будетъ праведникъ,
Онъ слуха зла не убоится...*

Жизнеописание бл. п. Иоанна Снѣгурского,

написанное на нѣмецкомъ языкѣ Фомою Кунцекомъ, директоромъ ц. к. гимназій въ Перемышлѣ — и напечатанное въ „Jahresbericht des k. k. Obergymnasiums zu Przemyśl für das J. 1856/7, Wien, 1857, стр. 91 — 93: Blätter des Andenkens. II Blatt.“*)

Seine Exzellenz Johann Snigurski, gr. k. Bischof und Direktor der philosophischen Lehranstalt.

Der Hochw. Herr Bischof Snigurski, den 18. Mai 1784 zu Brzeſciany in Galizien geboren, besuchte die Normal- und Gymnasialschulen zu Sambor, die philosophische Fakultät zu Lemberg und die theologische als k. k. Konvictzögling zu Wien, wo er auch ausgeweiht, zum Dr. der Theologie kreirt und als Pfarrer bei St. Barbara angestellt wurde. Hier erhielt er auch die Würde eines Domherrn der Przemyſler Diözese. Im Schuljahre 1818 bekleidete er die Würde des Dekans der theologischen Fakultät an der Wiener-Universität. Endlich ernannte ihn Se. Majestät Franz I zum Bischof von Przemyſl, wo er am 31 August 1818 installirt wurde. Am 3 Okt 1826 übernahm er die Direction der philos. Lehranstalt und führte das Amt in eigener Person bis zum Jahre 1833, wo er sich einen Gehülfen erbat und solchen in der Person des jetzigen gr. k. Archipresbyter Thomas Polański unter dem Namen eines Vize-direktors erhielt. Er starb am 24 Sept. 1847.

Hier ist wieder eine seltene Persönlichkeit zu schildern... Wie wird da die Sehnsucht nach Meisterschaft der Feder rege, um ein Bild zu entwerfen, treu und würdig trefflicher Männer!

Der Himmel hat über den Bischof die Farben des Friedens, der Sanftmuth und Milde ergossen, und seine Stellung gebot ihm, überall vermittelnd und versöhnend aufzutreten, überall Eintracht und Frieden zu bringen...

An welcher edlen Natur geht das Leben vorüber, ohne vielfachen Sturm im Gemüthe zu erregen? Alle Gegensätze, alle Leiden des Herzens durchkämpfte er für sich in seinem Arbeitszimmer, oder in seiner Hauscapelle; sie lösten sich in Ruhe und Eintracht auf, und im Auftreten war der Friede Gottes über sein Wesen verbreitet. Diese sanfte, herablassende Güte, die sich in Allem und gegen Alle gleichmässig aussprach, wirkten so wohlthuend, dass sich die Men-

*) Подъ тѣмъ заглавіемъ напечатанъ здѣсь двѣ биографіи, составлены тѣмъ самымъ авторомъ. Первую: „I Blatt“, бывшего профессора всемірной исторіи и высшей педагогикіи на лицѣ въ Перемышлѣ, Франциска Крейчого, рожденного 16 лютого 1777 въ Новомъ Замку (Neuschloss) въ Чехахъ, а умершого въ Перемышлѣ 16 іюня 1847, вторую же Іоанна Снѣгурского, которая то вторая биографія здѣсь дословно умѣщается—для того, що всегда есть важнымъ признакомъ дѣятельности и характера епископа Снѣгурского нерусскимъ человекомъ, а помимо того точь въ точь сходное съ характеристикою, списанною черезъ автора тепершніго жизнеописанія и воспомнаній, т. е. его послѣднѣго домового капелана. Подавши головныя моменты жизни обоихъ мужей, а то: Крейчого и Снѣгурского, которые современно дѣйствовали на перемышльскомъ лицѣ, первый яко профессоръ, другій яко директоръ,—сравниваетъ характеры ихъ директоръ гимназій въ Перемышлѣ Ф. Кунцекъ тѣмъ словами:

Am Schlusse mögen die zwei Persönlichkeiten in einem Bilde eingrahmt hingestellt werden:

Wenn der Bischof einem freundlichen Junfsmorgen gleich, auf dessen thaugekühitem Teppiche die Lebenslust athmet, so gleich der Professor mehr den ersten Frühlingsgewittern, deren Blitze die schwüle Atmosphäre reinigen, deren Donner die Erde erschüttern, deren Wolken segensreichen Regen herabsenden und alles Starre lösen, so dass alle Lebenskeime fessellos und mächtig die Hüllen durchbrechen und das frische, lebensfrohe Antlitz im Strahlenglanz der Sonne baden.

schen wie von einem Magnete zu ihm hingezogen fühlten, dass in seiner Nähe alles die Gestalt des Friedens annahm und so gerne in Heiterkeit übergieng. Nichts machte ihm im geselligen Leben mehr Freude, als wenn sich bei seinen Tafeln das Gemüth ganz fessellos machte, wenn die heiterste Laune aus dem Becher emportauchte, wenn Frohsinn und Munterkeit im Antlitz glänzte, wenn Witz und Scherz von den Lippen quoll. Da lachte er selbst so herzlich, und sein freundliches Wort spornte aufmunternd zur neuen Belebung, und im gewechselten Kleide sprang die Laune aus dem Becher und hüpfte von Lippe zu Lippe. Weil ein jeder wusste, wie ungenirt er sein dürfe, so brachte er schon den Frohsinn mit. Man ging so gerne zu diesen bischöflichen Tafeln, einzig weil jeder das Bewusstsein in sich trug, dass hier die Herzen, bei Bewahrung des grössten Anstandes, in Munterkeit zwanglos überwallen und frischgekräftigt ins Leben wieder zurückkehren konnten.

Wiewohl diese grosse Gastfreundschaft aus der Herzensgüte hervorgieng, so hatten doch die bischöflichen Tafeln eine höhere Bedeutung. Wie bei dem Manne alles den Charakter der Herzenswärme trug, so fühlte er auch für seine Regierung, die ihm das Heil einer umfangreichen Diözese anvertraute, eine warme, innige Treue und Anhänglichkeit. Er wusste dieses Gefühl nicht besser zu offenbaren, als dass er an allen, für die Monarchie überhaupt und für das geliebte Kaiserhaus insbesondere wichtigen Tagen, und bei sonstigen Veranlassungen, wie namentlich am Jordansfeste (am Tage der h. drei Könige, am 6 Jänner nach dem Julianischen, und am 18 Jänner nach dem Gregor. Kalender), die mannigfachen Glieder des Staates in seinem Hause vereinte, hier die Herzen in Fluss brachte und zum Einklang stimmte, hier um alle ein einigendes Band schlang, so dass die Gesellschaft ein lebensheiteres Bild einheitlicher Staatsglieder darbot. Priester und Laie, Civil- und Militärbearbeiter, im Aktiv- oder Pensionsstand, Edelmann und Bürger, wogten hier bunt unter einander.

Seine Güte erstreckte sich gleichmässig über alle, ohne Unterschied der Religion und Nationalität. Die israelitische Armuth, das israelitische Spital haben nicht minder die Liebe des Christen, wie die Bauern auf dem Dorfe die wohlthätige Hand des Bischofs und gnädigen Herrn empfunden, wie denn überhaupt Niemand sein Haus verliess, ohne ein tröstendes Wort oder mögliche Hülfe erhalten zu haben.

Seine Herablassung und Güte waren so allgemein bekannt, dass auf seinen Spazierfahrten, wobei er sich im Freien zu Fuss ergieng, die Kinder von allen Seiten herbeiliefen, um die milde Hand des Bischofs zu küssen. Kann man auch nicht behaupten, dass nicht hiebei auch eine kleine Eigennützigkeit im Spiele war, indem ja immer aus dem bischöflichen Füllhorn etwas Blankes in die Hände schlüpfte, so ist doch die Ablegung aller Scheu von Seite der Kinder, vor eine so hohe Persönlichkeit mit lächelnder Zutraulichkeit zu treten, der schönste Beweis für die Güte des Mannes.

So hatte es der Bischof für eine wesentliche Aufgabe seiner Stellung angesehen, die Centripetalkraft zu sein, welche die Menschen an sich zog, um in ihnen das Bewusstsein der Einheitslichkeit im grossen Ganzen lebendig zu erhalten, und ihre Herzen in Eintracht und Liebe zu verbinden.

Die Charakterzüge und diese Wirksamkeit des Bischofs war J.J. Majestäten und den übrigen Hoheiten des Kaiserhauses wohl bekannt. Er genoss die grösste Achtung und Anerkennung, die sich bei

jeder Gelegenheit und zuletzt durch Ertheilung der Würde eines Geheimraths kund gab.

Es war in dem Manne auch nicht ein Funke von der Sucht zu glänzen, um etwa selbst Tafelfreuden zu geniessen. Diese Tafeln, auf dem rosigen Teppiche des Herzensgrundes reichlich gedeckt, sind nichts anders, wie die Gaben des h Nikolaus zu deuten. Es machte ihm Freude, andere vergnügt zu sehen...

Aus dem Gesagten könnte sich vielleicht der Gedanke entwickeln, der Bischof müsse bei diesem allseitigen Wohlwollen arm gestorben sein.

Indessen jene Tafeln waren doch nur freundliche Einzelnerscheidungen des Jahres. Bei den Tugenden der Selbstbeherrschung, Mäßigkeit und Sparsamkeit, die er an seiner Person streng übte, ward es ihm möglich, aus den reichlicheren Mitteln seiner Stellung ein Privatvermögen zu sammeln. Diesem beschloss er, in reiner Regung des Herzens und im Ueberblicke der Verhältnisse und der Forderungen höheren Lebens ein schönes Ziel hinzustellen, wodurch er sich ein dauerndes Denkmal in der Geschichte der Monarchie setzte.

Der griechisch-katholische Gottesdienst schliesst neben dem Kirchengesange jede Musik aus. Der Bischof, der das Bedürfniss nach einem schönen Choralgesange fühlte, berief nun auf eigene Kosten einen gründlich gebildeten Tonkünstler ins Land, liess ihn im Lesen der altslavischen Schrift und im Verständniss des Textes unterrichten und übergab ihm dann die Leitung eines Instituts von Kirchersängern. Die Wechselfälle des Lebens berechnend, stellte er ihm einen zweiten Lehrer zur Seite, als einstweiligen Gehülfen und späteren Leiter. Um schöne Stimmen zum Eintritt und fleissigen Besuch des Instituts zu gewinnen, gab er jedem Chorknaben eine monatliche Unterstützung.

Damit das Institut Fortdauer und Bestand habe, fundirte er für alle Zeiten eine jährliche Gehaltszulage von 100 fl. für den Gesanglehrer und mehrere Handstipendien für Chorknaben, die aus der Zahl der Schüler der Hauptschule gewählt werden sollten, weil früher schon der Domherr Mogilnicki und der Pfarrer Dobrzański bereits 25 solcher Stipendien für Gymnasialschüler gestiftet haben.

Ferner fundirte er die Gehalte eines 6ten Domherrn von 800 fl., eines 2 Dompredigers von 300 fl., eines Poenitentarius von 250 fl., eines Präfekten der Sacristei von 250 fl

Seine Bibliothek schenkte er dem Kapitel und ordnete an, dass sie mit der Domherrn-Eawrowski-schen Bibliothek vereint und dem jedesmaligen Ueberwacher derselben eine jährliche Remuneration von 100 fl. gegeben werde. Diese vereinte Bibliothek zählt circa 18,000 Bände.

Durch diese Stiftungen bewies der Bischof, dass er tief in das menschliche Leben blicke. Er wusste, was menschliche Verhältnisse festkitten und heben...

Durch die Einführung eines schönen Choralgesanges drückte er dem Gottesdienste den Stempel einer grösseren Feierlichkeit und der Schönheit auf; er wirkte dadurch wohlthätig ein auf die Stimmung und Veredlung der bethenden Herzen.

Durch das Institut kam er neben den zwei anderen verehrten Stiftern dem Leben weise zu Hülfe. Er machte es vielen wackeren

Jünglingen möglich, sich den Studien zu widmen, dabei das musikalische Talent zu bilden und sich durch dasselbe — denn wer kann wissen, wo der göttliche Funke inwohnt und sich zur Strahlenfülle entfaltet? — wenigstens der Welt anzuempfehlen, wo nicht ein dauerndes Glück zu begründen. Er bedachte, dass viele der Chorknaben selbst Priester werden, dass sie den Schönheitssinn unter die Dorfgemeinde bringen und hier theils durch eigenen Gesang, theils durch Gründung kleiner Gesangschulen die Feierlichkeit des Gottesdienstes erhöhen können.

Beachtenswerth ist hiebei, dass diese Handstipendien nicht gross, dass sie bloss eine wohlthätige Beihülfe sind, und so wie einerseits die Thätigkeit des Jünglings niemals schlummern lassen, so andererseits mehreren zu Theil werden können, — dass die Schüler für diese Beihülfe arbeiten müssen und das Bewusstsein tragen, sich ihren Lohn verdient zu haben.

Diesem Institute weist der edle Nachfolger, der Herr Bischof Gregor Freiherr von Jachimowicz, sorgsame Pflege. Auch von seiner Seite erhalten die Chorknaben monatliche Gaben.

Der Herr Bischof Snigurski war durch volle 21 Jahre der Leiter der philosophischen Lehranstalt. Er verlor sein Amt nie aus dem Auge, benahm sich übrigens nur beobachtend. Denn da er seine Untergebenen kannte und wusste, mit welchem Ernste und Fleisse, Sittlichkeit, Achtung der Gesetze, Pflichttreue und Bildung angestrebt werden, so glaubte er seine Berufspflichten am besten dadurch zu erfüllen, dass er ihnen volle Freiheit in jeder Mühewaltung überliess. Die Untergebenen verstanden ein solches Vertrauen zu schätzen, sie benahmen sich dessen würdig, und so freute sich der Director seiner Professoren und die Professoren ihres Directors. Es herrschte ein bewegtes geistiges Leben.

Bedeutsam sei noch die Bemerkung hinzugefügt: Kampf und Streit waren in der ganzen Natur des Mannes ungekannte Potenzen.

Омилія бл. п. Іоанна Свѣгурского въ г. 1813.*)

(Homilia pro Dominica 17-a post Pentecosten.)

Любимыи христіане! Нынѣшнее Евангеліе оповѣдаетъ намъ слѣдующую повѣсть:

Одного времени пришедъ Іисусъ во страну Тирскую и Сидонскую. Жена иѣкая Хананейска, поганинка, пришла отъ тыхъ предѣлъ до Іисуса и возопи ко нему глаголюще: Помилуй мя, Господи, Сыне Давидовъ, дщи или дочка моя злѣ бѣснуется. Іисусъ же жадного отвѣта ей не давъ. Егда приступыше ученицы моляху Іисуса, глаголюще: Отпусти жену, яко она, во слѣдъ насъ поидеть и вопіеть, Іисусъ же отвѣщавъ: Нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Ізраилева, то есть: азъ посланъ отъ Бога есмь, дабымъ найперше жидовъ научавъ, и такъ ихъ черезъ пріятіе науки моей счастливыми сотворивъ.—Жена же приближися до Іисуса, поклонилася ему и глагола: Господи, позволи ми и исцѣли дщи, или дочку мою. Онъ же отвѣщавъ: Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ (хлѣбъ, значитъ науку, чуда и иныя добродѣйства Іисусова, чада — суть жидове, которые чадами Божиими назывались, псы засъ значитъ поганины или невѣрныи) тѣмже Іисусъ тыми словами гла-

*) Омилія сія списана бл. п. Іоачномъ Свѣгурскимъ латинскими буквами собственною рукою, переписана авторомъ настоящаго сочиненія русскими буквами, умѣщается здѣсь на доказъ, якое тогда было знаніе русскаго языка въ якомъ направленіи онъ у насъ началъ пробужатись.

голетъ: Нѣсть добро, науку мою, чуда и иныя добродѣйства жидомъ отъяти, и уже теперь дати поганиномъ, или невѣряимъ. — На тѣи же слова жена рече: Ей, Госноди, ибо и псы ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ, то есть: мене ради не будутъ жидове имѣти шкоду, я не хочу имъ тѣи добродѣйства отъяти и прошу, такъ якъ зъ крупицъ зъ трапезы падающихъ и чадомъ непотребныхъ псы ядятъ, такожде и Ты можешь менѣ добро сотворити и черезъ тое жидамъ ничего не отимется. — На тѣи слова жены отвѣчавъ Иисусъ: »О жено! велія есть вѣра твоя и упованіе на мене, буди тебѣ, якоже хочещи.« И отъ того часа исцѣли дщи или дочку ея.

Видимо, любимыи Христіане, же Иисусъ Христосъ молитву той жены Хананейской, которая молила о исцѣленіе дщери своей, не заразъ услышавъ; такожде и съ нами Господь Богъ дѣлаеть; егда мы о что прошенія наша до Бога приносимо, многажде въ той часъ насъ не услышитъ и наша прошенія не исполнить. Послухаймо, чего ради Господь Богъ молитвы наша не услышитъ.

1) Найцрвая причина, для которой Господь Богъ нашія молитвы и прошенія не слышаетъ, есть тая, же мы часто просимо о таковыя вещи, которыя намъ самымъ альбо другимъ суть шкодливыя и беззаконныя. Мы многажде подобныи естесьмо нерозумнымъ дѣтямъ, которыи отъ своего отца альбо матери желаютъ тое, чтобы имъ истинно шкодити могло; такожде и мы часто о такіи вещи Бога просимо, которыя намъ альбо другимъ вредити, или шкодити могутъ.

Такъ наприкладъ отецъ альбо мати молится о исцѣленіе своего немощного отрочати, и егда отроча не исцѣлѣеть, на Бога нарѣкають, а не помыслять, собѣ и не вѣдаютъ, же тое отроча, егда бы долшее время жило, могло бы родителей своихъ въ срамоту и стыдъ привести, альбо себе самого несчастливымъ

сотворити. Другій молится о высокій степень достоинства, а не вѣдаетъ, же въ краткомъ времени можетъ тое достоинство утратити, а тогда послѣдняя горшая будутъ первыхъ.

Воистину, Господь Богъ не могъ бы больше и горше нѣкоторыхъ людей карати, якъ когда бы имъ все тое удѣливъ, о что они его просятъ, понеже черезъ тое самое, егда бы отъ Бога утримали, несчастливими были бы. Инныи просятъ Бога о такія вещи, которыя разумъ нашъ и наука Христова намъ заказуютъ. Нѣкотор ѿ мститель, хотяще ся надъ своимъ непріятелемъ помстити, проситъ Бога о способное время и силы, дабы ему могъ шkodити. Якъ же можетъ Господь Богъ молитву тую услышати? И кто же есть причину, же такія прошенія не будутъ услышаны,—Богъ альбо человекъ? Воистину, человекъ самъ есть причину.

2) Многожде Богъ не услышитъ молитвы наша для того, понеже мы не молимся угоднымъ и приличнымъ способомъ, якъ Господь Богъ хочетъ, дабысьмо молилися. Иисусъ, который найдѣше вѣдавъ, въ якомъ состоянїи прошенія и молитвы наша быти повинны, кажетъ намъ, дабысьмо ся молили, здаючися на волю Божию, дабысьмо ся молили съ смиреннымъ сердцемъ, или покорою, съ упованїемъ и безирестанно.

Но якъ мало есть молитвъ нашихъ, которыя бы вся тая свойства или власности имѣли!

Понеже мы не всегда вѣдаемо, что до нашего спасенія потребно есть,—Богъ убо, яко всевѣдущій и знающій, найдѣше вѣдаеть, что намъ полезно и пожиточно есть, подобаеть и надлежитъ намъ такожде во всѣхъ нашихъ молитвахъ на волю святую его здатися и о тїи вещи, которыи до спасенія нашего не принадлежатъ, токмо подъ тою кондиціею просити, егда премудрость Божая для насъ яко добрая и пожитечная находить. Такъ творивъ Иисусъ Христосъ, Учитель нашъ; егда уже время страстей и терпѣній

его пришло, паде онъ на лица своемъ, моляся и глаголя: »Отче мой, аще возможно есть, да мимоидеть отъ мене чаша сія страстей и терпѣній — обаче не моя воля, но твоя воля да будетъ.« (Лук. 22,42.).

Такое званіе на волю Божию многимъ недостаетъ при ихъ моленіяхъ. Они примушаютъ Бога, что, якъ много и когда имъ дати долженъ есть, яко бы мы найлъпше вѣдали, что до спасенія потребно есть! Инымъ недостаетъ на смиренію или покорѣ; мнимають, же черезъ молитву якую услугу Богу дѣлають и же Богъ для той услуги моленія ихъ услышитъ и исполнитъ;—о такихъ глаголетъ Евангеліе: »Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же дасть благодать.« (1 Петр. 5.)

Нѣкоторыхъ молитвы Господь Богъ не услышаетъ для того, понеже не имѣють упованія и надежды на Бога.

Богъ всемогущій, премудрый и преблагій, хотящій всѣмъ нашимъ нуждамъ помощи, достоинъ есть, дабысмо все наше неограниченное и неопредѣльное упованіе въ Немъ покладали. Якъ много старався Иисусъ Христосъ тое упованіе своимъ ученикамъ вліяти, не сомнѣйтесь или не повонтчивайте, рече онъ, яко Отецъ небесный, иже Онъ васъ любитъ, никогда ваши природныя прошенія не отвержетъ: Просите и дастся, ищите и обрящете, толците и отверзется вамъ. Кто бо есть человекъ, его же еще воспроситъ сынъ его хлѣба, егда мѣсто хлѣба камень подасть ему? Или аще рябы просить, еда мѣсто рябы змію подасть ему? Аще убо вы человекъ лукавыи и грѣшніи суще, умѣете чадомъ вашимъ даяніа блага даяти, кольми паче или бардзѣй Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него! (Мѣ. ч. 7—11.)

Недостатокъ такожде въ нашихъ моленіяхъ есть той, же мы, егда Господь Богъ насъ заразь не услышитъ, перестаемо въ нашихъ прошеніяхъ. Иисусъ Христосъ въ веси Геѣсиманской трижди молился, да-

бы Отецъ небесный чашу страстей и терпѣній отъ него отвернулъ, — и хотя тая молитва его услышана не была, однакожь не переставъ молитися.

Имѣемъ прикладъ и въ нынѣшномъ Евангеліи на женѣ Хананейской, которая просила Иисуса о исцѣленіе дщери или дочки своей, и хотя Иисусъ тую молитву заразъ не исполнивъ, однакожь она не перестала просити. — Такжеже и намъ такъ въ молитвахъ нашихъ пребывать належить. Если Господь Богъ насъ заразъ не слышаетъ, то имѣетъ на то свои добрыи и премудрыи совѣты и протягаетъ намъ помощь дати, понеже альбо тое есть для нашего добра, альбо дабысьмо цѣну давно пожаданныхъ благъ лѣпше познали и дабысьмо тымъ бардзѣй во благочиніи и терпеливости училися.

Егда Богъ заразъ не услышетъ прошенія, тогда нѣкоторый человекъ стается негодующій или гнѣвный — и мыслить собѣ: Молитва моя ничего менѣ не помогаетъ, — Богъ не можетъ альбо не хочетъ мене слышати,—и перестаетъ до Бога молитися. Чи тогда такой нетерпеливый человекъ не есть самъ причиною, же Богъ прошенія и молитвы не услышитъ?

3) Бываетъ такжеже недостатокъ въ молитвахъ отъ нашего сердца, съ якимъ мы молимся.

Егда хочемо, дабы молитва наша Богу пріятна и отъ него услышана була, повинна тая походити зъ сердца, отъ грѣховъ чистого, альбо принаймѣй зъ сокрушенного и кающогося.

Якъ есть возможно, дабы человекъ, который отъ грѣховъ не есть очищенный, ни тежь воли щирой до покаянія и поправы житья не имѣетъ, дабы такой человекъ Богу пріятно молитися могъ? Доколь онъ невольникъ грѣховъ есть и въ грѣхахъ счастливость свою покладаетъ, не можетъ имѣти правдивое желаніе о добродѣтели или цноту и о вѣчное спасеніе. Тѣмже не можетъ зъ щирого сердца о такія вещи Бога просити, которыя до вѣчнаго спасенія потребныя суть.

Непокаянному грѣшнику недостаетъ также потребное упованіе на Бога. Якъ бо можетъ онъ съ правдивымъ упованіемъ до Бога очи свои вознести и ему прошеніе принести, егда власное сердце его осуждаетъ и ему глаголетъ, же онъ о любовь и благоволеніе Отца небеснаго мало что старается, и овшемъ, Божій гнѣвъ на себе стягаетъ?

Видимо зъ того, же молитва, которая не походитъ зъ чистаго и сокрушеннаго сердца, не можетъ быти Богу пріятна, а еднакъ молятся многи съ такимъ сердцемъ, которое ани отъ грѣховъ очищенное, ани тежъ до покаянія широй воли не имѣтъ. Якже есть возможно, дабы молитва его услышана была?

Памятаймо же, любимыи, егда ся до Бога молимо, просѣмъ найпервѣе о такія вещи и даянія, которыя намъ суть до вѣчнаго спасенія души нашей потребная, о иная зась токмо подъ тою кондиціею, егда премудрость Божая полезная и пожитечная для насъ находить. Въ нашихъ моленіяхъ здаваймося на волю Божию. Прошенія наша да будутъ полученныя съ упованіемъ на Бога и да походятъ зъ сердца, отъ грѣховъ чистаго, альбо сокрушеннаго и кающагося.

Наконецъ памятаймо такожде и о томъ, же, хотя бы насъ Господь Богъ въ нашихъ моленіяхъ не услышавъ, не переставаймо еднакъ въ молитвахъ. А егда такъ до Бога молитися будемо, можемъ быти певнии, же Господь Богъ, хотя не заразъ, еднакъ наша прошенія и молитвы выслушаетъ. Аминь.

Vienna die 9 Octobris 1813.*)

*) Записка, также собственноручная, бл. п. Іоанна Сибѣурскаго, при концѣ той омиліи находящаяся: *Vesperae accepi nunciationem venturas esse crastina die pro Sacro Magnas Principissas Russiae Mariam et Catharinam.*

Выписка

изъ книги: „Liber Ordinatorum,“ хранящейся въ архивѣ русской консисторіи въ Перемышль.

Т. II. ab a. 1741 ad 1758, p. 20.

Symeon Snihurowicz Andreae Presbyteri et Theodosiae Conjugum legitimorum Filius, oriundus ex Dioecesi Premysliensi, Villa Brzesciany, annorum 25. In Ostiarium, Lectorem, Exorcistam, Acolytam — die Mercurii 17-ma Mensis Octobris VI. ad aedes Stmi Salvatoris. Et die 31-ma Mensis ejusdem et Anni currentis (1744) in Subdiaconum et Diaconum, ac demum die 4-ta Mensis Novembris anni currentis in Presbyterum vigore inscriptae per Rndum Stephanum Snihurowicz Parochum Brzescianensem pro medietate Fundorum et Parochiae Provisionis pro Vicariatu ad Ecclesiam Parochialem Brzescianensem ordinatus.

Въ якомъ отношеніи стоялъ, походящій изъ Берестянь, Симеонъ, сынъ Андрея и Θεодосіа, къ Стефану, пароху Берестянь, неизвѣстно, — но изъ выше-сказанного можно бы догадаться, що Андрей, пресвитеръ, былъ предшественникомъ Стефана въ душпастврствѣ въ Берестянахъ, — може отцемъ, — а Симеонъ Стефана братомъ, которого онъ яко своего сотрудника изъ недостатка фонда на свой счетъ принялъ.

Повеже въ обыкновеніи тогдашнихъ временъ было, що въ душпастврствѣ сынъ по отцу слѣдовалъ, тожь предполагается, що и епископъ Іоаннъ Сябгурскій, родомъ изъ Берестянь, сынъ священника тамошняго, изъ той самой происходилъ родины, т. е. изъ священнической

семьи „Снѣгуровъ,“ которыхъ, можетъ быть, якъ то часто дѣялись звѣкло, самыя прихожане изъ почтенія называли Снѣгуровичами, или Снѣгурскими, якъ изъ Дѣдичовъ Дѣдицкіи, изъ Грабовъ Грабскіи, Грабовичи, Грабинскіи, — изъ Котовъ Котовскіи, Котовичи; а могла та перемѣна дѣялись и въ школахъ отъ учителей, чего находимъ многи примѣры, особенно въ давнѣйшихъ временахъ. Для того встрѣчаемъ и въ книгѣ „Liber Ordinatum“ Т. III стор. 43: Alexander Smigurski, стор. 110: Jacobus Snigurzewski, вѣроятно изъ той самой родины происходящихъ.

Когда отецъ епископа Іоанна Снѣгурского былъ поставленъ парохомъ въ Берестянахъ, не извѣстно, пожеже книга „Liber Ordinatum“ отъ 1776—1796 года въ теченіи временъ запропастилась... Що онъ былъ тамъ парохомъ нѣсколько лѣтъ передъ 1784 г., то предполагается изъ того, що епископъ Іоаннъ, родившійся въ томъ году, имѣлъ двоихъ старшихъ братьевъ, которыи въ молодыхъ лѣтахъ упоконились, якъ о томъ упоминается въ его жизнеописаніи.

Примѣчаніе. Берестяны есть днесъ дочерняя церковь Успенія Пресв. Богородицы, принадлежащая до матерней церкви въ Раковѣ, деканата Старосольского, въ епархіи Перемышльской.

Бібліографическіи извѣстія,

относящіися къ бл. п. Іоанну Сяѣгурскому.

1) Житіе Іоанна Сяѣгурского, владыки перемышльскаго и проч., описанное Іосифомъ Лозинскимъ, парохомъ въ Яворовѣ и проч. Во Львовѣ. Типомъ Ставр. Института, 1851. (Стор. 1—46.)

(Зри бібліогр. И. Левицкаго, I. н-ръ 687.)

2) Житіе бл. п. владыки І. Сяѣгурскаго, написалъ И. Наумовичъ (изданіе Общества имени Качковскаго). Львовъ, г. 1884.

3) Архіерейское посланіе изъ даты: въ Перемышли дня 30 Серпня 1818 р., которымъ бл. п. епископъ Іоаннъ увѣдомляетъ клиръ и вѣрныхъ о своемъ вступленіи на перемышльскій владычій престолъ. Въ листъ 3 картки. (Jan Snigurski z Bożej łaski biskup Przemycki, Samborski i Sanocki, etc.)

(Зри бібліогр. И. Левицкаго, I. н-ръ 47.)

4) Архіерейское посланіе изъ даты: въ Перемышли дня 3 Марта 1847, содержитъ въ собѣ постановленія що-до отпуста, наданного папою Піемъ IX (Сяѣгурскій Іоаннъ Божією милостію Епископъ Перемыскій, Самборскій и Саноцкій и проч., стор. 2.)

(Бібліогр. И. Левицкаго, I. н-ръ 347.)

5) Оды въ честь Іоанна Сяѣгурскаго и Элегіи по поводу его смерти, печатію изданныи и хранящіися въ бібліотецѣ русскаго »Народнаго Дома» во Львовѣ:

а) Оказанія Высокого почтенія Его Преосвященству Господину Іоанну Снѣгурскому, Епископу перемыскому и проч., въ день Св. Іоанна Богослова дня 8 Мая, года 1829, въ Валявѣ, черезъ іерея Іосифа Левицкого. Въ Львоградѣ. Тупомъ Института Ставропигійскаго, стор. 4. — Яко мотто умѣщенъ на челѣ стихъ Богдановича:

Внѣшній блѣскъ прохѣдитъ такъ какъ дымъ,
Но красота дѣши свой образъ сохраняетъ,
Всегда влечѣтъ оумъ, всегда сердца пѣкнетъ.

в) Стихъ въ честь Его Преосвященству Курь Іоанну Снѣгурскому, Бискупови Перемыскому и проч., въ день Св. Івана Богослова, дня 8 мѣсяца Мая, року 1837 въ Валявѣ, яко въ день его высокаго тезоименитства: Іосифомъ Левицкимъ, Парохоомъ Школьскимъ у подножія Его Престола съ наибольшимъ уважаньемъ сложенный. Безъ мѣста печати, стор. 12, съ 18 примѣчаніями. Яко мотто къ тому стиху умѣщенъ слѣдующій уступъ поэзіи Петрова:

Тотъ извергъ естества, кто ближнихъ ненавидитъ;
Тотъ малъ, чьѣхъ честнымъ быть, кто только не обидитъ.
По правдѣ человекъ, кто всѣмъ благодѣлитъ:
Духанъ его немолчный есть свѣдѣтель,
Спопѣшна добродѣтель,
Онъ живъ, коль *) всѣхъ живитъ.

г) Та самая ода переведена на языкъ нѣмецкій подъ заглавіемъ: Gedicht, welches zu Ehren dem Hochwürdigsten, Hochzuverehrenden Herrn Iohann Snigurski, Bischof von Przemyśl u. s. w., Ioseph Lewicki, gr. k. Pfarrer zu Skło, am Tage des h. Iohann des Theologen den 8 May 1837 v. s. in Walawa, als am Tage Seines hohen Namensfestes, an den Stufen seines bischöflichen Thrones in tiefster Ehrfurcht und Dankgefühl niederlegte. Mit

*) Въместо: „Коли“.

14 Erklärungen. Стор. 10, безъ означенія мѣста печати. Яко мотто того нѣмецкого стиха служить :

Des Gerechten Pfad glänzet wie ein Licht: das da
fortgehet und leuchtet bis auf den vollen Tag.

Salomons Sprüche. (4. v. 18.)

д) Плачъ на гробѣ Его Преосвященства и Пре-
восходительства Куръ Іоанна Снѣгурского, епископа
Перемышльскаго, Самборскаго и Сяноцкаго, Его Им-
ператорско-царскаго Апостольскаго Величества дѣй-
ствительнаго тайнаго Совѣтника, Св. Богословія Док-
тора и проч. и проч., умершаго $1\frac{2}{24}$ сентября, а по-
гребаннаго дня $1\frac{6}{28}$ того мѣсяца 1847 року. Стор. 4,
безъ означенія мѣста печати. Мотто :

„Въ пѣматѣ вѣчнѣю вѣдетъ праведникъ :
и отъ слѣха злѣ не оукоитса.“

е) Надгробное Поѣма, Его Преосходительствъ
блаженнопочившаго куръ Іоанна Снѣгурскаго епископа
Перемыскаго и проч., соплеменниками благодарными
къ вѣчной пѣматѣ посвященное, во время же благого-
вѣнїа во оупокоѣнїе души блаженно оусѣпшаго 1-го дне
мѣсяца Агостопада 1847 гѣда во храмѣ Ставропигїй-
скаго Оупенїа Пресвѣтѣа Богородицы совершаемаго,
присѣцимъ тѣ же подаваемо. Во Львѣградѣ. Печѣтїю
заведенїа Ставропигїйскаго 1847 гѣда. Сторонъ 4. Яко
мотто слѣжитъ томѣ стихотворенїю :

Когѣ народъ шкъ отцѣ любїи ксердечно,
Тѣи въ пѣматѣ Его жїтїи вѣдетъ безкѣнчно.

Тотъ же авторъ Стеф. С., и на концѣ стихотво-
ренїа.

ѕ) Стихъ печѣльный блаженнои пѣматѣ Его Пре-
освященства и Преосходительства куръ Іоанна Снѣ-
гурскаго, Епископа Перемыскаго и проч. Престѣвлен-
наго кї (24) Септемрїа мѣмѣз (1847) гѣда. Оулѣженъ
питѣмцами Семинѣрїи ген. гр. кад. Львовскаго. Стор.
4. безъ означенїа мѣста печати.

Яко мотто къ тому стихотворенїю служить :

„Праведникъ яко фїниѣ процѣтѣетъ.“

з) Їза poświęcona zwłokom Jego Ekscellencyi JW. i Najprzewielebniejszego Jana Snigurskiego, Tajnego Radcy Jego ces. król. Mości, Najprzewielebniejszego pasterza Diecezyi Przemyskiej ob-
rządu grecko-kat., Dra Świętej Teologii, Dyrek-
tora szkoły filozoficznej w Przemyśle i t. d., zmar-
łego w Przemyśle dnia 24 Września 1847 roku,
przez Bogumiła z Wetlina. Стор. 7, безъ означенія
мѣста печати.

Яко motto къ той поэмѣ служить стихъ :

Kto z życia wielkie zostawił dzieje,
Tego sławy śmierć nie rozwieje.

В. К.

Та же ода переведена на языкъ русскій ажъ
три разы, вышла печатію яко :

й) Слеза надъ гробомъ Его Преосвященства и
Превосходительства куръ Іоанна Сиѣгурского, Еписко-
па Перемыского и проч., умершого дня 12 (24) Вересня
1847 року, — съ польского языка Боголюба изъ
Ветлина переведена Теодоромъ Л. Сторонъ 7, безъ
означенія мѣста печати. Яко motto къ тому переводу
служить изреченіе псаломника :

„Въ пѣматъ вѣчнѣю бѣдетъ праведникъ
и отъ славы злѣ не оукойтса.“

ж) Слеза, посвящена памяти Его Превосходитель-
ства, Преосвященного куръ Іоанна Сиѣгурского, Тай-
ного совѣтника Его имп. кор. Величества, епископа
Перемыского и проч., — съ польского на галицко-
русскій языкъ перевелъ Іосифъ Левицкій изъ Гру-
шова. Сторонъ 8, безъ означенія мѣста печати.

Motto : Ктѣ великѣи въ житѣи аншѣи дѣлѣ,
Тѣго славы не дождѣ смѣрть концѣ.

В. К.

з) Слеза, посвящена памяти Его Превосходитель-
ства Іоанна Сиѣгурского, епископа Перемыского и
проч., черезъ Богумина зъ Ветлина. Перевелъ Анто-

ній Лужецкій. Сторонъ 3., безъ означенія мѣста печати.

Цѣлый сей прекрасный поэматъ состоитъ изъ 12 строфъ.

Зъ того поэмата наведемъ здѣсь дословно послѣднюю строфу съ польскаго оригинала:

Jakim wawrzynem uwieńczył Ciebie,
Gdyś wieczne laury uzyskał w niebie?
Więc smutną mową — tęskną, grobową —
Rozniosiem żale — ku twojej chwale;
W twojej dziedzinie — ruskiej krainie
Zapłaczem głośno — smutno — żałośno,
Zanucim dziennie — zawsze, niezmiennie:

Niechaj wszędzie, w każdym względzie
Twoja sława wieczną będzie!

Та послѣдняя строфа, на русскій языкъ переведена, гласить:

Якія же лавры — Мы дамо Тебѣ,
Кодись вѣчными обдаренъ въ небѣ?
Мы сумной мовой — тугой гробовой —
Рознесемъ жалѣ — ко Твоей хвалѣ —
Въ Твоей отчинѣ — Руской краинѣ!
Горкими слезы мы зарыдаемъ!
Жалобны пѣсни мы заспѣваемъ!

Нехай — поки будутъ люди,
Вѣчна слава Тобѣ буде!

(Съ перевода Теодора Л.)

Най же всюди, по мѣжъ люди,
Твоя слава вѣчна буде.

(Съ перевода Іосифа Левицкаго изъ Грушова.)

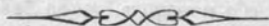
По вся лѣта, ту и всюды
Память Твоя вѣчна буди!

(Съ перевода Ант. Лужецкаго.)

Списокъ прибавленій.

	Стор.
Исторія введенія музыкальнаго пѣнія въ Перемышлѣ, статья Юсифа Левицкого (Изъ „Перемышлянина“ на г. 1853.)	141—149
Институтъ дьяковъ и учителей для школъ народ- ныхъ, семинарія и училища въ Перемышлѣ, статья Антонія Добрянскаго (Изъ Перемышлянина на г. 1852.)	149—152
Послѣдняя воля бл. п. епископа Іоанна Свѣтурскаго	152—162
Жизнеописаніе бл. п. Іоанна Свѣтурскаго, написан- ное на нѣмецкомъ языкѣ Ф. Кунцекомъ, п. к. директоромъ гимназій въ Перемышлѣ, съ г. 1856/7	163—166
Омѣлія бл. п. Іоанна Свѣтурскаго съ г. 1813	167—172
Выписка изъ книги: „Liber Ordinatum,“ хранящейся въ Архивѣ русской консисторіи въ Перемышлѣ	173—174
Библиографическія извѣстія, относящіяся къ бл. п. Іоанну Свѣтурскому	175—179

Важнѣйшія опечатки.

Стор.	41	стихъ	3	снизу	вм.	сердце	чит.	сердце
"	55	"	3	"	"	могло	"	могло
"	57	"	4	"	"	Диковскій	"	Досковскій
"	58	"	7	"	"	Мужинскій	"	Мушинскій
"	77	"	"	"	"	IV	"	VII
"	88	"	4	"		такъ належишь	опустиши	
"	88	"	8	"	вм.	вѣщенникъ	чит.	священникъ
"	91	"	"	"	"	VII	"	VIII
"	91	"	12	"	"	именновы	"	именно
"	92	"	2	"	"	епархіальной	"	епархіальный
"	122	"	12	сгоры	"	тамъ	"	такъ
"	126	"	13	"	"	увидило	"	удивило
"	127	(въ примѣчаніи)	ст. 11	снизу	вм.	онъ	—	чит. отъ
"	129	"	13	сгоры	вм.	многая	чит.	многая
"	130	"	11	снизу	"	Божой	"	славы Божой
"	144	"	7	сгоры	"	недѣлати	"	не дѣлаете
"	154	"	13	"	"	владычюю	"	владыцтва,
"	155	"	4	"	"	ч. 36	"	63
"	155	"	13	"	"	ч. 36	"	63

3-

